

Институт языкознания РАН
Институт перевода Библии

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Institute for Bible Translation

РОДНОЙ ЯЗЫК

Лингвистический журнал

Rodnoy Yazyk

Linguistic Journal

№ 2

Москва, 2022

ISSN 2313-5816

DOI 10.37892/2313-5816-2022-2

УДК Варбот 811.16

Янович 811.161

Беликов 811.161.1

Кашкин 811.511.151

Мудрак 811.511.1, 811.221.18

Гусев 811.511.23

Кобзарева 81.322

Колпакова, Муковская 811.511.141

Кретов, Шудрикова 811.161.1

Агранат 811.511.11

Алпатов 81'27

Кошкарева 811.511.142

Шеймович 81-13

Додыхудоева 811.221.3

Люблинская 398.61

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

*В. М. Алпатов, М. Беерле-Моор, А. В. Дыбо, А. А. Кибрик,
М. И. Магомедов, Г. Ц. Пюрбеев, М. З. Улаков, Ф. Г. Хисамитдинова*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*Т. Б. Агранат (главный редактор), А. Н. Биткеева, Т. Виер, А. Вио, В. Ю. Войнов,
К. Т. Гадилия, К. Д. Гаррисон, Т. А. Майсак, О. А. Мудрак, Ю. В. Псянчин,
М. Рисслер, Е. Л. Рудницкая, Л. Уэйли, М. Ш. Халилов, Д. Эршлер*

Приглашенный редактор О. А. Казакевич

Редактор *Т. О. Майская* Верстка *А. А. Маженова*

Адрес редакции: Москва, 119334, Андреевская наб. 2,
Институт перевода Библии

Тел.: (495) 956-64-46

Интернет-сайт журнала: <https://rodyaz.ru>

email: ibt_inform@ibt.org.ru, editor@rodyaz.ru

EDITORIAL COUNCIL

*V. M. Alpatov, M. Beerle-Moor, A. V. Dybo, F. G. Khisamitdinova,
A. A. Kibrik, M. I. Magomedov, G. Ts. Pyurbeev, M. Z. Ulakov*

EDITORIAL BOARD

*T. B. Agranat (editor-in-chief), A. N. Bitkeeva, D. Erschler, K. T. Gadilia,
K. D. Harrison, M. Sh. Khalilov, T. A. Maisak, O. A. Mudrak, Yu. V. Psyanchin,
M. Rießler, E. L. Rudnitskaya, A. Viaut, V. Voinov, L. Whaley, T. Wier*

Guest Editor O. A. Kazakevich

Editor *T. O. Mayskaya* Typesetting *A. A. Mazhenova*

Address: Institute for Bible Translation, Andreevskaya nab. 2,
Moscow 119334

Tel.: (495) 956-64-46

Internet: <https://rodyaz.ru>,

email: ibt_inform@ibt.org.ru, editor@rodyaz.ru

СОДЕРЖАНИЕ

TABLE OF CONTENTS

Предисловие

Preface	9
---------------	---

Этимология

Etymology

Ж. Ж. Варбот. О семантике славянских существительных с префиксом **na-* (к проблеме влияния отглагольного именного словообразования на отыменное)

<i>Zh. Zh. Varbot.</i> On the semantics of Slavic nouns with the prefix * <i>na-</i> : The influence of deverbally nominal word formation on denominative nouns.....	11
--	----

Е. И. Янович. Талер. Жизнь слова в истории языка и в речевой практике

<i>E. I. Yanovich.</i> On the borrowing of the monetary term <i>thaler</i> into Old Russian and Belarusian.....	17
---	----

Лексикология и лексикография

Lexicology and lexicography

В. И. Беликов. Другая сноха и новая невестка

<i>V. I. Belikov.</i> Russian <i>snokha</i> as 'sister-in-law' and <i>nevestka</i> as 'bride' in regional usage	25
---	----

Языковые контакты

Language contact

Е. В. Кашкин. О нестандартном (заметки о русской речи горных марийцев)

<i>E. V. Kashkin.</i> On non-standard features of Russian in the grammar and lexicon of Hill Mari speakers	35
--	----

- О. А. Мудрак. Осетинский след в Приуралье*
O. A. Mudrak. Traces of Ossetic
in Finno-Ugric languages of the Ural region 52

Проблемы грамматики
Issues in grammar

- В. Ю. Гусев. Конструкции с номинативным*
посессором в нганасанском языке
V. Yu. Gusev. Constructions with a Nominative
possessor in the Nganasan language..... 67

- Т. Ю. Кобзарева. Восстановление*
грамматических эллипсисов
T. Yu. Kobzareva. Recovering grammatical ellipses 89

- Н. Н. Колпакова, Л. Ю. Муковская.*
*Имена *pluralia tantum* в венгерском языке*
N. N. Kolpakova, L. Yu. Mukovskaya.
Pluralia tantum nominals in Hungarian 120

Фонетика и фонология
Phonetics and Phonology

- А. А. Кретов, А. С. Шудрикова. «Словарь морфем русского*
языка» о фонетическом варьировании русских корней
A. A. Kretov, A. A. Shudrikova. On phonetic variations
in Russian word roots in the “Dictionary
of Morphemes of the Russian Language” 132

Язык и социум
Language and society

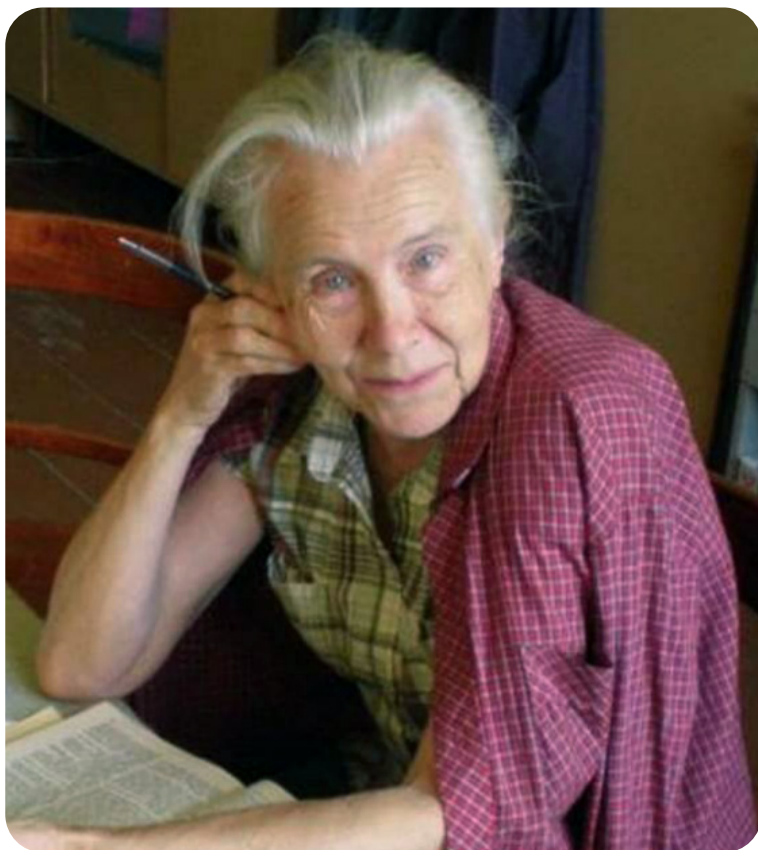
- Т. Б. Агранат.* Реинкарнация ижорской письменности
T. B. Agranat. The reincarnation of Ingrian writing 146
- В. М. Алпатов.* Факторы, противостоящие пониманию
V. M. Alpatov. Factors preventing understanding 158
- Н. Б. Кошкарева.* Из истории разработки хантыйской письменности: среднеобской диалект как основа литературного языка (40-50-е гг. XX в.)
N. B. Koshkareva. The Middle Ob dialect as the foundation of the Khanty literary language: A historical analysis of materials from the 1940s-1950s 164
- А. В. Шеймович.* Электронные базы метаданных и построение диалектологического атласа
A. V. Sheimovich. Electronic Databases of Metadata in the Development of the Dialectological Atlas 185

Этнолингвистика
Ethnolinguistics

- Л. Р. Додыхудоева.* Небесные светила и атмосферные явления в языковой картине мира иранских народов Памиро-Гиндукушского региона
L. R. Dodykhudoeva. Celestial bodies and atmospheric phenomena in the linguistic worldview of the Iranian peoples of the Pamir-Hindu Kush region 198
- М. Д. Люблинская.* Назначение загадки
M. D. Lyublinskaya. The function of riddles 220

*Специальный выпуск,
посвященный 90-летнему юбилею
Ариадны Ивановны Кузнецовой.
Исследования коллег, друзей, учеников*

*Special issue
celebrating the 90th birthday of Ariadna Kuznetzova
with articles written by her colleagues,
friends and former students*



Предисловие

Этот выпуск журнала «Родной язык» посвящен 90-летию со дня рождения Ариадны Ивановны Кузнецовой (1932–2015), заслуженного профессора Московского университета, одного из ведущих отечественных специалистов по морфологии, исторической грамматике и лексикологии русского языка, по уральским языкам, мифологии и фольклору, неутомимого организатора и участника полевых исследований языков России. В течение нескольких десятков лет у Ариадны Ивановны успели поучиться едва ли не все тогдашние выпускники отделения структурной (а впоследствии теоретической) и прикладной лингвистики (ОСиПЛ/ОТиПЛ).

Круг научных интересов Ариадны Ивановны постоянно расширялся: от русской семантики она постепенно переходит к русской морфологии, к общей морфологии, к документации малоизученных языков. В ходе полевой работы в круг ее интересов попадает общая уралистика и внутригенетическая типология. Карьера Ариадны Ивановны как полевого лингвиста (если не считать диалектологические и фольклорные экспедиции студенческих лет) началась в 1967 г., когда она приняла участие в первой научно-учебной лингвистической экспедиции по исследованию неизученного в то время лакского языка, организованной кафедрой структурной и прикладной лингвистики МГУ. На следующий год Ариадна Ивановна резко меняет географию лингвистического поля и едет на север. В 1968–1977 гг. и 1998–1999 гг. она неоднократно была организатором и участником лингвистических экспедиций в места проживания коми-зырян и самодийцев (ненцев, энцев, селькупов). С 2000 г. она руководит студенческой практикой по полемому изучению финно-угорских языков (коми-зырянского, удмуртского, марийского, эрзя-мордовского, хантыйского); нередко у

нее бывало по две-три экспедиции за сезон. Всего на счету А. И. Кузнецовой более трех десятков экспедиций, последняя проходила летом 2014 г. Новая экстралингвистическая проблематика выводит Ариадну Ивановну на изучение фольклора и мифологии самодийцев, а в 2011 г. она обращается к проблемам лингвистической географии на материале уральских языков Ямала. При этом широта и многообразие тематики в ее работах всегда сочетались с нетривиальностью взгляда на проблему и глубиной лингвистического анализа. Начав свою научную деятельность как русист, Ариадна Ивановна стала признанным на международном уровне финно-угроведом и самодистом, о чем свидетельствует ее избрание иностранным членом научного Финно-угорского общества — Suomalais-Ugrilainen Seura (Хельсинки, 1991).

Ариадна Ивановна была всегда открыта к новым теориям и новым научным парадигмам, однако она всегда предупреждала своих учеников, что новое — это нередко хорошо забытое старое, и невозможно двигаться вперед, не освоив то, что было сделано предшественниками.

В нашем выпуске журнала «Родной язык» собраны статьи друзей, коллег и учеников Ариадны Ивановны. Тематика статей отражает ее научные интересы: это русистика, самоедология, финно-угристика, этнолингвистика... Авторы объединяет огромное уважение к памяти Ариадны Ивановны и уверенность, что сохранение этой памяти послужит во благо развитию лингвистике.

О. А. Казакевич

**О семантике славянских
существительных с префиксом **na-*
(к проблеме влияния отглагольного именного
словообразования на отыменное)
On the semantics of Slavic nouns with the prefix **na-* :
The influence of deverbal nominal word formation
on denominative nouns**

Ж. Ж. Варбот

Zh. Zh. Varbot

Преобладающая семантика русских и славянских имен существительных с префиксом *na-* определена первичной функцией префикса — это обозначение предмета по расположению поверх чего-то, названного производящим именем: слав. **narǫka* ‘браслет’.

Возможно, однако, иной тип соотношения семантики префиксального имени и производящего имени: производящее имя здесь обозначает сам предмет, который, благодаря предшествующему префиксу, характеризуется как расположенный сверху, так что семантика производного имени соответствует как будто словосочетанию с обратным расположением производящего имени и префикса — ‘предмет (который) сверху’, см.: слав. **naledь* ‘гололедица’.

Появление этой семантической модели отыменных существительных с префиксом **na-* можно объяснить влиянием модели имен, производных от префиксальных глаголов: ср. слав. **nasypat* *i* → **nasypь*.

Ключевые слова: функции предлогов/префиксов, отыменное префиксальное словообразование имен существительных, именное отглагольное словообразование

The prevailing semantics of Russian and Slavic nouns with the prefix *na-* is determined by the primary function of the prefix — it designates an object as located on top of the root noun: Slav. **narǫka* ‘bracelet’ (lit. ‘thing on top of hand’).

However, another type of correlation between the semantics of the prefixed noun and the root noun is possible: the root noun in this case denotes the object itself, which, thanks to the preceding prefix, is characterized as located on top, so that the derived noun corresponds semantically to a reverse arrangement of the root noun and prefix — ‘object (which) is on top’, see Slav. **naledь* ‘ice-crusted ground’ (lit. ‘ice that is on top’).

The emergence of this semantic pattern of denominative nouns with the prefix **na-* can be explained by the patterning influence of nouns derived from prefixed verbs: cf. Slav. **nasypati* ‘pour on/into’ → **nasyрь* ‘embankment’.

Keywords: prefix functions, nominal derivation of prefixed nouns, verbal derivation of nouns

DOI: 10.37892/2313-5816-2022-2-11-16

Префикс **na-* генетически тождествен предлогу **na*, и функции префикса обычно рассматриваются на фоне функций предлога. Исходная и основная функция предлога определяется как ‘сверху/наверх’ с конкретизацией — функциями направления, цели, времени и пр. [Кореšný ESS] I: 116–121]. Соответственно, глаголам префикс сообщает значения направления действия (поверху), цели, интенсивности, результативности [Кореšný ESS] I: 122Ц–123]. Отглагольные имена существительные наследуют семантику от производящих глаголов, преимущественно — результат действия = предмет, расположенный поверх чего-либо: слав. **nasypati* → **nasyрь* [ЭССЯ 23: 115] (здесь и далее приводятся реконструкции праславянских лексем как показатель общеславянского распространения и древности словообразовательных отношений). Разумеется, имена, производные от префиксальных глаголов, не могут рассматриваться как префиксальные.

Относительно собственно префиксальных (с **na-*) имен укрепилось представление об актуальности преимущественно префиксально-суффиксального образования [Рус. Гр. I: 232–233]. Последние действительно представлены широко. Их семантика соответствует семантике сочетания предлог + имя существительное — преимущественно обо-

значение предмета, расположенного поверх чего-л., названного производящим именем: **našijьkь* [ЭССЯ 23: 124], **navujьkь* [ЭССЯ 24: 45]. Следует отметить эту семантику производящих имен (хотя возможны и другие значения, соответствующие вторичным функциям предлога, например обозначение времени — **natьmьkь* ‘впотьмах’ [ЭССЯ 23: 187], **navečerьje* [ЭССЯ 23: 214]).

Лексика славянских языков и реконструкция праславянской лексики в ЭССЯ свидетельствуют о реальности также образования имен существительных с префиксом **na-* без участия суффиксов, хотя грамматисты предпочитают называть это моделью с нулевым суффиксом [Рус.Гр. I: 239]. Иногда производное имя действительно меняет парадигму, но возможно и сохранение исходной. Преобладающая семантика этих имен также определена первичной функцией префикса — это обозначение предмета по расположению поверх чего-то, названного производящим именем: **nadolь* ‘долина, склон горы’ [ЭССЯ 22: 12], **napleka* ‘вышивка на рубахе по плечу’ [ЭССЯ 22: 218], **nagolень* ‘паголенок’ [ЭССЯ 22: 43], **naritь* ‘то, что носят на спине, узелок; сбруя’ [ЭССЯ 22: 248], **narogь* ‘железный зубец на сохе, укрепляемый на деревянном роге’ [ЭССЯ 23: 6–7], **narьka* ‘браслет’ [ЭССЯ 23: 18], **naslědь* ‘наследие’ [ЭССЯ 23: 51–52], **nazemь* ‘верхний, пахотный слой земли, навоз’ [ЭССЯ 24: 64], русск. диал. новгор., ряз. *нащѣка* ‘пощечина’ [СРНГ 20: 304], киров. *набереги* ‘часть луга, прилегающая к реке’ [СРНГ 19: 112], перм. *нагвозди* ‘гайки, надеваемые на концы гвоздей’ [СРНГ 19: 196]. Вторичные функции префикса отражены в **natěsto* ‘закваска’ [ЭССЯ 23: 142] — указание цели, назначения, русск. диал. сарат., ворон., тамб. *назол* ‘зола’ [СРНГ 19: 287] — обозначение идентичности или подобия.

Возможно, однако, иное соотношение семантики префиксального имени и производящего имени. В отличие от рассмотренных выше производных с **na-*, производящее имя здесь обозначает сам предмет, который благодаря предшествующему префиксу характеризуется как расположенный сверху, так что семантика производного име-

ни соответствует как будто значению словосочетания с обратным расположением производящего имени и предлога — «предмет (который) *сверху*», см.: **narъtъ* ‘верх обуви, угол, крыша’ [ЭССЯ 23: 21–22], **naledъ* ‘незамерзающие родники, вокруг которых образуются ледяные бугры, голледица’ [ЭССЯ 22: 154–155], **nasluda* ‘наледь, обледеневший снег, наст; вода поверх льда’ [ЭССЯ 23: 57], **nasluzъ* то же [ЭССЯ 23: 58], русск. диал. свердл. *набрѡвка* ‘деревянный карниз, украшение на окне’ [СРНГ 19: 133], новосиб. *наклямка* ‘деревянная скоба’ [СРНГ 19: 330], свердл. *наколѡдка* ‘покрывало с кружевом на кровати’ [СРНГ 19: 335] (*колѡдка* ‘кусочек кружев’), краснояр., колым. *накрѣлки* ‘доски, пришиваемые к бортам корбаса’ [СРНГ 19: 352]. В русских диалектизмах префикс присоединен к собственно суффиксальному производящему имени. Есть, однако, однотипные по семантической структуре префиксальные имена, образованные с участием суффикса *-ъje*, то есть префиксально-суффиксальным способом: **navodъje* ‘наводнение, затопление, половодье’ [ЭССЯ 24: 17], **navъръsъje* ‘возвышение, гребень, маковка’ [ЭССЯ 24: 55].

Появление этой семантической модели отыменных существительных с префиксом **na-* можно, кажется, объяснить влиянием модели имен, производных от префиксальных глаголов. Производящие глаголы с семантикой движения/состояния поверху часто передают отглагольным именам семантическую составляющую расположения сверху: **nasypati* → **nasypъ / ъ*, так же **nastilъ*, **navisъ*, **nastъ* [ЭССЯ 24: 100–101]. При этом иногда корень отглагольного имени может оказаться тождественным имени существительному в «независимом» функционировании: **nakrovъ* ‘крышка’ [ЭССЯ 22: 141] образовано от **nakryti*, но **-krovъ* может восприниматься как непосредственная производящая основа и соответственно **nakrovъ* как отыменное префиксальное имя с мотивацией по предмету, расположенному сверху. Такова же ситуация с **nagorda* ‘сарай с верхней частью; то, что нагорожено, наложено одно на другое’ [ЭССЯ 22: 50]: это производное от **nagorditi* ‘настроить, на-

громоздить, накладывая одно на другое' [ЭССЯ 22: 51], но носителями языка могло толковаться как производное от **gorda*. Подобные имена существительные, производные от глаголов с префиксом *na- и послужили образцом для формирования модели особого типа отыменных существительных с префиксом *na-.

Очевидно, подобное преобразование (скорее, новообразование) словообразовательных моделей происходит на фоне (или, точнее, в кругу) других соотносительных предлогов/префиксов с пространственной функцией: см. **obvěšaja*, -*ějka* 'деревянный обод на горловине сита, решета, кадки и под,' [ЭССЯ 31: 15–17] (от **věko** 'крышка') — **обод* вокруг, *об-*, по аналогии с *осыпать* — *осыть*; русск. диал. *поскóта*, *поскóтина* 'огороженное пастбище, выгон' [СРНГ 30: 168] — *'место, по которому скот пасется', по аналогии с *поливать* — *полива*.

Литература

Рус.Гр. — Шведова Н. Ю., гл. ред. *Русская грамматика*. Т. I–II. Москва, 1980.

СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–23), Ф. П. Сороколетов (вып. 24–41), С. А. Мызников (вып. 42–51–). Ленинград=Санкт-Петербург, 1966–2019.

ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков*. Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), А. Ф. Журавлева (вып. 32–39), А. Ф. Журавлев, Ж. Ж. Варбот (вып. 40), Ж. Ж. Варбот (вып. 41–42). Москва, 1974–2021–.

References

ESSYa — *Etimologičeskij slovar' slavyanskikh jazykov* [Etymological dictionary of Slavic languages]. Pod red. O. N. Trubacheva (vyp. 1–31), A. F. Zhuravleva (vyp. 32–39), A. F. Zhuravlev, Zh. Zh. Varbot (vyp. 40), Zh. Zh. Varbot (vyp. 41–42). Moskva, 1974–2021–. (In Russ.)

Rus.Gr. — Shvedova N. Yu., gl. red. *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Т. I–II. Moskva, 1980. (In Russ.)

SRNG — *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Gl. red. F. P. Filin (вып. 1–23), F. P. Sorokoletov (вып. 24–41), S. A. Myznikov (вып. 42–51–). Leningrad=Sankt-Peterburg, 1966–2019. (Russ.)

Варбот Жанна Жановна
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия
Varbot Zhanna Zhanovna
Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
zhannavarbot@yandex.ru

**Талер. Жизнь слова в истории языка
и в речевой практике**
**On the borrowing of the monetary term *thaler*
into Old Russian and Belarusian**

Е. И. Янович

E. I. Yanovich

Статья содержит дополнительные сведения к истории слова *талер* как заимствования в русском и белорусском языках. Делаются наблюдения над судьбой этого слова в истории русского и белорусского языков.

Ключевые слова: старорусский язык, старобелорусский язык, талер, денежные единицы, лексическое заимствование

The present article contains additional information about the history of the word *thaler* as a borrowing in Russian and Belarusian. Observations are made on the destiny of this word in the history of the Russian and Belarusian languages.

Keywords: Old Russian, Old Belarusian, thaler, monetary units, lexical borrowing

DOI: 10.37892/2313-5816-2022-2-17-24

Слово *талеръ* известно в деловых документах старорусского и старобелорусского языков начиная с XVI в. и представлено в них различными буквенно-звуковыми вариантами: *талерокъ*, *таларокъ*, *таръль*. Варианты отражают фонетические (различный характер произношения) или словообразовательные (наличие значения уменьшительности; лексические преобразования вследствие метатезы слогов) особенности слов. В большинстве случаев в обоих языках лексема *талеръ* употреблялась в значении ‘монета, крупная денежная единица’.

Слово *талер* в значении ‘монета’ является древним заимствованием слова *Taler* из немецкого языка (точнее, его баварского диалекта) при посредстве польского языка [ЭСБМ 13: 192–193]. Известно, что *талер* в языке-источнике возникло на базе сокращения топонима *Иоахимсталь* (*Joachimsthal*), образованного сложением двух основ. Первая — название местности *Иоахим* (*Йоахим*, в современности — г. Яхимов, Чехия). Относительно происхождения второй основы мнения этимологов расходятся. В ней видят немецкий элемент *-tal-* со значением ‘долина’ [Успенский: 111], однако более вероятно, на наш взгляд, ее связь с корневой морфемой итальянского глагола *tagliare* со значением ‘резать’ (ср. классическую версию происхождения слова *тарелка* [Фасмер IV: 24]). Это предположение мотивировано сведениями о древней технологии чеканки монет, одним из главных этапов которой была резка металлических пластин на кусочки нужной формы и веса. Сокращение этого сложения закончилось формированием слова *талер*.

Мы не располагаем точными данными о реальной стоимости монеты с этим названием. Из упоминаний этой монеты в старобелорусских актовых документах очевидно, что это была реально достаточно высокая стоимость: в актах XVI–XVII вв. упоминаются дорогие покупки, которые оплачивались этой монетой *иные пески* (‘мех песка’) *продаем по толяру* (1579 г.) [ГСБМ 33: 202]; *жита куповали четверть по таляру* (1599 г.) [Баркул.: 135]; *послал шест бочок вина пили за здорове его, килка сот таляров* (Хронограф, XVII в.) [ГСБМ 33: 202]. К XVII в. стоимость талера установилась как 11 золотых или 2 сребреника: *наняли сторожовъ покоморныхъ... каждому давали талярки ровно золоть одынадцать* (1689 г.) [ГСБМ 33: 202]; *...тотъ даръ тысяча сребрениковъ был якобы 500 таляровъ* [Там же]. В XVI в. талер мог быть использован в качестве закладной имущества или денег: *Гарасим ми презысканого не отдавши, над то еще и мой талеръ похвативши, до себе узяль* (1579 г.) [ГСБМ 33:

202] — это также может указывать на его значительную социально-общественную ценность в XVI–XVII вв.

Реализация чередования звуков *-t/-d-* в верхненемецких диалектах предопределила формирование образований на базе слова *талер* нового слова *далер* с тем же лексическим значением единицы денежного обращения, которое со временем в определенных общественно-исторических условиях на территории разных стран стало успешным конкурентом слова *талер*. Оба эти слова оказались в метонимических отношениях, сближаясь не только семантически, но и на основе словоизменительных, словообразовательных и синтаксических характеристик: так же, как различались *талеры* и *талеры битые*, *талеры левковые* (с изображением льва), так различались и *далеры битые*, *далярки* (уменьшительная номинация), *далеры галандские*, *левковые далеры* (с изображением льва). Под названием монеты *daler*, которая чеканилась в Йоахимстале, стали чеканиться монеты аналогичного веса и размера, получившие использование в обиходе и других государств.

По историческим данным, начиная с XVI в. особенно активной была внешняя торговля Голландии. Монета из Йоахимсталя стала широко использоваться на Ближнем Востоке и в голландской Ост-Индии, дошла до Нового Света и получила применение в Новых Нидерландах — голландской колонии в Северной Америке (в современном мире — в Нью-Йорке). Таким образом, слово *доллар* стало известно во многих странах как особая лексема со значением ‘крупная денежная единица’; эта единица, как и талер, была обеспечена высоким содержанием драгоценного металла – серебра. На протяжении XV–XVII вв. в связи с государственными и общественно-историческими изменениями в жизни восточнославянских земель происходило развитие новых систем денежного обращения, в которых выдвигались новые денежные единицы, специфические для разных регионов восточнославянских земель (*грошъ*, *копа*, *полтина*, *рублевикъ*, *рубль* и др.).

К середине XVII в. положение талера в условиях Российского государства изменилось, и эти монеты получили не только новые, необычные функции, но и другое название. К этому времени в существующей в это время денежной системе обнаружился недостаток — отсутствие крупной платежной единицы. Государственные власти пытались решить эту проблему путем введения в 1654 г. *рублевика* — монеты, перечеканенной из талера с формальным номиналом 100 копеек. Но эта монета оказалась неполноценной, так как содержала 28 г серебра, а вес реальных 100 копеек должен был составлять 48 г. Поэтому в 1655 г. правительство, отменив *рублевик*, ввело в обращение *талеры с клеймом*, присвоив им то же наименование *Йоахимсталеры*, связанное с местом их чеканки. В народном произношении это название вначале звучало как *йоахимы*, а со временем трансформировалось в *ефимки* (*ефимок* [м. р.] или *ефимка* [ж. р]). Для различия талеров старой и новой чеканки было введено полное название этой монеты с ее новым, особым содержанием — *ефимок с признаками*; в качестве таких «признаков» на новой монете талера двумя штампами надчеканивали изображение всадника и дату — 1655 г. (см.: [СРЯ XI–XVII 5: 395]; [Ференц]).

Таким образом, возвращение к использованию талеров было связано с тем, что в Российском государстве обнаружился недостаток серебра, необходимого для чеканки монет с высокой денежной стоимостью, что сделало западноевропейские талеры предметом высокого спроса. Талеры стали скупать и завозить в Россию как импортный источник серебра, и монеты, которые чеканились из этого материала, получили уже другое название — *ефимки*. Монета с таким названием легла в основу и других, разных в количественно-цифровом отношении, чеканок талера.

Материалы старорусского подкорпуса Национального корпуса русского языка показывают, что функции введенной монеты с новым названием оказались разнообразными. Прежде всего, уже с XVI в., эта денежная единица была включена в расчетные и платежные отношения: *а взяли*

у нихъ за прошлые дани и за старые залогы пятьдесятъ тысячь ефимковъ (Грамоты датским послам, 1559 г.); а цѣна тѣмъ кораблемъ и товару пятсотъ тысячь ефимковъ (Ответ датским послам, 1576 г.); Да в ту пору дали Федоту чарку серебряною да пятьдесятъ шесть яфимков, да комку кызылбаскою ... а ценою они сочли и сказали на осемьдесятъ яфимков (Статейный список Федота Елчина, 1639–1640 гг.). Кроме того, эта монета могла быть использована в качестве почетной награды: Да келейнику его казначейскому дано въ почете ефимокъ; Да дворецкому его дано въ почете ефимокъ (Записная тетрадь Иверского монастыря, 1701 г.) — очевидно, это подтверждает государственную значимость монеты. Действительно, в деловых документах и финансовых отчетах находим записи о том, что в XVII в. ефимки были органичной частью монетарной системы Российского государства и являлись существенной статьей государственного бюджета; например, в Приходной книге Новгородской четверти 1619–1620 гг. сообщается: *пошлинь в 128 году собрано шестьсот осемьдесятъ осемь рублев... а не доброно против 127 году пятидесяти шти рублев...потому что ефимков и серебра, и старых денег ... во 128 году приносили мало...а немецкие и литовские люди ефимков не привозили.*

Хотя ефимок не был допущен к официальному обращению, эта монета была достаточно популярной, особенно в западных землях, перешедших к России от Речи Посполитой и Литвы, то есть находившихся, в том числе, на территории современной Беларуси.

В истории восточнославянских языков можно наблюдать определенные следы присутствия в их системах слова *талер* и его производных. В результате перестановки (метатезы) слогов в этом слове, облегченной условиями его заимствования, возникла новая лексическая единица с сочетанием *тар-* в корне, у которой на основе предметного сходства круглой монеты и бытового предмета посуды сформировалось новое значение ‘небольшая круглая посуда’. Оно реализовалось в старорусских и старобелорусских письменных памятниках уже с XVI в.: *Три блюдечка*

малые да расолникъ, да тарѣль [СРЯ XI–XVII 29: 217]; *было у меня в дворѣ... тарелок пять цыновых* [ГСБМ 33: 215]; *палцы облизуе и тарель* [Там же]. Эта же лексема в описываемый период используется и в значении ‘денежная единица’: *властных гршеи узела тарелей пядьдесят а монеты десет коп гршеи* [Там же]. Лексема, обозначающая предмет посуды, со звуковой последовательностью *тар-* в корне и ее производные известны и современным восточнославянским языкам в их литературных или просторечных вариантах.

Следом длительного сохранения слова *талер* в истории белорусского языка можно считать процесс онимизации производного с уменьшительным значением от этого слова. Современному белорусскому социуму известно имя собственное *Талерчик* (*Талерчык*) — фамилия существующего в реальной жизни современного члена общества. Интересно заметить, что такой же результат, а именно развитие имени собственного на базе уменьшительного названия денежной единицы, устаревшего в современном белорусском языке, можно усмотреть в происхождении другой реально существующей в белорусском ономастиконе фамилии *Ефимчик* (*Яфімчык*) — ср. *ефимка*.

В памяти и в речевой практике белорусов сохранились в течение длительного времени некоторые, пусть и немногие, устаревшие слова с актуальным и для носителей языка, и для самих слов как элементов лексической системы значением. В подтверждение сошлемся на факт современного исполнения белорусской частушки: *А на печы пры лучыне / Дзеўкі грошы палічылі. / Налічылі два талера / Ды купілі кавалера*. Бытование этой частушки может поддерживаться сохранившимся в памяти носителей языка представлением о значительном числовом, «богатом» содержании слова *талер*.

Приведенные факты напоминают о том, что в истории языка можно и следует искать новые и вместе с тем традиционные источники обогащения системы лексических средств, необходимых для коммуникации в современ-

ных условиях развития общества. Это актуально, в том числе, в свете решения важной для современных восточнославянских языков задачи именованья крупной денежной единицы в новой, еще только формирующейся системе криптовалюты.

Литература

Баркул. — Баркулабаўская хроніка // *Помнікі старажытнай беларускай пісьменнасці*. Уклад., уступн. артык. і камент. А. Ф. Коршунава; рэд. Ю. С. Пшыркоў. Мінск, 1975.

ГСБМ – *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*. Вып. 33: *Струна – трэснутися*. Склад. А. М. Булыка [і інш.]; пад рэд. А. М. Булыкі. Мінск, 2013.

СРЯ XI–XVII – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Москва, 1975–.

Успенский Л. В. *Почему не иначе? Этимологический словарь школьника*. Москва, 1967.

Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. В 4 т. Т. IV: Т – ящур. Москва, 1987.

Ференц В., Костыркина А. Эволюция монет российских // *Банковское обозрение*. URL: <https://bosfera.ru/bo/evolyuciya-monet-rossiyskih> (дата обращения: 14.06.2022).

ЭСБМ – *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*. Т. 13. *Су – Трапкач*. Уклад. Р. М. Малько [і інш.]; гал. рэд. Г. А. Цыхун. Мінск, 2010.

References

Barkul. — Barkulabaŭskaya khronika [Barkulabaiskaya chronicle] // *Pomniki starazhytnay belaruskay pis'mennastsi*. Uklad., ustupn. artyk. i kament. A. F. Korshunava; red. Yu. S. Pshyrkoŭ. Minsk, 1975. (In Belarus.)

ESBM – *Etymalagichny sloŭnik belaruskay movy* [Etymological Dictionary of the Belarusian language] T. 13. *Su – Trapkach*. Uklad. R. M. Mal'ko [i insh.]; gal. red. G. A. Tsykhun. Minsk, 2010. (In Belarus.)

Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian language]. V 4 t. T. IV: T – yashchur. Moskva, 1987. (In Russ.)

Ferents V., Kostyrkina A. Evolyutsiya monet rossiyskikh [The evolution of Russian coins] // *Bankovskoe obozrenie*. URL: <https://bosfera.ru/bo/evolyuciya-monet-rossiyskikh> (data obrashcheniya: 14.06.2022). (In Russ.)

GSBM – *Gistarychny sloŭnik belaruskay movy* [Historical dictionary of the Belarusian language]. Vyp. 33: *Struna – tresnutisya*. Sklad. A. M. Bulyka [i insh.]; pad red. A. M. Bulyki. Minsk, 2013. (In Belarus.)

SRYa XI–XVII – *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language]. Moskva, 1975–. (In Russ.)

Uspenskiy L. V. *Pochemu ne inache? Etimologicheskiy slovarik shkol'nika* [Why not otherwise? Etymological Dictionary for Schoolchildren]. Moskva, 1967. (In Russ.)

Янович Елена Ивановна
Независимый исследователь
Минск, Беларусь
Yanovich Elena Ivanovna
Independent researcher
Minsk, Belarus
yanovhi@rambler.ru

Другая *сноха* и новая *невестка*
Russian *snokha* as ‘sister-in-law’
and *nevestka* as ‘bride’ in regional usage

В. И. Беликов

V. I. Belikov

В статье рассматривается нейтрализация понятий ‘жена сына’ и ‘жена брата’ в термине *сноха*. Выявляется ядро ареала такого узуса: Средняя Волга — Южный Урал. *Невестка* в этом ареале используется как уменьшительное к *невеста*.

Ключевые слова: традиционная русская система свойства, термины *сноха* и *невестка*, региональные варианты нормы, языковые мегакорпуса

The present article is devoted to the previously undescribed usage of the Russian in-law term *snokha* as ‘brother’s wife’. The General Web-corpus of the Russian Language helps to define the area of such usage as Middle Volga — Southern Urals. The term *nevestka* in this area is used as the diminutive of *nevesta* ‘bride’.

Keywords: Russian affinity system, in-law terminology, regional variants of standard language, Big Data in linguistic analysis

DOI: 10.37892/2313-5816-2022-2-25-34

Давным-давно, после защиты диплома М. Н. Кольчицкой на ОТиПЛе МГУ в мае 1996 г., мы с Ариадной Ивановной обсуждали происходящую утрату традиционной терминологии свойства¹. Я усомнился в справедливости отнесения

¹ В дипломе эта проблематика затрагивалась косвенно. Кольчицкая ссылалась на свою курсовую работу 1995 г. «Способы именованья свойственников в речи современной московской интеллигенции», основанную на тщательном анкетировании 70 человек от 20 до 78 лет (студентов и лиц с высшим гума-

этих терминов к тому русскому литературному языку, который «от Пушкина до наших дней»: в классической литературе на их месте обычны *бельсеры* и *beau-père*'ы, а в XX в. — составные термины типа *сестра жены/мужа* и *отец жены/мужа*. С другой стороны, и у классиков, и у современных заведомых носителей языковой нормы ошибки в использовании терминов типа *золовка* или даже *тесть* далеко не единичны [Беликов 2020; 2022].

Владение исконными терминами свойства перестало быть всеобщим в начале XIX в. Показателен пример из письма М. М. Сперанского дочери, которая, согласно Википедии, «под руководством отца получила солидное образование»: *С Линквистом я хоть не коротко, но знаком: это друг Магницкого: но он вместе и свояк (beau-frère) Кавелину (1818; цит. по: [Епишкин 2010])*. Е. М. Сперанская знала лишь тот русский, на котором говорило столичное дворянство. Отец **на своем родном русском** назвал Кавелина *свояком* Магницкого, разъясняя, что они женаты на сестрах, не стал, а просто перевел малопонятное для дочери слово **на ее русский**: *beau-frère*.

Разумеется, многие русскоговорящие полностью или фрагментарно пользовались и пользуются традиционной системой свойства, но такое бытование этой терминологии в языке в целом серьезно противоречит пониманию литературной нормы, принятому в отечественном языкознании.

Традиционная система изначально не была единой. Основное различие было (и остается) в объеме понятий *сноха* и *невестка*. Исконно *сноха* — ‘жена сына’, а

нитарным, техническим и медицинским образованием). Общеизвестными оказались лишь слова *теща*, *тесть*, *свекровь*, *свекор*, *невестка*, *зять*, но именованья свойственников в +1 поколении в сознании значительного числа информантов имели негативную окраску. Наличие естественных контекстов для использования слов *деверь*, *золовка*, *сват*, *сватья*, *свояк*, *свояченица*, *сноха*, *шурин* подтвердили не более 10 % мужчин и 12–33 % женщин. Возрастные различия респондентов оказались незначительны.

невестка — термин внутрипоколенческий — ‘жена брата’, с утратой термина *ятровь/ятровка* — также жена деверя (брата мужа) и шурина (брата жены). По диалектам (следственно, и в наддиалектном «литературном» употреблении) широко представлена нейтрализация двух значений в пользу *невестки*: это и ‘жена сына’, и ‘жена брата’; такой узус распространен шире исконного². Но был и «обратный» процесс, с нейтрализацией этих значений в *снохе*. У В. И. Даля этот факт не зафиксирован. Диалектные данные ненадежны: в СРНГ статья *сноха* ‘жена брата’ [2005: 130] снабжена примером «*Сноха — мужнина брата жена. Новосиб.*», демонстрирующим непонимание сути родственной терминологии: жён братьев мужа (и, например, братьев отца и матери) не следует приравнивать к жене родного брата.

Вариант системы свойства, где *невестка* уступила место *снохе*, известен с XIX в. При цитировании примеров важно понимать, где и как автор усваивал родной язык.

С. Т. Аксаков (1791–1859) вырос в Бугурусланском уезде (сейчас — крайний запад Оренбургской области), крестьяне Аксаковых за 24 года до рождения писателя были переведены с севера Симбирской губернии. О своей тетке он писал, что девическую жизнь та проводила *сначала в доме родительском, а потом в доме брата и снохи* [то есть брата и его жены] (Воспоминания, 1856).

М. А. Дмитриев (1796–1866) провел детство в Сызранском уезде Симбирской губернии, где был в достаточно тесных отношениях с дворовыми³. В «Деревенских элегиях» (1860) он писал: *Как подколотныя змеи и колотовки, / Колотят и грызут сноху свою золовки.*

А. С. Пругавин (1850–1920) — уроженец Архангельска, не бывавший в Пермской губернии, в серии очерков «Самой-

² Именно поэтому в языке в целом *невестка* почти в шесть раз частотнее *снохи* (7,5 и 1,3 ipm) [Ляшевская, Шаров 2009].

³ В мемуарах («Главы из воспоминаний моей жизни», М.: НЛО, 1998) он сообщает, что в его семействе «ни один человек не говорил по-французски», а «письму и первым правилам арифметики учил меня дворовый человек Сидор Иванович».

стребление. Проявления аскетизма и фанатизма в расколе» (Русская мысль, 1885) излагает события «за рекой Камой, в глухом Висемском лесу»⁴ по материалам «Пермских губернских ведомостей» 1880 г.: *Родная мать* [Петра] *Холкина, Настасья, брат Андрей, сноха Афимья* [жена Андрея Холкина] и дядя *Николай Поспелов* были первыми последователями его учения. Далее в тех же очерках Пругавина *сноха* ‘жена брата женщины’ упоминается в связи с событиями в Шадринском уезде (совр. Курганская область) по материалам «Пермских епархиальных ведомостей» за тот же год.

С. Т. Семенов (1868–1922), крестьянин Волоколамского уезда Московской губернии, писатель-самоучка, пишет: *Женщина — сноха их, брата родного жена, что в солдатах помер* («Наследство», 1888).

Не всякое появление *снохи* в нестандартном значении свидетельствует о приверженности к какому-то варианту традиционной системы. Вот Герцен пишет (Долг прежде всего, 1851): *На организм [кормилицы], который не только безнаказанно, но так торжественно вынес бедность, работу, отца, мать, жнитво, мужа, двух снох, старосту, свекровь и барщину, можно было слепо положиться*. Здесь *сноха* — ‘жена брата мужа’. Но «страшно далеки они от народа» — это и про Герцена. Википедия о нем сообщает: «В юности получил обычное дворянское домашнее образование, основанное на чтении произведений иностранной литературы, преимущественно конца XVIII века». Жил в Москве, мать немка, отца в «Былом и думах» Герцен характеризует так: *Он до конца жизни писал свободнее и правильнее по-французски, нежели по-русски, он à la lettre не читал ни одной русской книги*. Ну а *à la lettre*, то есть ‘буквально’, правильно характеризует язык дум автора. Есть пример, где исконная система «перевернута»: *невестка* — ‘жена сына’, *сноха* — ‘жена брата’. П. П. Каратыгин (1832–1888), предки которого в двух поколениях — артисты петербургских театров, пишет: *свекровь враждовала с невесткой, зо-*

⁴ Вероятно, по реке Висим в Пермском уезде.

ловка со снохой, пасынок с отчимом («Временщички и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий», 1870).

Рассматриваемый узус в XX в. проиллюстрирую примерами из В. М. Шукшина (1929–1974, уроженец совр. Бийского района Алтайского края), для которого *сноха* и ‘жена сына’: — *К сыну погостить приехал? — Ага. — Сноха-то ничего, не гложет? — Нет, ничего. Она хорошая* («Три грации», 1971), и ‘жена брата’ — *Знал Чудик, есть у него брат Дмитрий, трое племянников... О том, что должна быть сноха, как-то не думалось. Он никогда не видел ее* («Чудик», 1967).

География авторов современных литературных примеров достаточно широка. В Журнальном зале Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ) в значении ‘жена брата’ *сноха* встречается у екатеринбуржанок Л. В. Надеждиной (Остается надежда // «Урал» 2005, № 10) и Г. В. Метелёвой (Случаи // «Урал» 2007, № 9), у выросшего в Казахстане ингуша М. М. Костоева (Репрессированное детство мое... // Нева, 2016, № 2). У С. Г. Боровикова (Саратов) в «Родичах» («Урал», 2018, № 7) *сноха* и ‘жена сына’: *вскоре сноха умерла и забота о младенце легла на их старческие плечи*, и ‘жена брата’: *в выходной день <...> накрывать на стол и слушать пьяные речи брата и снохи*. Оба значения отмечены у усть-каменогорца В. М. Шапко (Запечный таракан уже не играет на шарманке // «Волга», 2015, № 5 и Синдром веселья Плуготаренко // «Волга», 2016, № 9) и ташкентца Сухбата Афлатуни (псевдоним Е. В. Абдуллаева) — в собственной «Экскурсии по махалле» («Интерпоэзия», 2008, № 2) и в переводе с узбекского (Тагай Мурад. Люди, идущие в лунном луче // «Звезда», 2015, № 8).

Литературные примеры годятся для иллюстраций, но не могут дать ясного представления об ареалах распространения малочастотной необщерусской языковой специфики, каковая выявляется лишь анализом материала мегакорпусов с региональной разметкой. Далее я буду пользоваться результатами поисков в сегменте ВКонтакте ГИКРЯ.

Но при выявлении ареала *снохи* как ‘жены сына’ и ‘жены брата’ на статистику заведомо влияют конкурирую-

щие варианты (исконный и нейтрализующий рассматриваемые понятия в *невестке*), в той или иной степени представленные сейчас повсеместно.

В ВК ГИКРЯ оба слова представлены во всех регионах. Почти везде преобладает *невестка*, но для многих субъектов РФ цифры вхождения двузначны, то есть мало показательны. Соседние регионы с близкими «тенденциями» естественно объединять. Выделяется единственный ареал, где *сноха* оказывается частотнее *невестки* — **Южный Урал** (Башкирия, Курганская, Оренбургская и Челябинская области). На смежных территориях, на **Средней Волге** (Самарская, Саратовская и Ульяновская области) и в **Казахстане** (данных по отдельным областям нет) преобладание *невестки* незначительно. По «лингвогеографической логике» особый интерес представляет **Татарстан**, граничащий с Ульяновской, Самарской, Оренбургской областями и Башкирией.

Таблица 1

Регион	число вхождений			число авторов		
	<i>сноха</i>	<i>невестка</i>	<i>невестка к сноха</i>	<i>сноха</i>	<i>невестка</i>	<i>невестка к сноха</i>
Москва	356	1758	4,9	276	1192	4,3
Санкт-Петербург	120	1238	10,3	93	987	10,6
Южный Урал	328	270	0,8	260	223	0,9
Татарстан	49	143	2,9	43	88	2,0
Средняя Волга	190	212	1,1	144	169	1,2
Казахстан	543	703	1,3	483	596	1,2

Разница в «популярности» рассматриваемых терминов в Москве и Петербурге достаточно заметна. **Число авторов**, пользующихся различными лексическими единицами, более показательны, чем **число словоупотреблений**. Чем ниже цифры найденного, тем важнее знать число авторов (как видим, для Татарстана преобладание *невесток* снижается с трехкратного до двукратного).

Статистика по словам ничего не говорит об их значении, для семантических выводов необходим ручной просмотр выдачи; при этом убирается разного рода шум, доля

которого для некоторых поисков может быть достаточно велика.

Важно понимать, что, хотя лица младших возрастов и не имеют собственных детей брачного возраста, пользуются неоднозначными терминами в разных значениях. Среди незамужних молодых женщин довольно популярны общие рассуждения о взаимоотношениях свекрови и невестки/снохи. Даже в спонтанных текстах такого рода словоупотребление далеко не всегда самостоятельно, оно может быть индуцировано чужими текстами.

Далее в статистику не включены упоминание сериала «Невестка»⁵, явные цитаты, два шумовых вхождения: *во снох* в смысле *во снах* и *двигатель 2 литра в рабочем состоянии невестка вся присутствует* (речь явно о навеске двигателя при продаже автомобиля). По Оренбургской области не учтена единичная сноха 'жена племянника'. По Ульяновской области не учтена запись *Со старшей снохой или невесткой или как она мне там приходится.... жена у брата мужа*)).

Таблица 2

Регион	сноха				невестка				
	число авторов	'жена сына'	'жена брата'	неясно	число авторов	'жена сына'	'жена брата'	неясно	'невеста'
Южный Урал	255	109	82	64	203	106	35	46	16
Средняя Волга	143	69	33	41	151	105	17	18	11
Татарстан	43	25	8	10	79	37	15	22	5
Суммарно	441	203	123	115	433	248	67	86	32

⁵ По просьбе анонимного рецензента уточняю: в сериале 2 сезона, 700 серий. Желающих сохранить эмоциональный тонус и/или бессмертную душу Ютуб предупреждает: **ИНДИЙСКИЙ СЕРИАЛ РАЗОРВЕТ ДУШУ И ВЫЖМЕТ ВСЕ ЭМОЦИИ!**

Как видим, после ручной обработки число авторов трех регионов в сравнении с Табл. 1 суммарно сократилось на 1 % для *снохи* и на 10 % для *невестки*. Доля значения 'жена сына' у *невестки* значительно выше, доля неясных контекстов ниже. Представляется, что эти факты взаимосвязаны: в ареале, где слово *невестка* для многих «чужое», в текстах с *невесткой* чаще встречается словоупотребление, заимствованное или индуцированное извне. Общие рассуждения об отношениях невестки и свекрови (в которых точное значение невестки очевидно) характерны в том числе и для незамужних молодых женщин.

Обращает на себя внимание последняя колонка: суффикс -к-, разумеется, часто интерпретируется как уменьшительно-ласкательный (*стен-к-а, реч-к-а, нож-к-а...*), но *невестка* как ласковое к *невеста*⁶ почти столь же неожиданно, как *водка* ласковое к *вода*. Это если иметь в виду тех, для кого *невестка* — термин свойства, но если слово так не используется, оно вполне может рассматриваться как ласкательное производное от *невесты*. Вот несколько примеров:

*Наши милые невестки, очаровательные подружки невест <...> ждем вас на прическу, укладку и много другое !!!
Запись по тел: <...> [Нефтекамск, Башкирия];*

Все так выросли <...> Азалия, Снежанна и Даша невестки просто, Андрей и Владик тоже выросли [Нижекамск, Татарстан; об одноклассниках];

Ищем красивую невестку для нашего молодого, красивого и энергичного самца))) Нам 4 года, Западно-сибирская лайка [Оренбургская область].

Невестки упоминаются и в связи с заключением брака, и в том значении, которое в словарях слегка неточно

⁶ В СРНГ [1985: 335] у слова *невестка* есть значение «Ласк. Невеста» с четырьмя текстовыми примерами, но интерпретации они не поддаются, поскольку даны в отрыве от систем терминов свойства.

толкуется как ‘девушка, достигшая брачного возраста’. В последнем примере понятная метафора нового русского языка, когда *суки* и *кобели* стали благородно именоваться *девочками* и *мальчиками*.

Для аккуратных выводов о географии функционирования рассмотренного фрагмента системы свойства (‘жена сына’/‘жена брата’) данных мало, но ясно, что в Петербурге противопоставление *снохи* и *невестки* утрачивается существенно интенсивнее, чем в Москве, а система с нейтрализацией значений в слове *сноха* вполне жива. Есть основания считать, что именно она преобладает и на Южном Урале, и на Средней Волге, ясно, что она достаточно распространена и в соседних регионах России и Казахстана. Ярким маркером ее присутствия служит и функционирование *невестки* как ласкательного к *невесте*.

О единой «литературной норме» в системе свойства ни для прошлого, ни для современности говорить не приходится. Можно надеяться, что лексикографическая практика со временем отойдет от традиции игнорирования региональных особенностей нормы.

Литература

Беликов В. И. *Бабариха* и русские системы свойства // *Русская словесность*, 2020, 3: 67–77.

Беликов В. И. О неединстве «литературной» нормы и ошибках кодификации: терминология свойства // *Тезисы доклада на Научно-мемориальной конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения А. И. Кузнецовой*. ИЯЗРАН, 30.09–1.10.2022. URL: https://tipl.philol.msu.ru/application/files/2216/6607/4548/Belikov_AIK_2022.pdf

Епишкин Н. И. *Исторический словарь галлицизмов русского языка*. Москва, 2010.

Ляшевская О. Н., Шаров С. А. *Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)*. Москва, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>

СРНГ: *Словарь русских народных говоров*. Вып. 20. *Накучка-Негоразд*. Ленинград, 1985. Вып. 39. *Сметушка-Сопочить*. Санкт-Петербург, 2005.

References

Belikov V. I. *Babari-kha* i russkie sistemy svoystvá [*Babari-kha* and the Russian affinity system] // *Russkaya slovesnost'*, 2020, 3: 67–77. (In Russ.)

Belikov V. I. O needinstve «literaturnoy» normy i oshibkakh kodifikatsii: terminologiya svoystvá [On the non-unity of the “literary” norm and the errors of codification: the terminology of affinity] // *Tezisy doklada na Nauchno-memorial'noy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya A. I. Kuznetsovoy*. IYazRAN, 30.09–1.10.2022. URL: https://tipl.philol.msu.ru/application/files/2216/6607/4548/Belikov_AIK_2022.pdf (In Russ.)

Epushkin N. I. *Istoricheskiy slovar' gallitsizmov russkogo yazyka* [Historical dictionary of Russian Gallicisms]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Lyashevskaya O. N., Sharov S. A. *Chastotnyy slovar' sovremen-nogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency Dictionary of the Modern Russian Language (based on the materials of the National Corpus of the Russian Language)], Moskva, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (In Russ.)

СРНГ: *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Вып. 20. *Nakuchkat'-Negorazd*. Ленинград, 1985. Вып. 39. *Smetushka-Sopochit'*. Sankt-Peterburg, 2005. (In Russ.)

Беликов Владимир Иванович
Независимый исследователь
Belikov Vladimir Ivanovich
Independent researcher
vibelikov@gmail.com

**О нестандартном
(заметки о русской речи горных марийцев)
On non-standard features of Russian
in the grammar and lexicon of Hill Mari speakers**

Е. В. Кашкин

E. V. Kashkin

В статье рассматриваются особенности русской речи носителей горномарийского языка, которые могут быть обусловлены языковыми контактами. Обсуждается ряд грамматических явлений, а также модели полисемии в лексике. Данные сопоставлены с исследованиями других ситуаций языкового контакта, в которые вовлечен русский язык.

Ключевые слова: горномарийский язык, русский язык, языковые контакты, ареальная лингвистика

The article explores some peculiarities in the variety of Russian used by Hill Mari native speakers that may have a contact-induced nature. Several grammatical phenomena are considered, as well as polysemy patterns in the lexicon. The data are compared to research on other contact situations involving Russian.

Keywords: Hill Mari, Russian, language contact, areal linguistics
DOI: 10.37892/2313-5816-2022-2-35-51

1. Введение

Важной чертой научных работ Ариадны Ивановны было умение видеть направления, которые могли в определенный период не привлекать большого внимания, но впоследствии получить существенное развитие и открыть новые перспективы. Достаточно упомянуть ее доклад на Международном конгрессе финно-угроведов [Кузнецова 2000], где были намечены многие пути исследо-

вания уральских языков, реализованные впоследствии. В этом ряду находится и немало частных исследовательских сюжетов. Один из них — русская речь носителей автохтонных языков России. Эта проблема затрагивалась в литературе на протяжении долгого времени, во многом в свете практических вопросов преодоления «интерференции» или «речевых ошибок» при обучении русскому языку в национальных школах, однако мейнстримом теоретически и типологически ориентированных работ продолжают оставаться исследования того, как меняются сами автохтонные языки под русским влиянием. Ариадна Ивановна, наряду с данными о влиянии русского языка на контактные языки, опубликовала некоторые сделанные в экспедициях наблюдения и об обратных процессах, см., в частности, [Кузнецова 2002: 135–138] о русской речи луговых марийцев, [Кузнецова 2007: 58–60] о русской речи селькупов.

Со временем это направление стало развиваться ее учениками и другими исследователями. В данной статье мы проанализируем особенности русской речи носителей горномарийского языка, обратив внимание на те явления, которые могут быть обусловлены языковыми контактами и представлять собой заимствование модели (pattern borrowing)¹. Оговоримся, что строго доказать именно контактную природу явления и полную невозможность его независимого развития в общем случае сложно, а кроме того, языковое изменение может быть мотивировано сочетанием внешних и внутренних факторов (см. [Thomason 2001: 91–95; Matras 2009: 149–153, 163–165] и др.). В то же время, для систематизации возможных контактных явлений, в т. ч. в свете типологических задач, важно отметить наличие в русской речи горных марийцев моделей, нестандартных в рамках системы русского языка и имеющих явные параллели в горномарийском.

¹ Лексические заимствования (и, шире, случаи заимствования формы — matter borrowing) в русских говорах Поволжья изучены значительно подробнее и в этой статье не обсуждаются; см. о них, например, [Мызников 2005].

Работа имеет следующую структуру. В разделе 2 представлена релевантная социолингвистическая информация и описаны источники данных. Раздел 3 содержит изложение основного материала. В разделе 4 мы подведем итоги и сопоставим наш материал с исследованиями некоторых других контактных зон.

2. Социолингвистическая информация и данные

Перепись населения 2010 г. насчитывает около 23 тыс. носителей горномарийского языка. Преимущественно они проживают в Горномарийском районе Республики Марий Эл. Наш материал собран в экспедициях ОТиПла МГУ в с. Кузнецово Горномарийского района и окрестных деревнях в 2016–2019 гг.² Горномарийский является в этих населенных пунктах первым языком общения в основных коммуникативных сферах и характеризуется высоким уровнем сохранности. Носители знакомятся с материалами, выходящими на горномарийском языке в СМИ и социальных сетях. В то же время все известные нам носители горномарийского языка являются билингвами, владеющими также русским языком. Роль русского языка в целом увеличивается в общении с детьми и молодежью, а также с родственниками, проживающими в городах (наряду с поддержанием общения на горномарийском в той или иной степени во всех этих случаях)³.

Описанное в статье исследование основано в первую очередь на сделанных в ходе экспедиций расшифрованных аудиозаписях спонтанной русской речи носителей

² Подробнее о проекте см. <https://hillmari-exp.tilda.ws>

³ Более подробную информацию о социолингвистической ситуации в Республике Марий Эл, в т. ч. в ареале распространения горномарийского языка, см. в [Михальченко (ред.) 2016: 268–272, 746–752; Шабыков и др. 2020].

горномарийского языка (суммарная длительность — около 3 ч.)⁴. Тексты записывались от носителей разного возраста и уровня образования; в первую очередь приводимые далее примеры принадлежат речи носителей старшего поколения с меньшим уровнем образования. Некоторые примеры исходят из наших наблюдений над русской речью жителей посещенных сёл, сделанных в процессе общения с ними. Ввиду некоторой ограниченности данных мы сосредотачиваемся на их качественном анализе, а также учитываем не только воспроизводящиеся регулярно в речи разных носителей (хотя, в силу значительного долговременного присутствия русского литературного языка в жизни носителей, и не формирующие устойчивый узус в местной разновидности русского языка), но и спорадические примеры; см., в частности, [Matras, Sakel 2007: 847–848] о релевантности такого рода данных при исследовании языковых контактов. Вопросы марийско-русского переключения кодов в статье не рассматриваются; подробнее о них см. [Дьячков 2020] и приводимые в указанной работе ссылки.

Примеры из горномарийского языка, иллюстрирующие параллельные к нашим данным модели, исходят, если эксплицитно не оговорено иное, из корпуса экспедиционных текстов, доступного на странице <https://hillmari-exp.tilda.ws/corpus>.

3. Особенности русской речи

В исследованных нами записях русской речи встречаются сбои в употреблении категории рода (в согласовании либо в выборе формы предиката, см. (1)–(4)). Это коррелирует с отсутствием категории рода в горномарийском и в других уральских языках.

- (1) *Потом боялся рожать* [женщина о себе].
- (2) *Туда, в Кузнецово, пекарня было, там в овраг поднимаешься, там пекарня было.*

⁴ Тексты в настоящее время не выложены в открытый доступ, но могут быть получены у автора статьи по запросу.

(3) *Ночью /ночной смена /три смены работали⁵.*

(4) */Нормальный |кошка. Не /кошка |кот!*

В горномарийском языке отсутствует и конструкция с генитивом при отрицании; вместо этого используется номинатив (5); см. подробнее о выражении отрицания в марийских языках [Saarinen 2015]. Аналогичная модель встречается и в наших записях русской речи (6)–(8)⁶.

(5) *oksa uke, rovojaj-aš kel-eš.*

деньги NEG.EX работать-INF быть_нужным-NPST.3SG
'Денег нет, работать надо'.

(6) *Дорога нету, вот дорога у нас...*

(7) *Председатель-то, колхоз-то нету щас/*

(8) *И грибы/ нету там, ничё нету.*

Многие примеры нестандартных явлений в русской речи горных марийцев связаны с управлением (некоторые похожие примеры в русской речи луговых марийцев упомянуты в [Кузнецова 2002: 137; Колесникова 2018: 50–52]). Здесь можно выделить несколько классов случаев. Во-первых, это опущение предлогов, как в (9)–(15). Возможная причина может состоять в том, что в горномарийском языке употребляются синтетические падежные формы во многих случаях, в которых в русском языке используются аналитические предложные конструкции, см., например, обзор падежной системы в [Зорина 2002] и иллюстрацию в (16).

(9) *Она училась Чебоксары техникум/*

(10) *Они встретились уже Чебоксары же/ потом...*

⁵ Символы / и \ обозначают выраженный акцент с восходящим и нисходящим тоном соответственно.

⁶ Ввиду ограниченного объема данных, типы отрицательных конструкций (бытийные, посессивные и др.), в которых зафиксирована такая модель в русской речи горных марийцев, нами не систематизировались. Этот вопрос может представлять интерес для дальнейших исследований.

- (11) *Чё-то потом свадьбу/ сыграли на= ресторане там Чуваши, Сундыре.*
- (12) *И... директором школы, колхозным председателем, на многом месте работ= и городе/ работал, ага.*
- (13) *Были тюрьме, там... Пушкинский дворце были, вот туда заходишь, тапочки дадут, другую там, блестит всё, господи.*
- (14) *Июне было юбилей.*
- (15) *Гости Краснодар ездили, поезд=*
- (16) *no tǎnǎt uže rovoťaj-en-ǎt čeboksar-ǎšťǎ.*
но тогда уже работать-PRET-1SG Чебоксары-IN
'Но тогда уже работал в Чебоксарах'.

Заметим, что обсуждаемые примеры русской речи могут повторять горномарийскую модель не в полной мере. Если формы *Сундыре*⁷, *городе*, *тюрьме*, *июне* содержат аффикс предложного падежа, что можно считать соответствием горномарийским падежным формам, то существительные *Чебоксары* и *техникум* в (9) употреблены в форме номинатива, которая была бы невозможна в соответствующей горномарийской структуре, ср. (16). В (15) также употреблена форма номинатива, но она неизменна по сравнению с соответствующей предложной группой (в *Краснодар*).

Во-вторых, возможно избыточное употребление предлога (17). Конструкция, указывающая на транспортное средство, относится к комитативно-инструментальной зоне, в горномарийском языке широко покрываемой послелогом *дон(о)*. В русском языке в разных контекстах этой зоны используется падежная форма инструменталиса либо группа с предлогом *с*. В (17) наблюдается интерференция этих конструкций⁸.

⁷ По-видимому, речь о с. Большой Сундырь, находящемся недалеко от посещенных нами горномарийских деревень.

⁸ В комитативных конструкциях засвидетельствована, с другой стороны, и описанная выше модель с опущением предлога, ср. *Но жить-то хорошо газом-то*.

(17) *До Канаша, потом в Канаше с поездом. Поездом поехали.*

В-третьих, мы зафиксировали примеры мены предлога (18)–(19). Пространственные выражения горномарийского языка могут относиться к различным видам локализации; например, форма *st'enäštä* (стена-IN) может быть проинтерпретирована как 'в стене' либо 'на стене', см. [Давидюк, в печати]. По-видимому, наличие такой неоднозначности в горномарийском может провоцировать смешение предлогов в русских примерах.

(18) **В пенсии она.**

(19) *Ну /там... на |плацкартном... либо в /общем/нет?*

Не вполне стандартно и употребление форм совершенного вида в некоторых примерах, ср.:

(20) *Шесть лет не родила/ [вм. не рожала]*

(21) *Зачем/ надо было уволиться| [вм. увольняться]*

(22) *Овраг не надо перейти. [вм. переходить]*

Появление таких примеров может быть связано с различиями аспектуальных систем двух языков. Для русского языка характерна широко описанная в литературе оппозиция совершенного и несовершенного вида. В горномарийском языке распространены слабые предельные глаголы, у которых одна и та же форма допускает и предельную, и неопредельную интерпретацию (см. [Татевосов 2002; Дьячков, Мордашова, в печати] о различных марийских идиомах). Так, форма *šäl-en* (таять-*PRET*) может означать и 'таял', и 'растаял', на уровне переводного эквивалента соответствуя как совершенному, так и несовершенному виду в русском и нейтрализуя эту видовую оппозицию.

Случаи возможного копирования модели отмечены и в лексической семантике. Рассмотрим употребление глагола *сидеть* в (23).

(23) [Контекст: Участники экспедиции приютили уличных котят в школе, где жили. Утром школьные работники выставляли на улицу миски с едой для котят. Диалог со школьным работником:]

- *А тут миски для котят были, куда их убрали?*
- *Они на крыльце сидят.*
- *Кто сидит — котята?*
- *Нет, миски.*

По наблюдениям одного из школьных учителей в с. Кузнецово, такие употребления глагола *сидеть* (например, *Кувшин сидит*) встречаются и в речи учеников. Для текстов на стандартном русском языке они не характерны (ср., например, результаты поиска в НКРЯ или в Google). В горномарийском, напротив, широко употребляется именно глагол *šänzäš* ‘сидеть’, в т. ч. по отношению к посуде и подобным предметам, ср. *koršok šänzä* ‘Горшок стоит (букв.: сидит)’, *körzin šänzä* ‘Корзина стоит (букв.: сидит)’. Словарный эквивалент имеющего широкую дистрибуцию в русском глагола *стоять* — *šalgaš* — применим только к вертикально вытянутым субъектам (стоящему человеку, столбу и т. п.); см. также [Кашкин 2018] о свойствах горномарийских глаголов позиции.

Еще один подобный пример касается употребления глагола *положить* в (24).

(24) /Лук /чеснок /перец |положим /соли |положим это |все и немножко /воду |**положим** /чтобы /сочнее |было

Для русского языка это употребление нехарактерно: так, сочетания *положить* + *вода*, *вода* + *положить* не встречаются в диалектном подкорпусе НКРЯ. В поисковой системе Google преобладают примеры типа *положим воду в холодильник*, где наименование вещества метонимически относится к наименованию контейнера (например, бутылки с водой). В горномарийском языке имеется, в свою очередь, глагол *optaš* ‘класть, накладывать, лить, сы-

пать'. Фрагмент его сети полисемии, проиллюстрированный в (25)–(26), и мог быть скопирован в данном случае.

(25) *ves gänä t'ot'a mešäk-əm*
 другой раз старик мешок-ACC
arava-škā optâ-mâ-žâ god-əm,
 телега-ILL класть-NMLZ-POSS.3SG время-ACC
pi-m tašk-al-∅ šänd-ä...
 собака-ACC топтать-ATT-CVB сажать-NPST.3SG
 'В другой раз, когда дедушка клал мешок на повозку,
 наступил на пса...'

(26) *ände, man-am, kâdal-äšt-aš*
 теперь говорить-NPST.1SG ехать-ITER-INF
li-eš.
 становится-NPST.3SG
b'enz'in-əm vele optâ-mâla.
 бензин-ACC только класть-DEB
 'Теперь, говорю, можно ездить [на мотоцикле]. Нужно
 только налить (букв.: положить) бензин'.

4. Итоги и перспективы

В обработанных нами образцах русской речи носителей горномарийского языка обнаружены нестандартные явления, касающиеся употребления форм рода, синтаксиса отрицательных конструкций, падежно-предложного управления, использования видовых форм, моделей полисемии отдельных лексем.

Подобные примеры засвидетельствованы и для других контактных пар «автохтонный язык — русский язык». Так, все перечисленные нами особенности отмечены в работах о контактах русского и мордовских (эрзянского и мокшанского) языков [Shagal 2016; Кашкин 2020]. Сбои в выборе форм рода и в управлении в русской речи селькупов обсуждаются в [Кузнецова 2007: 58–60]. Эти же явления рассмотрены, среди прочих, в [Стойнова, Шлуинский 2010] для русской речи носителей энецкого, а так-

же в [Даниэль, Добрушина 2013] для русской речи жителей Дагестана (в последней статье упомянуты и отклонения в употреблении видовых форм).

Интересны и различия в наборе нестандартных явлений, описанных для разных контактных вариантов русского языка. Не исключая возможности случайных расхождений, связанных с ограниченностью объема данных, заметим, что такие различия могут быть обусловлены и свойствами контактирующих языков. Так, в [Баранова 2020] проанализированы случаи редупликации в русской речи носителей калмыцкого (*деньги-меньги, Париж-мариж* и т. п.), которые могут быть связаны с контактным влиянием. В нашем материале подобных примеров не обнаруживается, поскольку для горномарийского языка такая модель редупликации не свойственна. Другой пример — нестандартное употребление форм номинатива в позиции прямого дополнения, описанное, в частности, для вариантов русского языка, контактных с мокшанским [Кашкин 2020] и нанайским [Stoynova 2018] языками. Для нашей выборки данных такие случаи не характерны, что логично коррелирует с периферийным характером неформального прямого дополнения в марийских языках: оно возможно только в полипредикативных конструкциях при достаточно сложных сочетаниях синтаксических, коммуникативных и семантических факторов (см. [Толдова, Сердобольская 2002; Плешак, Сиротина, в печати]) и значительно менее распространено по сравнению с аналогичной формой, в частности, в мокшанском (ср. [Толдова 2017]). К более широким обобщениям о том, какие явления и с какой частотой развиваются и не развиваются в контактных вариантах русского языка, еще только предстоит прийти.

Список глосс

- 1, 3 — 1, 3 лицо
- АСС — аккузатив
- АТТ — аттенуатив

CVB — деепричастие
DEB — дебитив
ILL — иллатив
IN — инессив
INF — инфинитив
ITER — итератив
NEG.EX — экзистенциальное отрицание
NMLZ — номинализация
NPST — непрошедшее время
POSS — посессивность
PRET — претерит
SG — единственное число

Литература

Баранова В. В. Языковые контакты в Калмыкии и формирование локального варианта русского языка // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2020, 4: 131–146.

Давидюк Т. И. Пространственные падежи // *Элементы горномарийского языка в типологическом освещении*. Отв. ред. Е. В. Кашкин, ред. М.-Э. А. Винклер, Т. И. Давидюк, В. В. Дьячков, В. А. Иванов, Д. Д. Мордашова, П. С. Плешак, И. А. Хомченкова. Москва, в печати.

Даниэль М. А., Добрушина Н. Р. Русский язык в Дагестане: проблемы языковой интерференции // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая–2 июня 2013 г.)*. В 2-х т. Т. 1: Основная программа конференции. Вып. 12 (19). Москва, 2013, 186–211.

Дьячков В. В. Структурные и социолингвистические характеристики горномарийско-русского переключения кодов: пилотное исследование // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2020, 4: 273–289.

Дьячков В. В., Мордашова Д. Д. Формы времени и акциональность // *Элементы горномарийского языка в типологическом освещении*. Отв. ред. Е. В. Кашкин, ред. М.-Э. А. Винк-

лер, Т. И. Давидюк, В. В. Дьячков, В. А. Иванов, Д. Д. Мордашова, П. С. Плешак, И. А. Хомченкова. Москва, в печати.

Зорина О. В. *История и современное состояние надежной системы горномарийского языка*. Дисс ... к. ф. н. Санкт-Петербург, 2002.

Кашкин Е. В. Грамматикализация горномарийских глаголов позиции // *Языковые контакты народов Поволжья и Урала. XI Международный симпозиум (Чебоксары, 21–24 мая 2018 г.). Сборник статей*. Чебоксары, 2018, 178–184.

Кашкин Е. В. Особенности русской речи носителей мокшанского языка // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2020, 4: 110–130.

Колесникова Е. Н. *Русская устная речь в Республике Марий Эл: региональные особенности*. Выпускная квалификационная работа бакалавра. Москва, 2018.

Кузнецова А. И. Произойдет ли в XXI в. смена парадигмы в изучении уральских языков? // *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I. Tartu*, 2000, 93–108.

Кузнецова А. И. Старый Торъял на распутье: причины изменений, происходящих в говоре // *Языковые контакты Поволжья. Симпозиум в городе Турку 16–18.8.2001*. Турку, 2002, 127–138.

Кузнецова А. И. *Селькупы Туруханского района Красноярского края на рубеже II и III тысячелетий (социолингвистическая ситуация и языковые изменения)*. Воронеж, 2007.

Михальченко В. Ю. (ред.) *Язык и общество*. Энциклопедия. Москва, 2016.

Мызников С. А. *Русские говоры Среднего Поволжья. Чувашская Республика. Республика Марий Эл*. Санкт-Петербург, 2005.

Плешак П. С., Сиротина А. Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения // *Элементы горномарийского языка в типологическом освещении*. Отв. ред. Е. В. Кашкин, ред. М.-Э. А. Винклер, Т. И. Давидюк, В. В. Дьячков, В. А. Иванов, Д. Д. Мордашова, П. С. Плешак, И. А. Хомченкова. Москва, в печати.

Стойнова Н. М., Шлуинский А. Б. Русская речь лесных энцев: зарисовки исследователей вымирающего языка // *Slavica Helsingiensia 40. Sociolinguistic approaches to non-standard Russian*, ed. by A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. Helsinki, 2010, 153–165.

Татевосов С. Г. Теория акциональности и марийский глагол // *Лингвистический беспредел. Сборник статей к 70-летию А. И. Кузнецовой*, под общ. ред. Кибрика А. Е., сост. Агранат Т. Б., Казакевич О. А. Москва, 2002, 95–105.

Толдова С. Ю. Кодирование прямого дополнения в мокшанском языке // *Acta Linguistica Petropolitana*, 2017, 3: 123–157.

Толдова С. Ю., Сердобольская Н. В. Некоторые особенности оформления прямого дополнения в марийском языке // *Лингвистический беспредел. Сборник статей к 70-летию А. И. Кузнецовой*, под общ. ред. Кибрика А. Е., сост. Агранат Т. Б., Казакевич О. А. Москва, 2002, 106–125.

Шабыхов В. И., Кудрявцева Р. А., Зорина З. Г. Статус горномарийского языка в современном обществе // *Социодинамика*, 2020, 4: 74–84.

Matras Y. *Language contact*. Cambridge, 2009.

Matras Y., Sakel J. Investigating the mechanisms of pattern replication in language convergence // *Studies in Language*, 2007, 4(31): 829–865.

Saarinen S. Negation in Mari // *Negation in Uralic languages*, ed. by M. Miestamo, A. Tamm and B. Wagner-Nagy. Amsterdam/Philadelphia, 2015, 325–352.

Shagal K. Contact-induced grammatical phenomena in the Russian of Erzya speakers // *Mordvin languages in the field*, ed. by K. Shagal and H. Arjava. Helsinki, 2016, 363–377.

Stoynova N. Differential object marking in contact-influenced Russian Speech: the evidence from the corpus of contact-influenced Russian speech of Russian Far East and Northern Siberia // *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the annual international conference "Dialogue" (2018). Issue 17*. Moscow, 2018, 721–734.

Thomason S. *Language contact*. Edinburgh, 2001.

References

Baranova V. V. Yazykovye kontakty v Kalmykii i formirovaniye lokal'nogo varianta russkogo yazyka [Language contact in Kalmykia and the formation of the local variety of Russian] // *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2020, 4: 131–146. (In Russ.)

Daniel M. A., Dobrushina N. R. Russkii yazyk v Dagestane: problemy yazykovoi interferentsii [Russian language in Dagestan: problems of language interference] // *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (Bekasovo, 29 maya–2 iyunya 2013 g.). V 2-kh t. T. 1: Osnovnaya programma konferentsii. Вып. 12 (19)*. Moscow, 2013, 186–211. (In Russ.)

Davidyuk T. I. Prostranstvennye padezhi [Spatial cases] // *Elementy gornomariiskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii*, ed. E. V. Kashkin, M.-E. A. Winkler, T. I. Davidyuk, V. V. Dyachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova. Moscow, in press. (In Russ.)

Dyachkov V. V. Strukturnye i sotsiolingvisticheskie kharakteristiki gornomariisko-russkogo pereklyucheniya kodov: pilotnoe issledovanie [Structural and sociolinguistic characteristics of Hill Mari — Russian code-switching: a pilot study] // *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2020, 4: 273–289. (In Russ.)

Dyachkov V. V., Mordashova D. D. Formy vremeni i aktsional'nost' [Temporal forms and actionality] // *Elementy gornomariiskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii*, ed. E. V. Kashkin, M.-E. A. Winkler, T. I. Davidyuk, V. V. Dyachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova. Moscow, in press. (In Russ.)

Kashkin E. V. Grammatikalizatsiya gornomariiskikh glagolov pozitsii [Grammaticalization of Hill Mari posture verbs] // *Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ya i Urala. XI Mezhdunarodnyi simpozium (Cheboksary, 21–24 maya 2018 g.). Sbornik statei*. Cheboksary, 2018, 178–184. (In Russ.)

Kashkin E. V. Osobennosti russkoi rechi nositelei mokshanskogo yazyka [Some peculiarities of the variety of Russian used

by Moksha speakers] // *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2020, 4: 110–130. (In Russ.)

Kolesnikova E. N. *Russkaya ustnaya rech' v Respublike Marii El: regional'nye osobennosti. Vypusknaya kvalifikatsionnaya rabota bakalavra* [Russian oral speech in the Republic of Mari El. BA thesis]. Moscow, 2018. (In Russ.)

Kuznetsova A. I. Proizoidet li v XXI v. smena paradigmy v izuchenii ural'skikh yazykov? [Will the paradigm of Uralic studies change in the XXI century?] // *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I*. Tartu, 2000, 93–108. (In Russ.)

Kuznetsova A. I. Staryi Tor"yal na rasput'e: prichiny izmenenii, proiskhodyashchikh v govore [Staryj Torjal at the crossroads: the causes of changes in the subdialect] // *Yazykovye kontakty Povolzh'ya. Simpozium v gorode Turku 16–18.8.2001*. Turku, 2002, 127–138. (In Russ.)

Kuznetsova A. I. *Sel'kupy Turukhanskogo raiona Krasnoyarskogo kraja na rubezhe II i III tysyacheletii (sotsiolingvистическая ситуация i yazykovye izmeneniya)* [Selkups of the Turukhansk district of the Krasnoyarsk region at the turn of the 3rd millenium (sociolinguistic situation and language change)]. Voronezh, 2007. (In Russ.)

Matras Y. *Language contact*. Cambridge, 2009.

Matras Y., Sakel J. Investigating the mechanisms of pattern replication in language convergence // *Studies in Language*, 2007, 4(31): 829–865.

Mikhal'chenko V. Yu. (ed.) *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya* [Language and society. Encyclopedia]. Moscow, 2016. (In Russ.)

Myznikov S. A. *Russkie govory Srednego Povolzh'ya. Chuvashskaya Respublika. Respublika Marii El* [Russian subdialects of the Middle Volga region. The Republic of Chuvashia. The Republic of Mari El]. Saint-Petersburg, 2005. (In Russ.)

Pleshak P. S., Sirotina A. Yu. Differentsirovannoe markirovaniye pryamogo dopolneniya [Differential object marking] // *Elementy gornomariiskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii*, ed. E. V. Kashkin, M.-E. A. Winkler, T. I. Davidyuk, V. V. Dyachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova. Moscow, in press. (In Russ.)

Saarinen S. Negation in Mari // *Negation in Uralic languages*, ed. by M. Miestamo, A. Tamm and B. Wagner-Nagy. Amsterdam/Philadelphia, 2015, 325–352.

Shabykov V. I., Kudryavtseva R. A., Zorina Z. G. Status gornomariiskogo yazyka v sovremennom obshchestve [The status of Hill Mari in the modern society] // *Sotsiodinamika*, 2020, 4: 74–84. (In Russ.)

Shagal K. Contact-induced grammatical phenomena in the Russian of Erzya speakers // *Mordvin languages in the field*, ed. by K. Shagal and H. Arjava. Helsinki, 2016, 363–377.

Stoynova N. Differential object marking in contact-influenced Russian Speech: the evidence from the corpus of contact-influenced Russian speech of Russian Far East and Northern Siberia // *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the annual international conference “Dialogue” (2018). Issue 17*. Moscow, 2018, 721–734.

Stoynova N. M., Shluinskiy A. B. Russkaya rech' lesnykh entsev: zarisovki issledovatelei vymirayushchego yazyka [Russian speech of Forest Enets people: sketches from the researchers of a severely endangered language] // *Slavica Helsingiensia 40. Sociolinguistic approaches to non-standard Russian*, ed. by A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. Helsinki, 2010, 153–165. (In Russ.)

Tatevosov S. G. Teoriya aktsional'nosti i mariiskii glagol [The theory of actionality and the verb in Mari] // *Lingvisticheskii bespredel. Sbornik statei k 70-letiyu A. I. Kuznetsovoi*, ed. Kibrik A. E., Agranat T. B., Kazakevich O. A. Moscow, 2002, 95–105. (In Russ.)

Thomason S. *Language contact*. Edinburgh, 2001.

Toldova S. Yu. Kodirovanie pryamogo dopolneniya v mokshanskom yazyke [Differential object marking in Moksha] // *Acta Linguistica Petropolitana*, 2017, 3: 123–157. (In Russ.)

Toldova S. Yu., Serdobol'skaya N. V. Nekotorye osobennosti oformleniya pryamogo dopolneniya v mariiskom yazyke [Some peculiarities of differential object marking in Mari] // *Lingvisticheskii bespredel. Sbornik statei k 70-letiyu A. I. Kuznetso-*

voi, ed. Kibrik A. E., Agranat T. B., Kazakevich O. A. Moscow, 2002, 106–125. (In Russ.)

Zorina O. V. *Istoriya i sovremennoe sostoyanie padezhnoi sistemy gornomariiskogo yazyka. Diss ... k. f. n.* [History and modern state of the case system in Hill Mari. Cand. diss. in philology]. Saint-Petersburg, 2002. (In Russ.)

Кашкин Егор Владимирович
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия
Kashkin Egor Vladimirovich
Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
egorka1988@gmail.com

Осетинский след в Приуралье¹

Traces of Ossetic in Finno-Ugric languages of the Ural region

О. А. Мудрак

O. A. Mudrak

Анализ поздних иранских заимствований в приуральских финно-угорских языках указывает на отсутствие особого скифо-сарматского периода в истории контактов этих языков. Представительный набор заимствований отражает контакты с осетинским языком.

Ключевые слова: осетинский, финно-угорский, венгерский, коми, удмуртский, хантыйский, мансийский, языковые контакты, заимствования

The analysis of late Iranian loanwords in Finno-Ugric languages spoken in the Ural Mountains region demonstrates that there is no specifically Scythian-Sarmatian layer of borrowings in these languages. The representative group of loanwords reflects contact with the Ossetic language in particular.

Key words: Ossetic, Finno-Ugric, Hungarian, Komi, Udmurt, Khanty, Mansi, language contact, borrowings

DOI: 10.37892/2313-5816-2022-2-52-66

По гипотезе В. И. Абаева, ираноязычные аланы мигрировали в Восточную Европу с территории Средней Азии с остановкой и контактами в Южном Приуралье с финно-угорскими народами. В результате этих контактов в соседствующие финно-угорские языки проникли иранские (аланские) слова, а из них была заимствована в «аланс-

¹ Статья написана в рамках исследований по гранту Российского научного фонда № 22-28-01924 «Лингвистическая история Чувашско-Марийского Поволжья».

кий» язык финно-угорская лексика. Исходя из этого предположения, в своем «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» автор специально выискивал и отражал иранские параллели в финно-угорских языках. Их набралось более 210 примеров. В своей большей части они носят сепаратный характер. В. И. Абаев, опираясь на этимологию и определение языкового источника, отмечает 3 группы заимствований, которые происходили в соответствующие времена:

- а) период арийской общности,
- б) период разделения этой общности на две ветви — протоиранскую и протоиндоарийскую,
- в) период обособления североиранской (скифо-сарматской) группы [Абаев 1981, 472].

(Позже в той же самой статье он последнюю группу именуется как «скифо-сармато-аланские заимствования» [Абаев 1981, 477]). По указанию В. И. Абаева, у А. Joki в его работе “Uralier und Indogermanen” (Helsinki 1973) присутствуют 222 иранские параллели (на материале всех иранских и всех финно-угорских языков) [Абаев 1995а: 473]. Таким образом, общее количество заимствованной лексики известно.

Представляет большой интерес ситуация с финно-угорскими языками заволжского ареала, куда причисляется и венгерский, т. к. в исторических памятниках хорошо зафиксирована довольно поздняя миграция венгров в Европу в конце I тыс. н. э. Анализу подвергнуты «приуральские» параллели в удмуртском, коми, мансийском, хантыйском и венгерском языках. Удмуртский и коми языки образуют близкородственную пермскую подгруппу, мансийский и хантыйский языки близкородственную обскую подгруппу, венгерский язык — особую угорскую подгруппу. Именно лексические свидетельства языков пермских, обских и угорских подгрупп могут служить доказательством миграции алан через южный Урал.

Среди приведенной В. И. Абаевым лексики обнаруживаются продолжения ФУ основ, являющихся ранними иранизмами или ностратическими параллелями к иранским корням. Для них найдено 7 случаев с параллелями в осет., и они закономерно игнорируются. Эти основы восходят к следующим финно-угорским корням:

ФУ **arwa* (**arya*) ‘price’ [UEW: 16] (FSEPH), ФУ **jewä* ‘corn, grain’ [UEW: 633] (FSEP), ФУ **kärtV* ‘iron’ [UEW: 653] (EMP), ФУ **kilä* (**külä*) ‘dwelling’ [UEW: 155] (FSO), ФУ **kuška* (**koška*) ‘dry’ [UEW: 223] (SEMP), ФУ **mirkkV* ‘poison’ [UEW: 278] (FSH), ФУ **oñca-rV* ‘tusk, fang’ [UEW: 340] (PON), ФУ **repä* (~ -čV) ‘fox’ [UEW: 423] (FSEMPH), ФУ **šata* ‘hundred’ [UEW: 467] (FSEMPON), ФУ **šorwa* ‘horn’ [UEW: 486] (FSEMPON), ФУ **wasa* ‘calf, deer calf’ [UEW: 814] (FSEO), ФУ **wačV* ‘thin branch’ [UEW: 547] (SMO), ФУ **wosa* ‘ware, trade’ [UEW: 585] (FSMPO) и некоторые др. В квадратных скобках дается ссылка на словарь К. Редери “Uralisches etymologisches Wörterbuch”. Уменьшенным шрифтом в скобках помечено присутствие по языковым подгруппам, где F — прибалтийско-финские, S — саамские, E — мордовские, M — марийский, P — пермский, O — обские, H — венгерский.

При анализе параллелей, присутствующих в Историко-этимологическом словаре В. И. Абаева (около 210 случаев), часть была отсеяна, по указанной причине. Кроме того, часть приуральских основ нашла более надежные внутренние параллели, еще одна часть оказалась хорошо объяснимой как поздние заимствования из других источников (обычно, из тюркских или современного персидского языка). В результате общий набор приуральских лексических соответствий, подпадающих под период в) у В. И. Абаева, сократился до 130 основ.

Обращает на себя внимание то, что в заимствованиях приуральских языков четко отражается семантика именно осет. языка, а не старые иран. значения:

осет. **fed-/fis-t* ‘платить’ (венг. *fizet- ~ füzet-* ‘платить, возмещать’) ~ иран. **pati-dā-* ‘давать взамен’ > пехл. турф. *pat-dahišn-* ‘воздаяние’.

- осет. **värz-* ‘стонать’ (коми *əržəṇə* ‘громко плакать, рыдать’) ~ иран. **garz-* ‘жаловаться’, авест. *garəz-* ‘жаловаться; вопить’, *garəzā-* ‘жалоба’, перс. *garziš* ‘жалоба, вопль о справедливости’.
- осет. **a-wärd-* ‘щадить, жалеть; беречь’ (удм. *vord-* ‘растить, беречь’) ~ иран. > авест. *varəd-* ‘растить, увеличивать, множить’. В современном перс. *bāli-dan* значит ‘увеличиваться’.
- осет. **zar-* ‘петь’ (коми *zar-čipsan*, *zar-gum* ‘вид свистульки, дудника’) ~ иран. **žar-* ‘шуметь, кричать’. По семантике, скорее, осет. заимствование, т. к. это «спевалка», а не «шумелка» (= трещотка).
- осет. **zänäg*, **-zong* ‘дети’ (коми *zon* ‘юноша, парень, мальчик, сын’) ~ иран. **zanaka-* ‘рожденный’, в таком виде только согд. *znk* ‘род, племя’ связано с характеристикой человеческой общности или возраста. В других иран. языках значения, связанные с «родами, рождением».
- осет. **zäldä* ‘молодая трава, мурава, дерн’ (венг. *zöld* ‘зеленый’) ~ иран. *zarita-* ‘желтый’. В других иран. языках нет значения ‘зеленый’.

Кроме того, как можно увидеть по примерам, приведенным ниже, приуральские финно-угорские заимствования отражают фонетику осетинского языка с характерными только для этого языка фонетическими развитиями.

Самое интересное — это наличие большого количества освоенных осет. языком кавказских заимствований в приводимых ниже параллелях.

Ниже рассматриваются лексические параллели в приуральских финно-угорских языках, присутствующие в работах В. И. Абаева. Они сгруппированы по семантическим группам, аналогичным авторским в цикле статей «Кавказизмы...». Принципы осетинской реконструкции описаны там же. Реконструированные осет. праформы даются в скобках со звездочкой — *. Как правило, они имеют иранскую, реже — изолированную в иранских индо-иранскую или индоевропейскую этимологию. Освоенные заимство-

вания в осет., имеющие кавказскую составляющую, помечены двумя звездочками — **. При анализе перечисляются семантические группы, имеющие более одного вхождения. Через косую черту дается количество слов сем. поля, имеющих неиранские, как правило, кавказские параллели, которые также отмечены звездочкой.

Осетинско-пермские параллели

осет.-удм. — 24 (общее количество)

Сем. поля — **body** 3/2*, **da/dp** 3*, **met** 4/3*, **soc** 4/3*, **tool** /2*, **vess** /2*.

body — *gön* ‘шерсть’ (**vin*) [Абаев II, 327], *kəməs* ‘лоб’ (***kämä esän*) [Абаев I: 626], *kuk* ‘лапа’ (***kaχ*) [Абаев I: 619];

da, dp — *kuʔa* ‘собака’ (***kuʔ*) [Абаев I: 605], *sezi* ‘овес’ (***siski*, ***seskä*) [Абаев III: 210], *kenem* ‘конопляное семя’ (***gänä*) [Абаев 1995: 441];

met — *azveś* ‘серебро’ (***ävzestä*) [Абаев I: 213], *irgon* ‘медь’ (***ärχuj*) [Абаев I: 186], *zarni* ‘золото’ (**zarinia*) [Абаев IV: 303, 1995б, 440], *andan* ‘сталь’ (***ändon*) [Абаев I: 157];

soc — *äksej* ‘князь’ (**äxsəniä*) [Абаев IV: 236], *kertəm* ‘аренда, наем’ (***gärtəm*) [Абаев I: 516], *ata, ataj* ‘отец’ (***äda*) [Абаев I: 103], *anaj* ‘мама’ (***äna*) [Абаев I: 148];

{**tool** — *kör* ‘полено поперек саней’ (***kur*) [Абаев I: 608], *čag* ‘лучина’ (***ižävnä*) [Абаев I: 541]};

{**vess** — *kobä* ‘ковш’ (***qöb:i*, ***qöb:a*) [Абаев I: 636], *kungan* ‘чашка’ (***quvvan*) [Абаев II: 336]}.

осет.-коми — 45 (общее количество)

Сем. поля — **abs** 2/1*, **adj** 3/2*, **body** 5/3*, **cloth** 2/1*, **da/dp** 4/3*, **food** /2*, **land** 2/1*, **met** 4/3*, **soc** 6/4*, **tool** 5/4*, **verb** 4/2*.

{**abs** — *duk* ‘момент’ (***dogä*) [Абаев I: 372], *pad-vež* ‘скрепление, пересечение’ (**fäd*) [Абаев 1995: 440; 1995а: 477]};

adj — *gaža* ‘радостный’ (***vaz-*), *lak-* ‘грязный’ (***laqön*, ***laqa-m-*), *tural* ‘круглый’ (**tumbul*),

body — *gön* ‘шерсть’ (**vin*) [Абаев II: 327], *kəməs* ‘лоб’ (***kämä esän*) [Абаев I: 626], *keχ* ‘ручка’ (***koχ*) [Абаев I: 644], *kok*

- ‘нога’ (***kaχ*) [Абаев I: 619], *vörk* ‘почка’ (**urg*) [Абаев IV: 123];
- cloth** — *žep* ‘карман’ (***žib:ä*) [Абаев I: 406], *namət*, *namöd* ‘портынка’ (**nimät*) [Абаев II: 203];
- da, dp** — *kuti*, (~ *käči*) ‘собака’ (***kuž*) [Абаев I: 605], *varnös* ‘овца’ (**wäri*, **wärnä*) [Абаев IV: 88], *čipan* ‘курица’ (***ib*: ~ *p*) [Абаев I: 336], *ken-* ‘конопля’ (***gänä*) [Абаев 1995б: 441];
- food** — *kevduṁ* ‘пирог’ (***gudun*) [Абаев I: 529], *iröš* ‘квас’ (***wäras*) [Абаев IV: 89];
- land** — *žugu* ‘ямка, лунка’ (**žiq:i*) [Абаев I: 406], *ord*, *ordö*, *ordin* ‘сторона, окрестность’ (**ärdäg*, **ärdämä*) [Абаев I: 173];
- met** — *eziš* ‘серебро’ (**ävzestä*) [Абаев I: 213], *irgön* ‘медь’ (***ärχuj*) [Абаев I: 186], *zarni* ‘золото’ (**zarinia*) [Абаев IV: 303, 1995б, 440], *jendon* ‘сталь’ (***ändon*) [Абаев I: 157];
- soc** — *öksi* ‘князь’ (**äχsəniä*) [Абаев IV: 236], *körtəm*, *körtöm* ‘аренда, наем’ (***gärtam*) [Абаев I: 516], *čukör* ‘толпа’ (***žugur*) [Абаев I: 399, 402], *šik* ‘коллектив родственников’ и pl. *šikt* ‘деревня, селение’ (***simχ*) [Абаев III: 215], *kaga* ‘ребенок’ (***gagij*) [Абаев I: 505], *zon* ‘юноша, мальчик’ и *zonka* ‘парень’ (**zänäg*, **zöng*) [Абаев IV: 297; 1995б, 440];
- tool** — *žag* ‘петля, узел’ (***cäg*) [Абаев I: 296], *žug* ‘крюк’ (***žugarä*) [не так в Абаев I: 296], *zar-čipsan*, *zar-gum* ‘свистулька’ (**zar-*) [Абаев IV: 289], *dom* ‘уздечка’ (***dom-gomd-tä*) [Абаев 1995а: 475], *koreš*, *koreš*, *küriš* ‘веник’ (***kures*) [Абаев I: 611], *kokan* ‘мотыга’ (***kaχän*) [Абаев I: 620];
- verb** — *čuktini dav.* ‘отпасть’ (***soχ*) [Абаев I: 317], *taržəpə* ‘дрожать’ (**tärs-*) [Абаев III: 274], *koknə* ‘копать’ (***kaχ-*, **kaχän*) [Абаев I: 620], *ərzəpə* ‘рыдать’ (**värz-*) [Абаев II: 297].

осет.-перм. — 53 (объединение параллелей с удм. и коми),
16 (пересечение параллелей)

Сем. поля — **abs** 3/1*, **adj** 3/2*, **arch** /2*, **body** 5/3*, **cloth** 2/1*, **da/dp** 5/4*, **land** 3/1*, **food** /2*, **met** 4/3*, **soc** 8/6*, **tool** 7/3*, **verb** 5/2*, **vess** /2*.

- adj** — ‘радостный; любимый’ (***vaz-*), ‘тучный, жирный, полный’ (***izag*), ‘крепкий’ (***āndon*);
- {**arch** — ‘двор’ (***kārtā*), ‘селение’ (***simχ*);
- body** — ‘шерсть’ (**vun*), ‘лоб’ (***kāmä esän*), ‘рука’ (***koχ*), ‘нога; лапа’ (***kaχ*), ‘почка’ (**urg*);
- {**cloth** — ‘карман’ (***zib:ä*), ‘войлок’ (**nimät*);
- da, dp** — ‘собака’ (***kuз*), ‘овца’ (**wäri*, **wärnä*), ‘курица’ (***çib: ~ p*), ‘овес’ (***siski*, **seskä*), ‘конопля’ (***gänä*);
- land** — ‘сторона; окрестность’ (**ärdäg*, **-ärdämä*), ‘ямка; лунка’ (***ziq:i*), ‘перекресток; пересечение’ (**fäd*);
- met** — ‘серебро’ (***ävzestä*), ‘медь’ (***ärχuj*), ‘золото’ (**zarinia*), ‘сталь’ (***āndon*);
- soc** — ‘князь’ (**äxsəniä*), ‘аренда’ (***gärtam*), ‘толпа; родственники’ (***zog*, **zugur*), ‘ребенок’ (***gagij*), ‘парень’ (**zänäg*, **zöng*), ‘отец’ (***äda*), ‘мама’ (***äna*);
- tool** — ‘узел’ (***cäg*), ‘свистулька’ (**zar-*), ‘уздечка’ (***dom-*), ‘веник’ (***kures*), ‘полено поперек саней’ (***kur*), ‘мотыга’ (***kaχän*), ‘лучина’ (***izäbnä*);
- verb** — ‘растить’ (**a-wärd-*), ‘отпасть’ (***soχ*), ‘дрожать’ (**tärs-*), ‘копать’ (***kaχ*), ‘рыдать’ (**värz-*);
- {**vess** — ‘ковш’ (***köb:i*, **köb:a*), ‘чашка’ (***quvkan*)}.

Последний набор семантических полей немного шире, чем в современных языках, и его увеличение исходит из предположения, что заимствования проникли в одно и то же время, но были утеряны в одной из ветвей. Здесь появляются некоторые сем. группы из одиночных вхождений в конкретные языки. Например, **arch** — ‘двор’, ‘селение’.

Осетинско-обские параллели

осет.-манс. — 25 (общее количество)

Сем. поля — **bird** 2/1*, **da/dp** 4/3*, **food** /2*, **met** 3/2*, **tool** 4/3*.

{**bird** — *särkes* ‘орел’ (**cärgäs*) [Абаев I: 303], *maχwlä* ‘сова’ (***mäqul*) [Абаев II: 95];

da, dp — *kāti* ‘кошка’ (***gädi-*) [Абаев I: 510], *vəsi* ‘теленок’ (**wäsi*) [Абаев IV: 98], *sol* ‘овес’ (***sulä*) [Абаев III: 194, 195], *kumliχ* ‘хмель’ (**χumäliäg* тюрк.) [Абаев IV: 262];

food — *ciχ, śaχ, śäχ* ‘соль’ (***cāmχä*) [Абаев I: 310], *äres wüt* ‘квас’ (***wäras*) [Абаев IV: 89];

met — *ärgin* ‘медь’ (***ärχuj*) [Абаев I: 186], *sarń, sorńi* ‘золото’ (***zarinia*) [Абаев IV: 303: 1995б, 440], *jēmtān* ‘сталь’ (***āndon*) [Абаев I: 157];

tool — *mant* ‘лопата’ (***mānt-* / ***mäs-t-*) [Абаев IV: 281], *sirej* ‘меч’ (***cerq*) [Абаев I: 313], *sāpən* ‘мыло’ (***sapōnia*) [Абаев III: 31], *kuraš* ‘веник’ (***kures*) [Абаев I: 611].

осет.-хант. — 14 (общее количество)

Сем. поля — **cloth** 2, **soc** /2*.

cloth — *ñamat* ‘войлочный носок’ (***nimät*) [Абаев II: 203], (?) **saγərə* ‘панцирь’ (***ǰzvār*) [Абаев IV: 309];

soc — *ana* ‘мама’ (***āna*) [Абаев I: 148], *ata* ‘отец’ (***āda*) [Абаев I: 103].

осет.-обские — 29 (объединение параллелей с манс. и хант.),
10 (пересечение параллелей)

Сем. поля — **bird** 2/1*, **cloth** 2, **da/dp** 4/3*(*), **food** /2*, **met** 3/2*,
soc 3/2*, **tool** 4/3*.

{**bird** — ‘орел’ (***cārgäs*), ‘сова’ (***māqul*)};

cloth — ‘войлочный носок’ (***nimät*), ‘кольчуга’ (***ǰzvār*);

da, dp — ‘кошка’ (***gādi-*), ‘теленоч’ (***wäsi*), ‘овес’ (***sulä*),
‘хмель’ (**χumäliäg* тюрк.);

{**food** — ‘соль’ (***cāmχä*), ‘квас’ (***wäras*)};

met — ‘медь’ (***ärχuj*), ‘золото’ (***zarinia*), ‘сталь’ (***āndon*);

soc — ‘стыд’ (***āfsärmä*), ‘мама’ (***āna*), ‘отец’ (***āda*);

tool — ‘лопата’ (***mānt-* / ***mäs-t-*), ‘меч’ (***cerq*), ‘мыло’
(***sapōnia*), ‘веник’ (***kures*).

С пометами **war** есть два характерных слова — ‘меч’, ‘кольчуга’. Также показательно одиночное слово с пометой **arch** — ‘двор’ (***kärtä*) > манс. *karda*, хант. *karda*. Здесь набор сем. полей практически совпадает с манс. Складывается впечатление, что прямые контакты были именно с манс. языком, а в хант. отмечено лишь 4 сепаратных лексических сходения, причем 2 из них относятся к т.н. «детс-

ким словам» — *ana* ‘мама’, *ata* ‘отец’. Два оставшихся — **sayərə* ‘панцирь’ > *täyər* ‘кольчуга’ и *rənt*, *ränt* ‘путь’ могут быть более ранними, т. е. (обще-)иран. заимствованиями. На это может указывать и субституция спиранта в слове ‘кольчуга’.

Осетинско-венгерские параллели

осет.-венг. — 73

Сем. поля — **abs** 4/2^(*), **adj** 9/3^(*), **air** 2, **arch** 3/2^{*}, **bird** 4/4^{*}, **body** 2/1, **cloth** 2, **da/dp** 4/4^(*), **land** 2/2^(*), **myth** 4/1, **plant** 4/4^(*), **soc** 13/6^(*), **tool** 6/3^{*}, **tree** 2/2^{*}, **verb** 8/3^(*).

abs — *mi*, *mü* ‘дело, занятие’ (**miwä*) [Абаев II: 113], *galiba* ‘беспорядок’ (**qäläba* араб.) [Абаев II: 287], *rég*, *régen* ‘давно’ (**rag*) [Абаев II: 341], *buk-fenc* ‘кувыркание’ (**bequromiä* неясн.) [Абаев III: 79];

adj — *zöld* ‘зеленый’ (**zäldä*) [Абаев IV: 295], (?) *tömb*, *tömör*, *tompor* ‘круглый’ (**tumbul*) [Абаев III: 332], *mély* ‘глубокий’ (**mal*) [Абаев II: 69], *vastag* ‘плотный’ (**mästäg*) [Абаев II: 103], *sürü kása* ‘крутая (каша)’ (***sor*) [Абаев III: 171], *serény* ‘усердный’ (**särän*) [Абаев III: 78], *részeg* ‘пьяный’ (**rasug*) [Абаев II: 352], *sánta* ‘хромой’ (**senta* неясн.) [Абаев III: 100];

{**air** — *büz* ‘запах’ (**bodä*) [Абаев I: 269], *fui* ‘дуновение’ (**fu*) [Абаев I: 485];

arch — *kert* ‘двор’ (***kärtä*) [Абаев I: 587], *káva* ‘изгородь’ (***kawä*) [Абаев I: 574], *hid* ‘мост’ (**xed*) [Абаев IV: 199];

bird — *hallo*, *holló* ‘ворона’ (***χalon*) [Абаев IV: 138], *varju* ‘ворона’ (***warij*) [Абаев IV: 50], *bagoly* ‘сова’ (***mäqul*) [Абаев II: 95], *kakuk* ‘кукушка’ (***gag:og*) [Абаев I: 506];

{**body** — (?) *has* ‘брюхо’ (**qästä* неясн.) [Абаев II: 299], *üstök* ‘чуб’ (**üstug*) [Абаев III: 156];

{**cloth** — *nemez* ‘войлок’ (**nimät*) [Абаев II: 203], *sineg*, *zsineg* ‘шнур’ (**sujnag*) [Абаев III: 111];

da, dp — *kutya* ‘собака’ (***kuz*) [Абаев I: 605], *agár* ‘борзая’ (**egar* тюрк.) [Абаев I: 411], *boglya* ‘стог’ (***bäkol*) [Абаев II: 85], *körte*, *körtövé* ‘груша’ (***kärd:öw*) [Абаев I: 584];

- {**land** — *szakadék* ‘овраг’ (**saqadaχ* неясн.) [Абаев III: 25], *verem* ‘яма’ (***wärmä*) [Абаев IV: 95];
- myth** — *isten* ‘бог’ (**-istän*) [Абаев III: 148], *танó* ‘бес’ (**däluj-mon*) [Абаев I: 354], *хатаз* старое имя (**χätic* неясн.) [Абаев IV: 173], *mese* ‘сказка’ (**imis-*) [Абаев II: 145];
- plant** — *kökény, kökönye* ‘терновник’ (***kokonia*) [Абаев I: 568], *borsó* ‘крапива’ (***pursa*) [Абаев II: 247], *gyékény* ‘тростник’ (**zegeniä* тюрк.) [Абаев I: 396], *fia-tala* ‘побег’ (***tala*) [Абаев III: 225];
- soc** — *asszony*, стар. *achscin* ‘дама’ (**äχsəniä*) [Абаев IV: 236], стар. *aladár* ‘сотник’ (***äl-*dar*) [Абаев I: 127], *gazda* ‘хозяин’ (**väzdä*) [Абаев II: 303], стар. *tarchan* ‘судья’ (**tärχön*) [Абаев III: 276], *haramia* ‘грабитель’ (**χäramiadä* араб.) [Абаев IV: 175], *nép* ‘народ’ (**naf*) [Абаев II: 149], *kozár* в назв. сел (**qazariag* неясн.) [Абаев II: 273], *legeny* ‘парень’ (***läqon*) [Абаев II: 21], *szémérém* ‘стыд’ (**äfsärmä*) [Абаев I: 483], *anya* ‘мама’ (***äna*) [Абаев I: 148], *atya* ‘отец’ (***äda*) [Абаев I: 103], *húg* ‘младшая сестра’ (**χörä* с осет. dim. суффиксом от ирон. формы *χо*) [Абаев IV: 209], *özvegy* ‘вдова’ (**idäzä*) [Абаев I: 539];
- tool** — *éveg, üveg* ‘стекло’ (**avgä*) [Абаев I: 84], *reszelő* dvn. ‘напильник’ (***räs*) [Абаев II: 376], *véső* ‘долото’ (***wäs*) [Абаев IV: 98], *kard* ‘меч’ (**kard*) [Абаев I: 571], *vért* ‘панцирь’ (**wart*) [Абаев IV: 51], *szappan* ‘мыло’ (***sapönia*) [Абаев III: 31];
- {**tree** — *tölgy* ‘дуб’ (***tolzä*) [Абаев III: 315], *gaz* ‘кустарниковый лес’ (***vädä*) [Абаев II: 281, 282];
- verb** — *csok* ‘уменьшаться’ (***coχ*) [Абаев I: 317], *rez-eg* ‘дрожать’ (**rez-*) [Абаев II: 418], *izgul* ‘волноваться’ (**äz-guli* неясн.) [Абаев IV: 308], *terel* ‘гнать’ (**tär-*) [Абаев III: 279], *tol* ‘катить’ (**tol-* неясн.) [Абаев III: 318], *föz-ni* ‘печь’ (**fezonäg*) [Абаев I: 478], *fizet- ~ füzet-* ‘платить’ (**fed-*) [Абаев I: 474], *ismer-* ‘знать’ (**fäsmär-*) [Абаев I: 460].

осет.-обско-угорские — 9 (пересечение с обскими языками, = венг. + хант. или венг. + манс.). Сем. поля — **soc** 3/2*.

soc — стыд (**äfsärmä*), отец (**äda*), мама (**äna*).

осет.-пермско-угорские — 10 (пересечение с пермскими языками = венг. + удм. или венг. + коми). Сем. поля — **soc** 3/2*. **soc** — госпожа (**äxsəniä*), отец (**äda*), мама (**äna*).

В этих двух группах показательно присутствие название верховного правителя и морального понятия стыда.

осет.-пермско-обские — 10 (пересечение удм. или коми с манс. или хант.). Сем. поля — **met** 3/2*, **soc** /2*
met — медь (**ärxuj*), ‘золото’ (**zarinia*), ‘сталь’ (**ändon*);
soc — отец (**äda*), мама (**äna*).

В этой группе помимо уже обычных «детских слов» встречаются названия металлов. Это может указывать на актуальность именно металлодобычи и металлообработки при моменте контактов на данных территориях.

Во всех приуральских подгруппах — в пермской, в обской и в угорской помимо «детских слов» для обозначения родителей присутствуют одиночные слова ‘войлок’ (**nimät*) и ‘двор’ (**kärtä*), не образующие сем. групп.

Разобранные приуральские лексические параллели показывают несколько важных моментов. Отсутствует необходимость выделения особого периода «североиранской (скифо-сарматской) группы», о которой говорилось в первом абзаце статьи, для объяснения большого набора заимствований. Данные заимствования отражают именно осет. историческую фонетику, осет. семантику, т. е. являются осетинскими. Кроме слов, иран. по происхождению, присутствует большое количество кавказизмов, проникших через осет. посредство. Их более 60-ти (или почти половина), и они попали одновременно с иранскими заимствованиями. Таким образом, время контактов с приуральскими финно-угорскими языками переносится как минимум на вторую половину I тыс. н. э. Стоит предполагать, что источник заимствований находился в одном месте (географическом ареале). Судя по составу сем. групп в заимствованной лексике, там были сооружены фортификационные укрепления и была организована добыча метал-

лов. Местное население использовалось для этой основной цели. Присутствовало организованное управление, встречались смешанные браки. Фактория (острог) существовала и после появления болгар в Восточной Европе. Контакты с хантами были незначительны, а контакты с манси более ограничены, чем контакты с «пермяками» и венграми. Контакты с венграми можно считать начавшимися в Приуралье, но они продолжались и после миграции венгров в Предкавказье (т. е. на запад, в обратную сторону пути прибытия осетин на эти приуральские территории). Появление острогов можно связывать с экспансией Хазарии на восток. Зона контакта захватывала часть современной Башкирии. Не исключено, что с этим связано и появление названия *Месягутовской* (Мэсэгүт) лесостепи в северо-восточной части этой республики. Языковой материал не поддерживает присутствие предков осетин в Приуралье на пути на Кавказ, а, наоборот, демонстрирует лексику осетин с уже освоенными кавказскими заимствованиями.

Сокращения

авест.	авестийский	перм.	пермские
араб.	арабизм	перс.	персидский
венг.	венгерский	пехл.	пехлевийский
диг.	дигорский	сем.	семантический
иран.	иранский	согд.	согдийский
ирон.	иронский	турф.	турфанский
кавк.	кавказизм	тюрк.	тюркизм
манс.	мансийский	удм.	удмуртский
неясн.	неясное	ФУ	финно-угорское
осет.	осетинский	хант.	хантыйский

Литература

Абаев В. И. *Осетинский язык и фольклор*. Т. I. Москва–Ленинград, 1949.

Абаев В. И. [Абаев I, II, III, IV] *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. I: Москва–Ленинград, 1958. Т. II: Ленинград, 1973. Т. III: Ленинград, 1979. Т. IV: Ленинград, 1989. Указатель: Москва, 1995.

Абаев В. И. Доистория иранцев в свете арио-уральских языковых контактов // Абаев В. И. *Избранные труды. Общее и сравнительное языкознание*. Т. II. Владикавказ, 1995а.

Абаев В. И. Скифо-уральские изоглоссы // Абаев В. И. *Избранные труды. Общее и сравнительное языкознание*. Т. II. Владикавказ, 1995б.

Бигулаев Б. Б. и др. *Осетинско-русский словарь, с приложением грамматического очерка осетинского языка В. И. Абаева*. Орджоникидзе, 1970.

Мудрак О. А. Кавказизмы в осетинском языке (фонетическая адаптация, разбор семантического поля) // *Родной язык*, 2014, 1 (2).

Мудрак О. А. Кавказизмы в осетинском языке (разбор семантических полей «скот», «коневодство») // *Родной язык*, 2016, 2 (5).

Мудрак О. А. Кавказизмы в осетинском языке (разбор семантических полей «оружие», «горы и горнорудный промысел», «ткани, одежда») // *Родной язык*, 2017, 1 (6).

Мудрак О. А. Кавказизмы в осетинском языке (разбор семантических полей «тело», «люди») // *Родной язык*, 2018, 1 (8).

Таказов Ф. М. *Дигорско-русский словарь — Русско-дигорский словарь*. Владикавказ, 2015.

Rédei K. [UEW] *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Budapest, 1988–1991.

References

Abaev V. I. [Abaev I, II, III, IV] *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetic language]. T. I: Moskva–Leningrad, 1958. T. II: Leningrad, 1973. T. III: Leningrad, 1979. T. IV: Leningrad, 1989. Ukazatel': Moskva, 1995. (In Russ.)

Abaev V. I. Doistoriya irantsev v svete ario-ural'skikh yazykovykh kontaktov [Prehistory of the Iranians in the light of Ario-Uralic Language Contacts]. // Abaev V. I. *Izbrannye trudy. Obshchee i sravnitel'noe yazykoznanie*. T. II. Vladikavkaz, 1995a. (In Russ.)

Abaev V. I. *Osetinskiy yazyk i fol'klor* [Ossetic language and folklore]. T. I. Moskva–Leningrad, 1949. (In Russ.)

Abaev V. I. Skifo-ural'skie izoglossy [Scytho-Uralic isoglosses] // Abaev V. I. *Izbrannye trudy. Obshchee i sravnitel'noe yazykoznanie*. T. II. Vladikavkaz, 1995b. (In Russ.)

Bigulaev B. B. i dr. *Osetinsko-russkiy slovar', s prilozheniem grammaticheskogo ocherka osetinskogo yazyka V. I. Abaeva* [Ossetic-Russian dictionary, with an appendix of a grammatical sketch of the Ossetic language by V. I. Abaev]. Ordzhonikidze, 1970. (In Russ.)

Mudrak O. A. Kavkazizmy v osetinskom yazyke (foneticheskaya adaptatsiya, razbor semanticheskogo polya) [Caucasianisms in the Ossetic language (phonetic adaptation, semantic field)] // *Rodnoy yazyk*, 2014, 1 (2). (In Russ.)

Mudrak O. A. Kavkazizmy v osetinskom yazyke (razbor semanticheskikh poley «skot», «konevodstvo») [Caucasianisms in the Ossetic language (analysis of the semantic fields “cattle”, “horse breeding”)] // *Rodnoy yazyk*, 2016, 2 (5). (In Russ.)

Mudrak O. A. Kavkazizmy v osetinskom yazyke (razbor semanticheskikh poley «oruzhie», «gory i gornorudnyy promysel», «tkani, odezhda») [Caucasianisms in the Ossetic language (analysis of the semantic fields “weapons”, “mountains and mining”, “fabrics, clothes”)] // *Rodnoy yazyk*, 2017, 1 (6). (In Russ.)

Mudrak O. A. Kavkazizmy v osetinskom yazyke (razbor semanticheskikh poley «telo», «lyudi») [Caucasianisms in the Osse-

tic language (analysis of the semantic fields “body”, “people”) // *Rodnoy yazyk*, 2018, 1 (8). (In Russ.)

Rédei K. [UEW] *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Budapest, 1988–1991.

Takazov F. M. *Digorsko-russkiy slovar' — Russko-digorskiy slovar'* [Digor-Russian Dictionary — Russian-Digor Dictionary]. Vladikavkaz, 2015. (In Russ.)

Мудрак Олег Алексеевич
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Mudrak Oleg Alekseyevich
Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
omudrak@yahoo.com

**Конструкции с номинативным посессором
в нганасанском языке¹**
**Constructions with a Nominative possessor
in the Ngasan language**

В. Ю. Гусев

V. Yu. Gusev

В статье рассматривается нганасанская конструкция с именным посессором и вершинным маркированием, т. е. с посессором в номинативе и посессивными аффиксами на обладаемом. Показывается, что эта конструкция употребляется тогда, когда обладатель находится в топике, а обладаемое — в фокусе. При всех остальных комбинациях топика/фокуса и обладателя/обладаемого при именном посессоре используется стандартная конструкция с маркированием зависимого члена, т. е. посессор маркируется генитивом, а обладаемое не имеет посессивных аффиксов.

Ключевые слова: нганасанский язык, посессивная конструкция, вершинное маркирование

This paper deals with head-marked nominal possessors in Ngasan, i. e., constructions with the possessor in the Nominative and possessive markers on the possessee. It is shown that this construction is only used when the possessor is topical and the possessee is in focus. All other combinations of topic/focus and possessor/possessee with a no-

¹ Первая версия этой статьи была представлена в качестве доклада на конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. И. Кузнецовой, в Институте языкознания РАН 30.09–01.10.2022. Автор благодарит А. В. Архипова, М. М. Брыкину, Н. Б. Кошкареву, Н. В. Сердобольскую и М. Н. Усачеву за важные замечания к докладу.

Статья написана при поддержке гранта РФФ № 22-28-01975.

minal possessor use the standard dependent-marking construction: the possessor stands in the Genitive and the possessee is unmarked.

Keywords: Nganasan, possessive construction, head-marking

DOI: 10.37892/2313-5816-2022-2-67-88

1. Семантика конструкции с номинативным посессором

Ряд уральских языков, к числу которых относится и нганасанский, используют две основные стратегии оформления притяжательных конструкций: без притяжательных окончаний при именном посессоре, с притяжательными окончаниями при местоименном посессоре или в отсутствие такового. Если в языке есть форма генитива, то посессор стоит в генитиве (как в финском языке, пример 1), если нет — в немаркированной номинативно-генитивно-аккузативной форме (как в хантыйском, пример 2).

(1) *ystävä-n koira (hän-en) koira-nsa*
 друг-GEN собака он-GEN собака-3SG
 ‘собака друга’ ‘его собака’

(2) *Juwan ho:t-na (ma) ho:t-e:m-na*
 Иван дом-LOC я дом-1SG-LOC
 ‘в доме Ивана’ ‘в моем доме’ [Nikolaeva 1999: 52]

Эта особенность уральских языков хорошо известна и упоминалась в типологической литературе, см., например, [Nichols 1986: 76–77].

Нганасанский язык занимает промежуточное положение, поскольку в нем имена имеют форму генитива, а личные местоимения ее не имеют, но в остальном вполне вписывается в эту систему:

(3) *ǰesj-nə baŋ baŋə ǰəmsu*
 отец-GEN1SG собака.NOM собака.GEN мясо
 ‘собака моего отца’ ‘мясо собаки’

- | | | | | |
|-----|---------------|---------------|---------------|---------------|
| (4) | <i>(mənə)</i> | <i>ba-mə</i> | <i>(siti)</i> | <i>ban-tu</i> |
| | я | собака-NOM1SG | он | собака-NOM3SG |
| | ‘моя собака’ | | ‘его собака’ | |

Однако помимо этих двух стратегий в нганасанском есть и третья: с притяжательными окончаниями при именном посессоре в номинативе. Эта стратегия более редкая и применительно к нганасанскому языку в литературе упоминалась лишь вскользь [Терещенко 1973: 41–43; 1979: 98–99; Wagner-Nagy 2019: 360]:

- | | | | | |
|-----|---|---------------|------------------|---------------------|
| (5) | <i>Mənə</i> | <i>iri-mə</i> | <i>huədu-mtu</i> | <i>feni-nti-mə.</i> |
| | я | дед-NOM1SG | слово-ACC3SG | знать-PRAES-1SG.O |
| | ‘Слова своего деда я знаю’ ² . | | | |
| | ChKD_72_ManyTents_flk 111 | | | |

В дальнейшем мы будем называть такую стратегию по падежу посессора «номинативной», а более обычную стратегию, соответственно, «генитивной». Важно, однако, что, помимо падежа обладателя, эти две конструкции различаются еще наличием посессивных аффиксов, и, поскольку формы номинатива и генитива в нганасанском языке могут быть омонимичны, иногда только посессивные аффиксы на обладаемом отличают одну конструкцию от другой. Личные местоимения, как было сказано, не различают но-

² Нганасанские примеры взяты из корпуса нганасанских текстов [Врукіна et al. 2018]. При каждом примере указывается название текста в соответствии с номенклатурой корпуса и номер предложения. В некоторых примерах опущены незначимые элементы (оговорки и пр.), упрощено глоссирование или стилистически поправлен перевод.

В глоссах мы не указываем нулевые суффиксы, в том числе номинатива, генитива и аккузатива ед. ч. существительных, а также 3-го лица ед. ч. субъектного спряжения глагола. Однако в именах, входящих в посессивные конструкции, мы будем указывать падеж, даже если он выражается нулем (в квадратных скобках). Кроме того, для облегчения понимания примеров обладатель в них подчеркнут одинарной линией, обладаемое — двойной.

минатива и генитива; но наличие посессивных аффиксов при местоименном или опущенном посессоре объединяет прономинальную конструкцию с номинативной. Кроме того, в генитивной конструкции порядок составляющих фиксирован (сначала обладаемое, потом обладатель) [Терещенко 1979: 96] и вставка между ними других составляющих, по-видимому, невозможна; в номинативной конструкции составляющие могут быть отделены друг от друга и переставлены (см. раздел 3).

Различия трех посессивных конструкций суммированы в таблице³.

	генитивная	прономинальная	номинативная
часть речи и падеж обладателя	имя-GEN	личное местоимение / Ø	имя-NOM
посессивные аффиксы на обладаемом	нет	есть	есть
разрыв и перестановка	невозможны	невозможны	возможны

Конструкции, подобные нганасанской конструкции с номинативным посессором, описывались для лесного энецкого [Овсянникова 2011; Ovsjannikova 2020] и тундрового ненецкого (см. обсуждение в [Nikolaeva 2014: 144–150]), а также для других уральских языков (см., например, о финском [Huimo, Leino 2012] или краткое замечание в хантыйской грамматике [Nikolaeva 1999: 52]), с акцентом на топиальном статусе посессора и на их синтаксических особенностях. Однако единого правила выбора этой конструкции, насколько нам известно, предложено не было.

В этой статье мы постараемся показать, что употребление конструкции с номинативным посессором в нганасанском языке регулируется достаточно простым правилом:

³ В нганасанском языке встречается и четвертый возможный тип: с генитивом посессора и притяжательными суффиксами на обладаемом; он более редкий, семантика его пока непонятна, и в этой статье о нем речь идти не будет.

она используется тогда, когда обладатель является топиком (известным, активированным референтом), а обладаемое находится в фокусе (представляет собой часть новой информации)⁴. Примеры (6) и (7) иллюстрируют типичные употребления этой конструкции:

- (6) *Təti səmɑʔtu bəjku-nan̄ku in̄iʔɑ-ʔku-ɖu təi-süə.*
 тот энец[NOM] старик-DIM[NOM] старуха-DIM-NOM3SG иметься-PRAET
 ‘У этого старичка-энца была жена’.
 ChND_99_Fire_flkd.002

- (7) *Təti n̄em̄iʔɑ n̄im-ti Dud̄ibta.*
 тот река[NOM] имя-NOM3SG Дудыпта
 ‘Эта река называется Дудыпта’.
 ACh_940809_ShamanLake_flkd.003

Как видно, здесь обсуждается посессор, а информация об обладаемом (например, о наличии жены или о названии) является новой и составляет содержание сообщения.

Все остальные комбинации топика/фокуса и обладателя/обладаемого требуют стандартной конструкции с гени-тивным посессором. Так, в примерах (8) и (9) обладаемое, наоборот, является топиком, а посессор находится в фокусе:

- (8) *Tə, təti an̄ida-ʔi-t̄iŋ ma-ŋuɖu n̄iüʔ.*
 ну тот больше-AUGM-GEN.3PL чум-EMPH[NOM] наверное
 ‘Это, наверное, их главного чум’.
 ChND_080722_TwoFriends_flk 147

- (9) *ɖmt̄i-rə n̄intuu h̄orə soʔə-m̄ai-ʔ t̄aaʔ*
 этот-NOM2SG не лицо шить-PT.PASS-GEN.PL олень[NOM]
 (Об убитом олене) ‘Это не эвенков олень?’ («шитюлицых» — с та-туированными лицами)
 MVL_080303_TwoDolganBrothers_flk 323

⁴ Здесь мы для простоты не различаем противопоставления топика/фокуса, активированного/неактивированного, известного/нового, употребляя соответствующие термины как синонимы. Возможно, дальнейшие исследования покажут важность различения этих понятий для данной темы.

В примерах (8) и (9) топик стоит после фокуса, что менее естественно с точки зрения информационной структуры, но обусловлено строгим порядком слов и неразрывностью генитивной посессивной конструкции. При этом номинативная стратегия допускает и разрыв, и перестановку составляющих (см. об этом в разделе 3), и с этой точки зрения она была бы более удобна для комбинации топик-обладаемое и фокус-владелец; однако так использоваться она не может.

В следующих примерах посессивная конструкция целиком является частью либо топика (10), либо фокуса (10, 11), и в этих случаях также используется генитивная стратегия:

- (10) *Tahar⁴aa sígi²ə-mtí təni²a kodbu-tu-ndə-tu, sígi²ə-tí tǎjba*
 PTCL людоед-ACC3SG так убить-NTEMP-LAT-3SG людоед-GEN3SG живот[ACC]
berí-²ə kūmaa-nənu. Sígi²ə-tí tǎjba berí-tí-ndə-tí..
 разрезать-PF нож-LOC людоед-GEN.3SG живот[ACC] разорвать-NTEMP-LAT-3SG
 ‘Когда людоедку убил, живот людоедки распорол ножом. Когда живот людоедки распорол...’ (съеденные ею люди вышли наружу).
 MVL_080303_SevenGirls_fldk.101–102

- (11) *nojbi-mə tuu-²ə, náagəə buədu təda-²a,*
 сват-NOM1SG прийти-PF хороший слово принести-PF
kobt⁴a-tu deñsi-da bəñdə deñdī-bti-²ə
 девушка-GEN.3SG цена-DEST.ACC весь.ACC цена-VBLZ-PF
 ‘Сват пришел, хорошие слова принес, калым за девушку назвал’.
 KBD_71_Relationship_nar.006

2. Примеры употребления

2.1. Описания посессора

Вероятно, наиболее частый случай употребления конструкции с номинативным посессором — это разного рода описания посессора через перечисление и описание того, что ему так или иначе принадлежит. Например, так устроены указания на наличие или отсутствие членов семьи (особенно типичные для вводных частей нарративов, при

описании основных действующих лиц). Ср., помимо (6) выше, также следующие примеры:

- (12) *ninibti-ʔa-dūm* *siti* *nūa-di*
старший.брат-AUGM-SEL[NOM] два[NOM] ребенок-3SG[NOM]
nj *kuədūmu*
женщина мужчина
‘У старшего два ребенка — девочка и мальчик’.
JAB_060901_TwoTents_flkd.006
- (13) *təti dojbaruə* *nūa* *nj* *komśa-δu*
тот сирота[NOM] ребенок[NOM] женщины[NOM] жених-NOM3SG
təi-tū.
иметься-PRAES
‘У этой сироты девушки жених есть’.
ChND_080719_Chunanchar_flkd.008
- (14) *ḡadā-um* *təti* *maa-galifa* *ni-ti* *dan̄ku*.
младший-SEL[NOM] тот что-EMPH[NOM] жена-NOM3SG нет
‘У младшего никакой жены нет’.
MVL_080303_TwoDolganBrothers_flk.015 (001.015)

Помимо семейного статуса, обычной характеристикой человека или объекта является его имя/название, см. пример (7), а также следующие:

- (15) *Maada* *ətəniə* *nj-mə* *ətəniə* *Ńomu* *Kam-ləgu*
почему этот жена-NOM1SG этот заяц кровь-COMP
i-hʔa *nim-ti?*
быть-RENARR.INTERR имя-NOM3SG
‘Почему у моей жены имя, говорят, Похожая на заячью кровь?’
MVL_080304_NjomuKamleguNy_flks.223
- (16) *Sitabi* *debtuʔki-ʔə-m*, *dūrijmʔa-ku* *nim-ti* *Kəhi* *Luu*.
сказка рассказать-PF-1SG.S история-DIM[NOM] имя-NOM3SG куропатка одежда
‘Сейчас сказку расскажу, сказочка называется Кехы Луу (Куропаточья Одежда)’
KNT_940903_KehyLuu_flkd.002

Примеры ниже иллюстрируют описание других свойств посессора, постоянных или временных:

- (17) ...*maða-ŋku-ðu* *ŋanuə* *ʂajbə-ria* *ŋü-tü*
 чум-DIM-3SG[NOM] настоящий семь-LIM[NOM] шесть-NOM3SG
 ‘...у чума только семь шестов’ (т. е. чум совсем маленький).
 TKF_031117_ThreeBrothers_fkd.004
- (18) *Təti təiri-ʔa-miʔ* *maa-gəltə* *deli-ði* *nü-gə-ti*
 тот самолет-AUGM-NOM1PL что-EMPH[NOM] шум-NOM3SG NEG-ITER-3SG
ʂəjbu-ʔ.
 слышаться-CN
 ‘Вот у нашего большого самолёта совсем не слышен гул’.
 KES_031115_Paris_nar
- (19) *Ninibtı-ʔa* *ŋonəntu maðutə-tu*, *tahar'aa ŋadə-um*
 старший.брат-AUGM сам-3SG иметь.чум-PRAES PTCL младший-SEL[NOM]
təti kobtʔa-tu *nanu* *ŋonə-nti* *ma-ti*
 тот девушка-GEN3SG с сам-3DU чум-NOM3DU
 ‘Старший брат один живет, а у младшего с сестрой свой чум’.
 MVL_080304_TwoMeryde_flk 11

Часты употребления номинативной посессивной конструкции для сообщения об отсутствии у посессора чего-либо [Wagner-Nagy 2014: 79], что естественно: отсутствие обладаемого скорее характеризует (не)обладателя, чем отсутствующий объект. См. пример (14) выше, а также следующий:

- (20) *Mənə nüə-mə* *dəŋguj-tü-ʔ* *sani-tü*
 я ребенок-NOM1SG отсутствовать-PRAES-3PL.S игрушка-NOM.PL3G
 ‘У моего ребенка нет игрушек’ [Wagner-Nagy 2014: 79].
- (21) *Maʔ* *dəŋku* *maa-gəltə* *ferə-ði*
 чум[NOM] нет что-EMPH[NOM] житель-NOM3SG
 ‘В чуме никого нет’.
 CHND_080719_Horesotjeme_fkd 49

2.2. Описание обладаемого

Помимо случаев, когда посессор описывается через информацию о чем-то, что ему (в широком смысле) принадлежит, в фокусе внимания может находиться и сам объект обладания. Для выбора конструкции с номинативным посессором важно, как и в прочих случаях, чтобы об-

ладатель был активен в сознании участников диалога, а обладаемое — нет; см. примеры ниже.

- (22) *təti mənə Ibanoviti-mə tahar'abə ɲerəbtü-küa*
 тот я Иванович-NOM1SG значит первый-то[NOM]
ɲi-ti aša.
 жена-NOM3SG долганин
 'вот мой Иванович [муж говорящей], первая жена у него [была] долганка'.
 KES_050723_Predictions_nar.020

- (23) *tahar'aa təti tahar'aa ɲ'antu-rbi'a ɲojbuə-ɟu*
 PTCL тот PTCL парень-AUGM[NOM] голова-NOM3SG
ho-la-ʔi-ɟə
 заплести-PASS-PF-3SG.R
 'Ну, этому парню голову заплели' (юноша пришел в гости к девушке, которая заплела ему волосы в знак своего расположения).
 JSM_090809_Life_nar.412

- (24) *Tə, tə-ʔaa dəli hiij-hi'ə da kaŋəbta kuədümu,*
 ну тот-LIM день стемнеть-NTEMP к сколько-то мужчина
aba'a-mə kuədümu ɲüə-ɟə-ti ɲətiŋ-siə.
 мать-NOM1SG мужчина ребенок-DEST-NOM3SG появиться-PRAET
 (Описываются приготовления матери к родам) 'В тот же день то ли к вечеру, то ли когда, сын, у моей мамы родился сын'.
 ChND_041213_Reminescence_nar 78

В примере (25) посессивной конструкцией оформлено отглагольное имя.

- (25) *Ŋahu-ɟu tənɨ i-mua-ɟu i-bahu.*
 старшая.сестра-NOM3SG там быть-NPF-NOM3SG быть-RENARR
 Сестра ее, оказывается, была там («Ее сестры там нахождение, говорят, было»)
 [year: 1997] KVB_97_Djuhode_nar.090

В примерах выше обладаемое посессивной конструкцией стояло в именительном падеже, но другие падежи тоже возможны, ср. пример (26) с аккузативом и (27) с генитивом при послелоге:

- (26) *təti tahar'aa nūä-mə lahsa-δa-mtu təδa-ʔa,*
 тот PTCL ребенок-NOM1SG люлька-DEST-ACC3SG принести-PF
mənə konda-ʔa.
 я увезти-PF
 (Когда рассказчица родила ребенка, приехала ее свекровь) 'Для
 ребенка она привезла люльку, меня увезла'.
 JMD_080219_MyLife_nar 108

- (27) *Təti əmti bigaj-lə tobü-tü da nantı-lə-tə.*
 тот этот река-NOM2SG устье-GEN3SG к следовать-INCH-IMP2SG.O
 'Иди по этой речке до конца'.
 TKF_061105_FoxFosterling_flk 106

Этот раздел начался примерами, характерными для начала нарратива; можно закончить его типичными заключительными формулами:

- (28) *Tahar'aa təti-rə təndə nīli-lī-ʔi-δə, śitəbi-rə balta-δu.*
 PTCL тот-2SG туда жить-INCH-PF-3SG.R сказка-NOM2SG конец-NOM3SG
 'Он стал там жить, вот и вся сказка'.
 MVL_080226_TwoHorses_flks.821

- (29) *Balta-δu təti dūrimı-mə.*
 конец-NOM3SG тот рассказ-NOM1SG
 'Вот конец моей истории'.
 TLN_061021_MyName_nar.30

3. Замечания о синтаксисе

3.1. Отделимость и перестановки

Синтаксическое описание конструкций с номинативным посессором не входит в наши задачи, хотя именно синтаксису сходных конструкций в других уральских языках традиционно уделялось большое внимание (см. о финском языке [Huuto, Leino 2012], о ненецком [Bárány, Nikolaeva 2021], о лесном энецком [Ovsjannikova 2020]). Судя по всему, нганасанский в этом отношении сходен с перечисленными языками: в нем также посессивные конструкции с именным обладателем и посессивными аффиксами на обладателем — в отличие от стандартной стратегии без посессив-

ных аффиксов — допускают разрыв (30–31) и перестановки (32–33) составляющих.

(30) *kobʰa-rbaʰa* *ŋuəlī* *ŋambu-ɔu* *kona-ʰa-ŋuɔu* *ŋiiuʰ*.
 девушка-AUGM[NOM] конечно сон-NOM3SG пройти-PF-ли ведь
 ‘У девушки сон, конечно, прошел’.
 TKF_990812_EvilSpirit_flkd.288

(31) *ŋini-rə* *sil̥t̥ʰ* *kobʰa* *māni-ntiā-ɔu* *təi-ŋuʰ*?
 брат-NOM2SG кто-GEN.PL девушка[NOM] любимый-PT.PRAES-NOM3SG быть-INTERR
 ‘Твой брат любит девушку из какой семьи?’ (букв. «У твоего брата чьих девушка любимая есть?»)
 MACH_XX_KehyLuu_flkd 80

(32) *bəltə-ɔu* *buaɔu-mə*.
 конец-NOM3SG слово-NOM1SG
 ‘Вот и все, что я хотел сказать’ («Конец моему слову».)
 MVL_080226_TwoHorses_flks.496

(33) *ŋa-laa* *tunu-ntu:* *Kəh̥i* *Luu* *ŋəndʰaiʰ* *ŋim-ti* *əmt̥i-rə*.
 рот-LIM говорить-PRAES куропатка одежда наверное имя-3SG этот-2SG
 ‘Рассказчик говорит «Кехы Луу, наверное, его имя»’.
 KNT_940903_KehyLuu_flkd.073

3.2. Одна или разные именные группы?

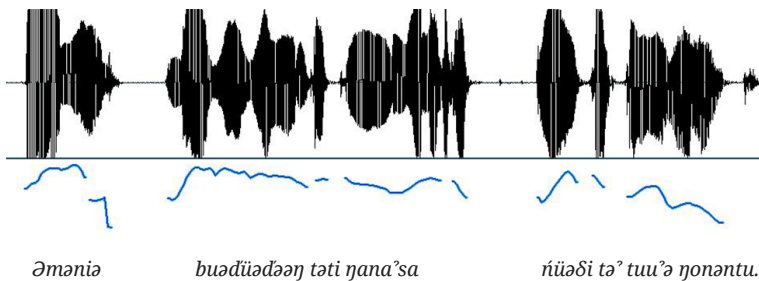
Как было сказано, номинативную посессивную конструкцию объединяет с прономинальной наличие посессивных показателей на обладаемом. Учитывая, что личные местоимения в функции посессора чаще всего опускаются, откуда мы можем знать, что номинативная посессивная конструкция — это вообще единая именная группа, а не две отдельных с посессивной формой в одной из них, которая отсылает к посессору в другой? На это же может указывать возможность отделения и перестановки обладателя и обладаемого, проиллюстрированная выше.

Разумеется, сочетания двух именных групп (или даже клауз) такого типа вполне возможны и частотны. Так, пример (34), судя по наличию предикатов в каждой из частей, представляет собой два отдельных предложения.

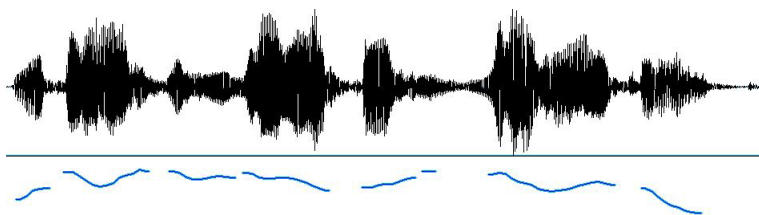
- (34) *Sona kobtʰa nūətə-tj Nūə-δi šiti ηatum-sjə.*
 чайка девушка[NOM] рожать-PRAES ребенок-NOM3SG два появиться-PRAET
 ‘Девушка-чайка рождает. Двое детей у нее родилось’.
 ChKD_72_ManyTents_flks.060

В примере (35) это менее очевидно; видимо, ничто в его морфологии и синтаксисе не мешает его трактовке как единой клаузы. Однако он содержит паузу после слова *ηanaʹsa* ‘человек’, и можно предположить, что мы имеем здесь дело с выносом топиализованной составляющей вперед, из общей клаузы. С другой стороны, пауза есть в этой фразе и после первого слова, которое уж точно отдельной клаузы представлять не может.

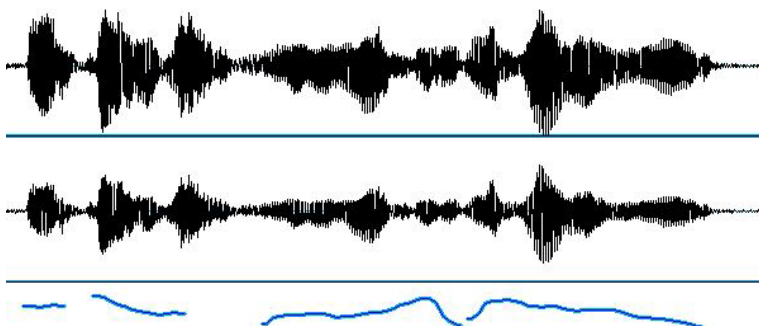
- (35) *Ətəniə buə-dūədəə-η təti ηanaʹsa,*
 этот говорить-PT.PRAET-2SG тот человек[NOM]
nūə-δi təʹ tuu-ʹə ηonə-ntu.
 ребенок-NOM3SG ведь прийти-PF сам-3SG
 ‘Тот человек, о котором ты говорил, его сын сам пришёл’ / ‘Сын того человека, о котором ты говорил, сам пришел’.
 KES_031115_Paris_nar.256



Наконец, во многих случаях паузы очевидно нет — см., например, графики примеров (27) и (30) выше.



Təti əmti bigajlə tobütü da nántiɬə.
 тот этот река-NOM2SG устье-GEN3SG к следовать-INCH-IMP2SG.O

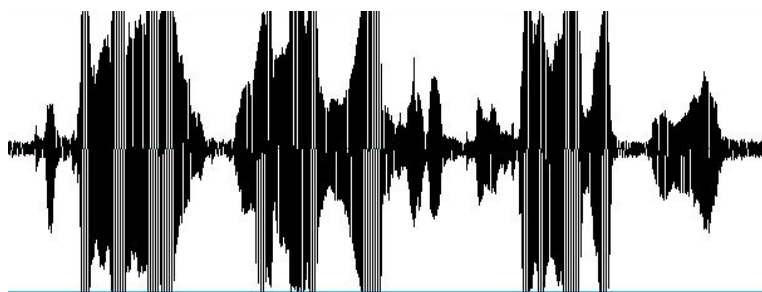


kobt⁴a-rba⁷a ɲəɬi ɲambu-ɬu kona⁷a-ɲuɬu ɲiiu⁷.
 девушка-AUGM[NOM] конечно сон-NOM3SG пройти-PF-ли ведь

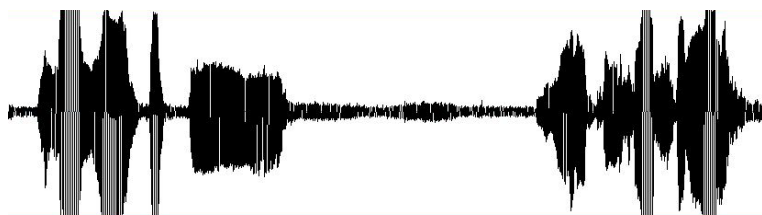
На интонограмме примера (27) хорошо виден также единый интонационный контур фрагмента *bigajlə tobütü da* ‘река-2SG устье-GEN3SG к’.

Характерен также следующий пример.

- (36) *Təti (ɲam⁴aj) ɲam⁴aj ɲüə-ɬi ɬiti i-süə Labətu*
 вот другой другой ребенок-3SG два быть-PRAET Лабату[NOM]
ɲüə-ɬi ɲam⁴aj ɲüə-ɬi təti... ɲim-ti i-süə ɬiɬaa.
 ребенок-NOM3SG другой ребенок-3SG вот имя-3SG быть-PRAET Сила
 (До этого речь шла об одной из дочерей человека по имени Лабату.) ‘А другой его ребенок... двое было детей у Лабату. Другую его дочь звали Сила’.
 PHL_97_Djuhode_nar 89-90



Təti (ŋam'aj) ŋam'aj nūəd̪i šiti isūə Labətu nūəd̪i

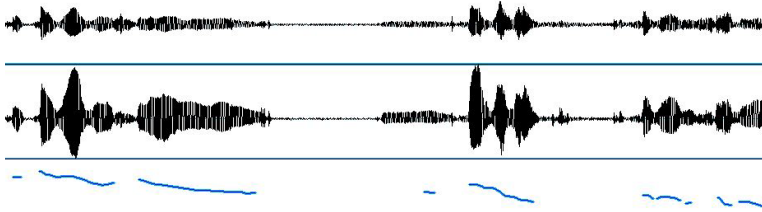


ŋam'aj nūəd̪i tət̪i n̪imti isūə šilaa.

В первом предложении фрагмент *Labətu nūəd̪i* ‘дочь Лабату’ произносится слитно и с единым интонационным контуром (перерыв на осцилограмме соответствует звуку *t*). Во втором предложении рассказчица, вспоминая, делает паузу перед словом *n̪imti* ‘имя-3sg’, но интонация остается ровной и продолжается примерно с того же уровня после паузы.

Рассмотрим в заключение пример с перестановкой.

- (37) *Kitəd̪ə-d̪i i-sūə... səŋhəlan̪kə, kitəd̪ə-d̪i i-sūə*
 месяц-NOM3SG быть-PRAET пять месяц-NOM3SG быть-PRAET
nūə-mə.
 ребенок-NOM1SG
 (У меня тогда был грудной ребенок.) ‘Ему было месяцев... пять
 месяцев было моему ребенку’.



Kitəðəəði isüə

mmm səŋhəlanjə kitəðəəði isüə nüəmə.

Рассказчица делает паузу перед числительным, вспоминая точный возраст ребенка, и произносит это числительное с понижением интонации, очевидно планируя завершить фразу. Однако потом она меняет свое намерение и решает целиком сказать предложение ‘Пять месяцев было моему ребенку’, но уже не повторяет только что произнесенное числительное. Обратим внимание, что заключительная часть предложения произносится как единая ритмическая группа, несмотря на то что имя обладателя (*nüəmə* ‘мой ребенок’) находится не только после обладаемого, но и после глагола, который при нейтральном порядке слов должен стоять в конце.

Таким образом, во всяком случае просодические соображения не говорят нам о том, что конструкции с номинативным посессором — это две именные группы; хотя нельзя исключать, что исторически они возникли в результате выноса топикизованного посессора (ср. [Овсянникова 2011] об энецком).

4. Случаи синонимии генитивной и номинативной стратегий

Итак, номинативная посессивная конструкция используется тогда, когда посессор является топиком, а обладаемое находится в фокусе. Во всех остальных случаях, в том числе когда и обладатель, и обладаемое находятся в топике, употребляется генитивная конструкция.

Однако существуют такие классы объектов, которым в нормальной ситуации принадлежат некие другие объекты. Люди и домашние животные обычно имеют имена, а крупные географические объекты — названия; у живых существ есть части тела, а у рек — исток и устье; у людей обычно есть одежда и т. д.⁵ Если в сознании участников диалога активирован такой посессор, то в силу этого активировано и то, чем он, скорее всего, обладает. В этой ситуации номинативная и гентивная конструкции оказываются практически синонимичными. Ср. следующие два примера.

- (38) *Taa* *təti maa* *ɲim-ti* *hüñsərænu* *Biñidi'* *i-kə-baŋhu*.
 олень [NOM] тот что имя-NOM3SG раньше Бынызи быть-ITER-RENARR
 (Старший брат дал нам одного оленя.) 'Имя оленя этого, говорят, раньше было Бынызи'.
 ChNS_080302_Wife_nar.051

- (39) *Tə* *taa-nə* *ɲim* *Laδurɨ* *Kobta'a* *ibahu*,
 ну олень-GEN.1SG имя[NOM] Лазуры бык быть-RENARR
mənə *taa-nə* *ɲim*.
 я олень-GEN.1SG имя[NOM]
 (Это был олень моего отца, отца звали Лазуры.) 'Оленя моего, говорят, зовут Бык Лазуры, [так] моего оленя зовут'.
 131_KTD_86_LeruiSidite_flks 204

В обоих этих случаях речь в предыдущем контексте идет об олене, и сообщается его имя. Во всяком случае, нам не удастся увидеть разницу между этими двумя примерами, которая объяснила бы, почему в первом случае употреблена номинативная, а во втором — гентивная посессивная конструкция, и приходится предположить, что в

⁵ Это деление, хотя похоже на оппозицию отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности, не совпадает с ней. Например, одежда у человека обычно есть, но она может быть отчуждаема; напротив, родственники, в частности дети, неотчуждаемы, но их может не быть. Нам неизвестно, упоминался ли этот тип ранее в типологической литературе; во всяком случае, в таких обзорах, как [Heine 1997: 33–41] или [Aikhenvald 2013: 17–20] он отдельно не выделяется.

случае имен и названий между ними нет существенной разницы.

Н. М. Терещенко [1979: 98–99] приводит следующие два примера, никак не комментируя различие в их значении — вероятно, считая их синонимичными.

- (40) а. *D'edi-tə* *luu* *tetʰa* *hekuɬɨ.*
 отец-GEN2SG одежда[NOM] очень теплый
- б. *D'esɨ-rə* *luu-ɖi* *tetʰa* *hekuɬɨ.*
 отец-NOM2SG одежда-NOM3SG очень теплый
 'У твоего отца очень теплая одежда'.

С сожалением, эти примеры приведены без контекста и, вероятно, элицированы, поэтому говорить об их информационной структуре трудно.

Ср. также следующий пример, в котором рассказывается история двух девочек, родившихся одновременно.

- (41) *Təti* *Labətu* *ni* *təbtə* *taɲdaʼa* *kona-ʼa*.
 тот Лабату[GEN] жена[NOM] тоже беременный пойти-PF
Labətu *навѣрное* *Labətu* *Labətu...*
 Лабату Лабату Лабату
- təti-rə* *ni-ti* *taɲdaʼa* *kona-ʼa*.
 тот-NOM2SG жена-NOM3SG беременный пойти-PF
- (Моя мать забеременела. Еще [рядом с нами] жил Лабату.) 'Жена этого Лабату тоже забеременела. Лабату, наверное... Лабату... его жена забеременела'.
- PHL_97_Djuhode_nar 26–27.

Наличие жены у человека не само собой разумеется, т. е. здесь не та же ситуация, что с одеждой или именем. С другой стороны, в наличии жены нет ничего неожиданного и в памяти рассказчицы этот человек женат, поэтому она могла пренебречь или забыть о том, что слушатели могут этого не знать, и выбрать конструкцию, которая не подает наличие жены как новую информацию, — тем более, что речь здесь не о мужчине и не о его жене, а о ребенке, который должен был вскоре родиться. Однако потом, поколебавшись, она все же вернулась к грамматически более эксплицитной конструкции.

Конечно, нужно помнить, что, как и всегда в описании неродного языка, мы попадаем здесь в логический круг: установив значение некоего показателя в понятных контекстах, мы далее вынуждены трактовать менее понятные контексты, основываясь на своих же собственных предположениях.

5. Заключение

В этой статье было предложено описание одной из посессивных конструкций нганасанского языка, в которой посессор выражен формой номинатива, а обладаемое маркировано посессивными аффиксами. Мы постарались показать, что такая конструкция употребляется только в случаях, когда посессор является топиком (активированным, известным участником), а обладаемое — частью фокуса (неактивированным, новым).

В отличие от стандартной конструкции (именной посессор в генитиве, нет посессивных аффиксов на обладаемом), а также от прономинальной посессивной конструкции (посессор — личное местоимение, есть посессивные аффиксы на обладаемом), номинативная посессивная конструкция допускает разрыв и перестановку ее составляющих. Это могло бы трактоваться как свидетельство того, что она не представляет собой единую именную группу. Однако мы полагаем, что — хотя, разумеется, вынос посессора влево или вправо всегда возможен — по крайней мере, в некоторых случаях номинативная посессивная конструкция образует единую именную группу, произносящуюся без паузы и с единым интонационным контуром. Это не исключает того, что исторически она могла возникнуть из конструкций с выносом топикализованного посессора, что типологически хорошо засвидетельствовано (ср. [Heine 1997: 61–63]).

Противопоставление двух конструкций с именным посессором — с маркированием вершины и без таковой — хо-

рошо вписывается в контекст других уральских языков⁶. Однако, насколько известно, только в нганасанском, энецком и ненецком⁷ языках эти конструкции различаются еще и падежом зависимого: в них при наличии маркирования на обладаемом посессор может стоять в номинативе, в то время как в других уральских языках, различающих номинатив и генитив, посессор неизменно стоит в генитиве.

Список сокращений

- 1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо
- ACC — аккумулятив
- AUGM — аугментатив
- CN — коннегатив
- DEST — дестинатив
- DU — двойственное число
- EMPH — эмфатический показатель
- GEN — генитив
- IMP — императив
- INCH — инхоатив
- INTERR — интеррогатив
- ITER — итератив
- LAT — латив
- LIM — лимитатив («только»)
- LOC — локатив
- NEG — отрицательный глагол
- NOM — номинатив
- NPF — перфективное отглагольное имя
- NTEMP — временное отглагольное имя
- O — объектное спряжение
- PASS — пассив
- PF — перфект

⁶ См. сходный с нашим анализ семантики финских конструкций [Nuomo, Leino 2012: 69–73].

⁷ Пример с номинативным посессором из ненецкого языка приводится в работе [Ли 2018: 35], об энецком см. цитировавшиеся выше работы М. А. Овсянниковой.

PL — множественное число
PRAES — настоящее время
PRAET — прошедшее время
PT — причастие
PTCL — частица
R — рефлексивное спряжение
RENARR — ренарратив
S — субъектное спряжение
SEL — селективный суффикс
SG — единственное число
VBLZ — вербализатор

Литература

Ли П. И. *Функции и семантика биноминативных конструкций с прототипическим значением посессивности в тундровом ненецком языке*. Выпускная квалификационная работа. Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 2018.

Овсянникова М. А. Топикализация посессора в лесном диалекте энецкого языка // *Acta linguistica petropolitana*. Труды ИЛИ РАН, 2011, VII, 3: 153–159.

Терещенко Н. М. *Нганасанский язык*. Ленинград, 1979.

Терещенко Н. М. *Синтаксис самодийских языков*. Ленинград, 1973.

Aikhenvald A. Y. Possession and ownership: a cross-linguistic perspective // A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). *Possession and Ownership: A Cross-Linguistic Typology*. Oxford, 2013, 1–64.

Bárány A., Nikolaeva I. On adjoined possessors // *Linguistic Inquiry*, 2019, 52 (1): 1–19.

Brykina M., Gusev V., Szeverényi S., Wagner-Nagy B. *Nganasan Spoken Language Corpus (NSLC)*. Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. Version 0.2. Publication date 2018-06-12. URL: <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-C6F2-8>

Heine B. *Possession: Cognitive Sources, Forces, and Grammaticalization*. Cambridge, 1997.

Huumo T., Leino J. Discontinuous constituents or independent constructions: The case of the Finnish “split genitive” // *Constructions and Frames*, 2012, 4:1: 56–75.

Nichols J. Head-Marking and Dependent-Marking Grammar // *Language*, 1986, 62, 56–119.

Nikolaeva I. *A grammar of Tundra Nenets*. Berlin, 2014.

Nikolaeva I. *Ostyak*. München, 1999.

Ovsjannikova M. Oblique and nominative nominal possessors in Forest Enets // *Eesti ja Soome-Ugri Keeleteaduse Ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*, 2020, 11 (2): 57–98.

Wagner-Nagy B. *A grammar of Nganasan*. Leiden–Boston, 2019.

Wagner-Nagy B. Possessive constructions in Nganasan // *Томский журнал ЛИНГ и АНТР*, 2014, 1 (3): 76–82.

References

Aikhenvald A. Y. Possession and ownership: a cross-linguistic perspective // A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). *Possession and Ownership: A Cross-Linguistic Typology*. Oxford, 2013, 1–64.

Bárány A., Nikolaeva I. On adjoined possessors // *Linguistic Inquiry*, 2019, 52 (1): 1–19.

Brykina M., Gusev V., Szeverényi S., Wagner-Nagy B. *Nganasan Spoken Language Corpus (NSLC)*. Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. Version 0.2. Publication date 2018-06-12. URL: <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-C6F2-8>

Heine B. *Possession: Cognitive Sources, Forces, and Grammaticalization*. Cambridge, 1997.

Huumo T., Leino J. Discontinuous constituents or independent constructions: The case of the Finnish “split genitive” // *Constructions and Frames*, 2012, 4:1: 56–75.

Li P. I. *Funktsii i semantika binominativnykh konstruktssii s prototipicheskim znacheniem possessivnosti v tundrovom nenetskom yazyke* [Functions and semantics of binominal constructions with the prototypical meaning of possessiveness in the Tundra Nenets language]. Vypusknaya kvalifikatsionnaya ra-

bota. Novosibirskii gosudarstvennyi universitet. Novosibirsk, 2018. (In Russ.)

Nichols J. Head-Marking and Dependent-Marking Grammar // *Language*, 1986, 62, 56–119.

Nikolaeva I. *A grammar of Tundra Nenets*. Berlin, 2014.

Nikolaeva I. *Ostyak*. München, 1999.

Ovsjannikova M. Oblique and nominative nominal possessors in Forest Enets // *Eesti ja Soome-Ugri Keeleteaduse Ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*, 2020, 11 (2): 57–98.

Ovsyannikova M. A. Topikalizatsiya posessora v lesnom dialekte enetskogo yazyka [Topicalization of the possessor in the Forest Enets language] // *Acta linguistica petropolitana. Trudy ILI RAN*, 2011, VII, 3: 153–159. (In Russ.)

Tereshchenko N. M. *Nganasanskii yazyk* [Nganasan language]. Leningrad, 1979. (In Russ.)

Tereshchenko N. M. *Sintaksis samodiiskikh yazykov* [Syntax of the Samoyedic languages]. Leningrad, 1973. (In Russ.)

Wagner-Nagy B. *A grammar of Nganasan*. Leiden–Boston, 2019.

Wagner-Nagy B. Possessive constructions in Nganasan // *Tomskiy zhurnal LING i ANTR*, 2014, 1 (3): 76–82.

Гусев Валентин Юрьевич

Институт языкознания РАН

Москва, Россия

Институт лингвистических исследований РАН

Санкт-Петербург, Россия

Gusev Valentin Jurievich

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Institute for Linguistic Studies

of the Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russia

vgoussev@yandex.ru

Восстановление грамматических эллипсисов

Recovering grammatical ellipses

Т. Ю. Кобзарева

T. Yu. Kobzareva

В работе рассмотрены грамматические эллипсисы, наиболее вероятные в русском предложении.

Обсуждаются грамматические условия появления эллипсисов — ситуации потенциального повтора слов или некоторых частей предложения в синтаксической структуре, порождающие эллипсисы.

Рассмотрен изоморфизм структур с эллипсисами и анафорическими замещениями, позволяющий рассматривать эллипсисы как специфический вид анафорических замещений.

Показано, как синтаксические аномалии структур с эллипсисами — отсутствия существительных — вершин именных групп, актантов предикатов или целых фрагментов предложения с предикатами — можно использовать на ранних ступенях автоматического анализа при поиске эллипсисов и их антецедентов.

Ключевые слова: грамматический эллипсис, анафорическое замещение, автоматический анализ, синтаксические условия появления эллипсиса, восстановление эллипсиса

The present article deals with the most frequently-occurring kinds of grammatical ellipsis encountered in Russian sentences.

We discuss the grammatical conditions of ellipsis appearance — situations of potential iteration of words or phrases in the syntactic structure of the sentence.

Such ellipses can be considered specific forms of anaphoric replacement.

The analysis of the most important syntactic and morphological features of ellipsis — the absence of the noun in a noun phrase, predicate actants, or entire sentence fragments — shows how these anomalies can be used in the early stages of automatic analysis when searching for ellipses and their antecedents.

Keywords: grammatical ellipsis, anaphoric replacement, automatic analysis, syntactic conditions of ellipsis appearance, ellipsis recovery

DOI: 10.37892/2313-5816-2022-2-89-119

1. Введение

Язык предлагает нам множество механизмов, позволяющих при порождении предложения избегать всякого рода повторов, однообразия лексического и структурного.

Мы элиминируем повторы, строя сочинительные конструкции (*Петя стоял. Петя молчал. => Петя стоял и молчал.*).

При соединении утверждений, каждое из которых может быть выражено простым предложением, мы часто используем разного рода трансформации: превращаем простые предложения в придаточные, обособленные деепричастные, причастные и другие обороты, в необособленные согласованные определения. *Петр работает в мастерской. Петр умеет чинить моторы. => Работающий в мастерской Петр умеет чинить моторы / Петр, работающий в мастерской, умеет чинить моторы / Работая в мастерской, Петр умеет чинить моторы.* Или же появляется сложное предложение с придаточным: *Петр, который работает в мастерской, умеет чинить моторы.*

Анафорические замещения однозначных существительных и прилагательных позволяют избежать лексических повторов. *Мальчик взял учебник по математике с полки. Мальчик стал читать учебник по математике. => Мальчик взял учебник по математике с полки и стал читать его.* И, наконец, существует грамматический эллипсис, который тоже, как и анафорическое замещение, позволяет избегать лексических повторов.

Описание механизмов анафорических замещений и грамматического эллипсиса представляет интерес как для теоретического синтаксиса, так и для решения прикладных задач, опорной компонентой которых является автоматический синтаксический анализ: информационного поиска, машинного перевода, автоматического рефе-

рирования. Настоящее описание грамматического эллипсиса, как и модель анафорических замещений в русском предложении, рассмотренная в [Кобзарева 2003], ориентированы на решение проблем автоматического синтаксического анализа в модульной системе ПСА, разрабатываемой с 1999 г. в РГГУ. Принципы построения этой системы, ориентированные на рекурсивность линейной структуры русского предложения, использующие рекурсивные алгоритмы, описаны в [Кобзарева 2015]. Иерархизация процедур анализа, задаваемая жестким порядком модулей, *определяемая рекурсивностью линейной структуры предложения*, позволяет, в частности, находить антецеденты анафорических замещений и восстанавливать грамматический эллипсис на ранних этапах анализа.

2. Аномалии синтаксической структуры, сопутствующие грамматическим эллипсисам

Грамматический эллипсис, в отличие от семантического, приводит к нарушению формальной правильности синтаксической структуры, имплицитирует *определенные синтаксические аномалии*. Что это означает? В [Гестелец 2011a] автор определяет эллипсис как «невывраженность тех фрагментов предложения, значение которых может быть восстановлено из контекста». Отмечается, что «ни в одном языке эллипсис не подчиняется единому правилу, т. е. он реализуется в виде нескольких конструкций, которые подчиняются разным правилам и по-разному вписываются (или не вписываются) в принятую исследователем теоретическую модель».

При анафорическом замещении человек обычно понимает, какое именно полнозначное имя замещает местоимение, а при грамматическим эллипсисе — какие именно слова опущены. Мы не рефлексируем, как именно в нашем сознании это происходит. Вопрос, на что при этом мы подсознательно опираемся и как этот процесс можно

моделировать, появляется только в лингвистике, в частности, когда мы пытаемся решать задачи автоматического анализа или синтеза.

Для анафорических замещений в порождающих грамматиках построена теория связывания, позволяющая определять, где в предложении может находиться антецедент местоимения и какие морфологические характеристики местоимения можно использовать при поиске его антецедента [Тестелец 2001; Мельчук 1993; Падучева 1985 и др.]

Поиск ситуаций с эллипсисами существенно отличается от поиска анафорических замещений тем, что в первом случае мы находим определенное слово, про которое мы знаем, что оно является замещением некоторого полнозначного имени. При поиске же эллипсисов мы должны уметь определить, что в структуре предложения чего-то не хватает, найти лауну и понять, что именно отсутствует. То есть нужно научиться определять структуры с некоторыми аномалиями, где аномалии заключаются в отсутствии чего-то, что в принципе в предложении должно было бы быть. При этом оказывается, что синтаксические особенности структуры предложений, позволяющие использовать анафорические замещения, близки к особенностям, в которых порождаются эллипсисы.

Задача описания грамматических эллипсисов включает несколько проблем. Первая — классифицировать ситуации, когда какое-то слово или несколько слов в нормальной, «правильной» структуре в норме ожидаются, но их нет, что мы расцениваем как структурную синтаксическую аномалию. Что при этом мы понимаем под нормальной, правильной структурой и под синтаксическими аномалиями или «нарушением правильности» синтаксической структуры?

Теньер писал: «Глагольный узел, который является центром предложения в большинстве европейских языков, выражает своего рода маленькую драму. Действительно, как в какой-нибудь драме, в нем обязательно имеется

действие, а чаще всего также действующие лица и обстоятельства» [Теньер 1988].

Существует восходящая к Теньеру традиция представлять структуру связей слов в простом предложении в виде графа, а именно — дерева, то есть графа без циклов, вершиной которого — главным словом — является предикат, узлами являются слова, а связи, отношения между ними изображаются в виде стрелок, направленных от главного слова пары — хозяина — к подчиненному. Каждая «маленькая драма» одного предиката может быть представлена простым предложением, где предикат в языковом сознании говорящего задает структуру (мы говорим — актантную структуру) множества однотипных ситуаций.

Каждое исходное простое предложение — кирпичик, минимальная синтаксическая составляющая в процессе построения предложения — состоит из предиката, его актантов, то есть субъектов и объектов ситуации этого предиката, и обстоятельств — сирконстантов. При этом актанты и сирконстанты названы чаще всего именными или предложными группами в формах, определяющих их роль в ситуации.

В стремлении избежать структурного однообразия и в силу необходимости описывать ситуации, включающие в себя много таких «маленьких драм», язык позволяет соединять вербальные имена этих ситуаций в сложные структуры. И не просто порождать конфигурации, соединяющие в себе несколько кирпичиков — простых предложений, но соединять их, используя различные их трансформы (*Петр работает в мастерской. Петр умеет чинить моторы. => Работающий в мастерской Петр умеет чинить моторы / Петр, работающий в мастерской, умеет чинить моторы / Петр, который работает в мастерской, умеет чинить моторы и др.*)

Для каждого простого предложения или его трансформы мы можем построить граф (или ветку графа) связей его

слов, прогнозируемых словарем и грамматикой. При этом известны роли в этих графах определенных частей речи в определенных формах и как именно они могут быть связаны. Грамматика и словарные описания лексем позволяют нам прогнозировать, какие именно формы каких частей речи в норме используются для актуализации ситуаций конкретных предикатов.

Соответственно, мы знаем, например, что в норме в русском языке полное прилагательное или 1) подчинено существительному, или 2) входит в состав сложного сказуемого, или 3) субстантивировано и выступает в роли существительного. Если же мы для полного прилагательного не обнаруживаем ни 1), ни 2), ни 3), то это указывает на некую аномалию. Например, в предложении *Мальчик съел красное яблоко, а зеленое положил в холодильник* мы для *зеленое* не находим ни одну из перечисленных ситуаций: у него нет существительного-хозяина, оно не входит в состав сложного сказуемого и оно не субстантивировано. В такой ситуации мы можем говорить о синтаксическом нарушении — об аномалии, в нашем случае — об эллипсисе существительного — хозяина этого прилагательного, об отсутствии вершины именной группы (далее ИГ). Или в предложении *Мальчик закрыл дверь, но забыл запереть* ситуация глагола *запереть* предполагает наличие объекта действия *запереть*.

При рассмотрении эллипсисов нас будут занимать, во-первых, что может быть элиминировано, и во-вторых — особенности структуры предложений, где такой эллипсис может встретиться и где при этом языковое сознание умеет находить опущенный элемент предложения. Мы подсознательно опираемся при этом на значимые для понимания структурные особенности контекста. Соответственно, для понимания этих механизмов нужно реконструировать эти особенности.

3. Изоморфизм некоторых видов грамматических эллипсисов и анафорических замещений

Когда в живой речи, устной или письменной, мы сталкиваемся с анафорическим замещением полнозначного имени местоимением или эллипсисом — отсутствием некоторого ожидаемого слова или словосочетания, наш языковой опыт позволяет нам на основе контекста понимать сказанное: понимать, что является антецедентом местоимения или какое слово или словосочетание опущено. Слыша предложение *Мальчик сорвал яблоко с дерева и съел его*, мы мгновенно определяем антецедент местоимения *его*. В предложении *Мальчик сорвал с дерева яблоко и съел* мы так же легко восстанавливаем опущенный объект *яблоко*. Легко заметить, что в этих простых примерах анафорического замещения и аналогичного ему эллипсиса есть определенная структурная специфика: сочинение предикатов и то, что у этих предикатов один и тот же субъект. Сочиненность предикатов, имеющих один субъект, создает некоторый параллелизм предикативных структур, который и позволяет нам понять, что антецедент местоимения второго предиката — это названный уже объект первого. Аналогично и отсутствие объекта у второго предиката в той же структуре позволяет восстановить опущенный актант. Два действия, производимые одним субъектом, когда для второго действия или нет полнозначного имени актанта-объекта, или же вообще этот актант опущен, дают основание догадаться, что объекты совпадают или, как принято говорить в лингвистике — кореферентны (т. е. называют один и тот же экстралингвистический объект).

Очевидно, что не исключены неоднозначности понимания, которые могут быть истинными, т. е. предложение без знания экстралингвистического контекста действительно можно понять по-разному (*Шла дама с собачкой, которую я никогда не видел*), а бывают ситуации однозначные, но требующие для поиска правильной интерпрета-

ции некоторые экстралингвистические знания о мире, дополнительную информацию. Например, в предложении *Он съел блюдо варенья и испачкал им рубашку* для правильного поиска антецедента местоимения *им* нужно учитывать, что в ИГ *блюдо варенья* смысловая вершина группы — *варенье*, а слово *блюдо* задает количественную характеристику, как числительное в именной группе *два яблока*.

Теория связывания, разработанная в порождающих грамматиках, позволяет прогнозировать, в каких позициях в каких именно структурах полнозначные слова можно заменять местоимениями. Опираясь на эту теорию, можно с учетом синтаксических особенностей русского языка с высокой степенью достоверности находить в русском предложении антецеденты местоимений [Кобзарева 2003].

Мы покажем, что грамматический эллипсис в пределах предложения, как и анафорическое замещение, возможен только в определенных контекстных ситуациях — при, условно говоря, структурном синтаксическом «параллелизме» двух частей предложения, когда анафорическое замещение, как и эллипсис какого-то слова или части предложения в одной из параллельных структур, элиминирует лексический или структурный повтор.

Простейший параллелизм структур может возникать, например, при сочинении ИГ с одинаковыми вершинами (*Он взял с собой синий мяч и красный (мяч)*), при подчинении двух ИГ двум сочиненным предикатам (*Он взял с полки тетрадь и положил (тетрадь) на стол*), при подчинении двух кореферентных ИГ двум разным предикатам в сочиненных предложениях (*Мама покормила сына, а отец отвел (сына) в школу*) и т. д.

Некоторые наиболее частые типы грамматических эллипсисов появляются в контекстных ситуациях, синтаксически подобных ситуациям, допускающим анафорические замещения ИГ местоимением. Поэтому мы предлагаем рассматривать эллипсис как замещение некоторой компоненты предложения **нулевым знаком**. При эл-

липсисе существительного или именной группы — замещение их \emptyset -местоимением.

Наша способность обнаруживать антецеденты анафорических замещений и находить опущенные элементы предложений с грамматическими эллипсисами в основе своей опирается на нашу способность видеть подобие синтаксически параллельных структур. При этом возможности грамматических эллипсисов гораздо более разнообразны. Если местоимения замещают ИГ, эллипсис позволяет опускать не только имена актантов (частично или полностью), но и предикаты, и даже — большие фрагменты предложения.

Не только эллипсисы — буквальные аналоги анафорических замещений, т. е. опущение ИГ или ее вершины, удобно интерпретировать как специфические аналоги анафорических замещений. Элиминирование предиката можно рассматривать как его замещение \emptyset -предикатом, опущение фрагмента предложения — как замещение части предложения \emptyset -фрагментом.

Нам представляется, что анализ этого структурного подобия позволяет увидеть важные для синтаксиса структурные универсалии работы нашего сознания.

Первая задача построения грамматики эллипсисов — описать виды эллипсисов и особенности синтаксических структур, в которых они используются. Далее встает вторая проблема, важная, в частности, для автоматического синтаксического анализа: какие характеристики предложения, полученные при автоматическом анализе, позволяют эллипсисы определенных типов восстанавливать, то есть на каком именно этапе автоматического анализа мы можем находить антецедент эллипсиса: какие процедуры анализа обеспечивают информацию, необходимую и достаточную для поиска элиминированного слова или фрагмента.

4. Типы грамматических эллипсисов в русском предложении и изоморфизм синтаксических структур, допускающих анафорические замещения и эллипсисы

Таким образом, **грамматический** эллипсис — это опущение слов в предложении, которое в используемой нами вербоцентрической системе зависимостей приводит к невозможности построить «нормальный» граф связей слов. То есть в предложении отсутствуют какие-то фрагменты, которые соответственно грамматике и задаваемым в словаре моделям управления должны в предложении быть. При определенных контекстных условиях возможен эллипсис практически любого узла графа предложения или даже нескольких узлов одновременно. Возникает неполнота, невозможность обычным путем построить «нормальные» связи слов.

Рассмотрим самые распространенные грамматические эллипсисы. В примерах на месте эллипсиса будем ставить знак \emptyset , в круглых скобках около него будем давать со звездочкой опущенное слово или словосочетание, то есть антецедент эллипсиса.

При анафорическом замещении мы имеем дело с элиминированием повтора путем замещения полнозначного имени местоименным. Мы знаем, где можно искать и умеем находить (с неоднозначностью в некоторых случаях) антецедент личного местоимения. Ниже мы рассмотрим, явления структурного изоморфизма ситуаций с эллипсисом и ситуаций с анафорическими замещениями, являющиеся важной универсалией механизмов порождения предложения.

4.1. Тип 1. Эллипсис существительных в приглагольных акантах «с сохранением представителя»

В [Падучева 1974] водятся некоторые типы ситуаций эллипсисов «с сохранением представителя»: в ИГ у прилагательного нет хозяина-существительного или же в ИГ с числительным или местоименным числительным отсутствует ожидаемое существительное. То есть элиминировано полнозначное существительное в ИГ, но при этом некоторая компонента группы сохраняется: нет хозяина согласованного определения — прилагательного или его синтаксического эквивалента, или нет полнозначного существительного в ИГ с числительным.

В [Тестелец 2011б] рассмотрено грамматическое требование совпадения граммемы падежа в antecedенте и в пробеле в русском языке. Цель работы [Тестелец 2011б] — «показать, что совпадение по падежу является одним из факторов эллипсиса в русском языке, и определить те случаи, когда падежные различия не играют роли». Показано, в частности, что эллипсис с сохранением представителя не чувствителен не только к падежу, но и к различиям между членами предложения.

Ниже мы покажем, что при эллипсисе необходимость согласования по падежу определяется структурой контекста, предопределяющего возможность эллипсиса, и в некоторых структурах согласование по падежу обязательно.

При элиминировании некоторого элемента «с сохранением представителя» мы имеем дело с ИГ с вершинами — объектами одного класса, которые различаются каким-то признаком: *красный мяч* — *синий мяч* (два мяча различаются цветом); *Ваня играл красным мячом, а брат его играл синим* Ø (*мячом); *девочка в джинсах* — *девочка в шортах* (две девочки различаются одеждой); *прогулка по лесу* — *прогулка по городу* (прогулки различаются местом), *две прочитанные страницы* — *пять прочитанных страниц* (различие в количестве страниц). Противопоставление по некоторому признаку двух одноименных объектов позво-

ляет опустить имя второго из них, но только в контекстах с определенной структурой.

Если в эллипсисе с сохраненным представителем появляется согласованное определение в единственном числе, важным формальным морфологическим критерием тождества эллиптированного имени и его антецедента является согласование рода прилагательного с грамматическим родом антецедента: *У Вани толстая тетрадь, а у Пети тонкая Ø (*тетрадь) / У всех толстые тетради, а у Пети тонкая Ø (*тетрадь)*

В каких структурах возможен эллипсис с сохранением представителя?

4.1.1. Сравнение структур с анафорическими замещениями и эллипсисами с сохранением представителя

Замещение ИГ личным местоимением и эллипсис именной группы с сохранением представителя возможны в очень похожих по структуре контекстах. Сравним структуры контекстов при замещении полнозначной именной группы личным местоимением, рассмотренные в [Кобзарева 2003] со структурами контекстов с эллипсисами с сохранением представителя.

Тип 1.1. Сочинение или соподчинение ИГ — актантов одного предиката.

Местоимение в сочиненных или соподчиненных ИГ замещает имя, предшествующее ему и сочиненное с ним или в предложных группах — с его хозяином:

*дом и крыша его (*дома); в доме и около него (*дома); брат Ивана сильнее него (*Ивана).*

В аналогичных ситуациях возможен эллипсис существительного с сохранением представителя именной группы при сочинении именных и предложных групп: *красную чашку и синюю Ø (*чашку); книги о войне и литературоведческие Ø (*книги).*

Соподчинение актантов — ИГ.

*Правая рука сильнее левой Ø (*руки).*

Моя **жизнь** была длиннее, чем **его** \emptyset (***жизнь**). [Кира Сурикова. «Донна Клара» (2003)]

Одно **нарушение** лучше, чем **два** \emptyset (***нарушения**).

Следует решить если не все задачи, то **большинство** \emptyset (***задач**).

Тип 1.2. Анафорическое замещение при подчинении двух ИГ сочиненным предикатам.

Сочинение предикатов. Местоимение замещает имя, появившееся в предшествующей ветке предиката, сочиненного с предикатом — его хозяином.

Но они гнушаются **просторечием** и заменяют **его** (***просторечие**) **простомыслием**. [Пушкин 2001]

Здесь нашел я у коменданта **рукопись «Кавказского пленника»** и, признаюсь, перечел **его** (***Кавказского пленника**) с удовольствием. [Пушкин 2001]

Вигель получил **звезду** и очень **ею доволен**. [Пушкин 2001]

Мальчик получил в подарок альбом и сразу же потерял \emptyset (***альбом**)

Тип 1.3. Ситуация, аналогичная сочинению предикатов с одним субъектом, где одно из простых сочиненных заменено на трансформ — причастный оборот.

Некто Карцев, женатый на **парижской девке** в 1814 году, развелся с **нею** (***парижской девкой**)... [Пушкин 2001]

Мальчик, потерявший синий **шар**, взял желтый \emptyset (***шар**)

Тип 1.4. Анафорическое замещение и эллипсис актанта при соподчинении или сочинения инфинитивов.

Он предпочел впречь целое стадо в **огромную бричку**, нагруженную запасами всякого рода, и торжественно перевезти **ее** (***огромную бричку**) через снеговой хребет;

мы хотели бы обратиться назад и взглянуть... на **старинные памятники**, сравнить **их** (***старинные памятники**) с этой бездной романсов. [Пушкин 2001]

Он хотел закрыть дверь и запереть \emptyset (***дверь**).

Пете предложили быстро написать заявление и отдать \emptyset (***заявление**) в деканат.

Тип 1.5. Анафорическое замещение и эллипсис при сочинении причастных оборотов.

... выдумал сказку о Богородице, будто бы явившейся к умирающей матери и приказавшей ей (*умирающей матери) надеяться... [Пушкин 2001]

Он виделся с братом, продавшим свой старый дом и купившим новый Ø (*дом)

Тип 1.6. Сочинение простых предложений с идентичными по смыслу актантами, смысловое тождество которых подчеркивается определениями.

Мы включили верхнюю лампу, и нижняя Ø (*лампа) тут же погасла.

Тип 1.7. Контексты, характерные для анафорического замещения и эллипсиса при сочинении простых предложений с одинаковым субъектом.

Личное местоимение — дополнение в одном из сочиненных простых с одинаковыми или кореферентными субъектами, замещает имя в дополнении к одному из сочиненных предикатов.

Я никогда не хлопотал о счастье, я мог обойтись без него (*счастья). [Пушкин 2001]

Я взял синюю чашку, я не люблю желтую Ø (*чашку).

Тип 1.8. Присубстантивное придаточное с подлежащим, кореферентным подлежащему главного. Случай, аналогичный сочинению предикатов с одним субъектом. Личное местоимение — дополнение при глаголе в главном или присубстантивном придаточном с подлежащим, замещает имя в дополнении к предикату в главном или присубстантивном.

Завистник, который мог освистать Дон Жуана, мог отравить его творца. [Пушкин 2001]

Мальчик, который взял синюю чашку, не мог разбить желтую Ø (*чашку), из которой пил его брат.

Тип 1.9. Подчинение деепричастия в деепричастном обороте предикату главного предложения является по сути поверхностно-синтаксическим аналогом сочинения предикатов.

*Миних спас Ганнибала, отправя его (*Ганнибала) тайно в ревельскую деревню...* [Пушкин 2001]

*Выкупив бриллианты Натальи Николаевны, я принужден был их (*бриллианты) перезаложить.* [Пушкин 2001]

*Петр взял синий шар, спрятал под столом желтый Ø (*шар). Спрятал под столом желтый шар, Петр взял синий Ø (*шар).*

4.2. Тип 2. Эллипсис приглагольных актантов (без сохранения представителя)

Опускается целиком именная группа — актант предиката. В русском предложении часто опускаются первый и третий актанты.

Этот вид эллипсиса возможен в ситуации совпадения форм антецедента и элиминированной ИГ: *Маша поставила торт на стол, а Андрей украсил Ø (торт) цукатами.*

Один из существенных вопросов при поиске антецедента — насколько для такого эллипсиса необходимо совпадение форм актантов.

В [Тестелец 2011б] показано, что «эллипсис в русском языке требует совпадения граммем падежа в антецеденте и пробеле в терминах шестипадежной системы, но это требование ослабляется для винительного, родительного и дательного падежей беспредложных дополнений».

Если вам позвонили и Ø (вас) пригласили на собеседование, значит, вы справились с задачей. [Елена Голованова. Дорогу молодым львам (2002) // «Домовой», 2002.06.04]

Нам это льстило и Ø (нас) это возвышало над будничным течением жизни. [Нина Воронель. Без прикрас. Воспоминания (1975–2003)]

Однако чаще всего, если формы Вин. и Род. у данного имени различаются, то требуется, чтобы антецедент эллипсиса был в том падеже, который совпадает с формой элиминированного имени:

Эту сотрудницу мы давно знаем и Ø (эту сотрудницу) с нетерпением ждем.

Там же рассмотрен пример эллипсиса при сочинении предложений с вершинами глагольных пар **быть** с отрицанием и без отрицания. При этом в полной структуре может быть любой представитель пары, а в эллиминированной — его отрицание:

- 1.а. У него нет **денег**, а у меня Ø (**деньги**) есть.
- 1.б. У него есть **деньги**, а у меня Ø (**денег**) нет.
- 2.а. У него не было **денег**, а у меня Ø (**деньги**) были.
- 2.б. У него были **деньги**, а у меня Ø (**денег**) не было.

4.3. Тип 3. Элиминирование повтора сказуемого

Эллипсис предикативной вершины в сложносочиненном предложении при ее потенциальном повторе во втором из сочиненных.

Опускается предикат — вершина сегмента — во втором (и далее) сочиненном предложении, предикат и морфо-синтаксическая структура которого в точности повторяют структуру первого, полного.

*Из пяти их сестер Наталья была за Петерсоном, Вера — Ø (*была) за Пыхачевым, Нина — Ø (*была) за бароном Раушем фон Траубенберг, Елизавета — Ø (*была) за князем... (В. Набоков)*

4.4. Тип 4. Эллипсис фрагмента предложения с предикатом — вершиной и некоторыми другими его членами

Во втором из сочиненных предложений, структура которых совпадает с точностью до порядка одинаковых слов в одинаковых формах, может быть опущена совпадающая часть предложения, в частности, включающая в себя предикат.

*Двадцать лет такого танца составляют эпоху, сорок — Ø (*лет такого танца составляют) историю. (О. Мандельштам)*

*На одном из листочков написано отец, на другом —
∅ (*из листочков написано) мать.*

4.5. Комбинация разных типов эллипсисов

*Мне налили воду, ∅ (*я) никогда такой вкусной ∅ (*воды)
не пил.*

*Я знаю французский язык, а мой друг ∅ (*знает) (—)
итальянский ∅ (*язык).*

5. Функциональное и структурное подобие контекстов с эллипсисами и анафорическими замещениями

Рассмотренные примеры показывают, что анафорические замещения и эллипсисы решают в языке **близкие и универсальные для построения предложения задачи: элиминируют потенциальные повторы в структуре предложения.**

При этом легко видеть, что любой из перечисленных типов грамматического эллипсиса и анафорического замещения возможен только при «параллелизме» в предложении структур: при сочинении ИГ, при соподчинении ИГ, при подчинении двух ИГ двум сочиненным предикатам, при подчинении двух ИГ двум предикатам сочиненных предложений с кореферентными субъектами, при подчинении двух ИГ предикатам в двух соседних сегментах, один из которых подчинен другому, или если один из потенциально сочиненных предикатов появляется в трансформе — в роли согласованного определения.

Эти наблюдения наглядно демонстрируют существование универсальных механизмов, устраняющих избыточность текста путем элиминирования всякого рода повторов.

Рассмотренные закономерности позволяют решать проблемы поиска элиминированных фрагментов текста аналогично поиску antecedентов анафорических замеще-

ний, используя наличие двух структурно подобных фрагментов предложения.

Аналогично тому, как, сопоставляя структуры с анафорическими замещениями мы можем находить в предложении антецеденты местоимений [Кобзарева 2003], мы можем определить, какая составляющая предложения с параллельными структурами опущена во фрагменте с эллипсисом.

6. Восстановление эллипсисов

В системе ПСА, на которую ориентирована описанная модель, порядок действий при анализе определяется тем, что сегментация предложения (сегментация в широком смысле, включающая в себя, в частности, построение проективных фрагментов ИГ) предшествует построению большей части синтагматических связей.

Система состоит из 6 блоков, работающих в жестком порядке [Кобзарева 2007а]:

1. Постморфология — решение несловарных проблем морфологического анализа.
2. Разрешение омонимии частей речи.
3. Предсегментация — построение проективных фрагментов определительных именных и предложных групп [Кобзарева 2007б], сложного сказуемого и т. д.: эти компоненты предложения удобно рассматривать как цельные единицы линейной структуры сегментов (простых главных предложений, придаточных, обособленных деепричастных, причастных оборотов и их аналогов с вершинами — согласованными определениями).
4. Сегментация: построение сегментов, границы которых в русском предложении задаются эксплицитно знаками препинания и/или сочинительными союзами.
5. Внутрисегментный анализ — построение еще не построенных связей внутри сегментов.
6. Межсегментный анализ — построение графа связей сегментов.

Сегментация и тем более построение связей слов внутри сегментов в предложениях с эллипсисами должны породить множество проблем и ошибок. Соответственно, восстанавливать эллипсисы нужно перед сегментацией.

6.1. Поиск и восстановление эллипсисов I типа — эллипсисов существительного в именной группе с сохранением представителя.

6.1.1. Поиск эллипсисов 1 типа

Рассмотрим, как анализируются прилагательные и их синтаксические аналоги (А) и какие результаты анализа могут указывать на эллипсис этого типа.

В модуле разрешения омонимии [Кобзарева, Афанасьев 2002] определяются случаи субстантивации.

В модуле предсегментации строятся связи, определяющие фрагменты предложения, которые при сегментации будут использованы в качестве единиц линейной структуры:

- а) определены А — слуги существительных, числительных, имен собственных в кавычках и т. д. в любых возможных в русском языке линейных конфигурациях атрибутивных именных групп [Кобзарева 2007б]. То есть будут построены проективные фрагменты именных и предложных групп. Там же определяются потенциальные вершины обособленных согласованных определений.
- б) В алгоритме построения сложного сказуемого будут «связаны» прилагательные, входящие в сложное именное сказуемое.

Для поиска согласованного определения (А) с эллипсисом хозяина — случаев \emptyset -замещения — остается отличить А в Им. п. без хозяина в случае эллипсиса от прилагательного в Им. — предикативной вершины сегмента в наст. вр. без глагола-связки. Для этого алгоритм построения сложного сказуемого, работающий после построения именных и предложных групп, должен проанали-

зировать контексты для прилагательных в Им. п., оставшихся на этом этапе свободными.

В результате после работы первых 3 модулей системы будут обнаружены прилагательные в именных группах с эллипсисом хозяина: *Петя взял **красный шар**, а Ване достался **синий** Ø (*шар).*

Если нет и сказуемого, например *Петя взял **красный шар**, а Ваня Ø — **синий** Ø*, а это бывает в ситуации, когда в двух предложениях должно было бы быть одинаковое сказуемое, то мы, скорее всего, имеем дело одновременно с двумя видами эллипсиса: эллипсисом существительного в ИГ и эллипсисом глагола.

6.1.2. Восстановление эллипсиса 1 типа

Рассмотрим наиболее вероятные синтаксические структуры, в которых возможен эллипсис 1 типа.

1. Сочинение именных или предложных групп, где во второй группе опущен хозяин: *Нужно взять **красную чашку** и **синюю** Ø (*чашку). Нужно поставить чашку **на первый стол** и **на второй** Ø (*стол). Нужно поставить чашку **рядом с первой тарелкой** и **слева от второй** Ø. Нужно поставить чашку **рядом с первой** Ø и **слева от второй тарелки**.*

Если представитель ИГ с эллипсисом хозяина находится в структуре, где сочинены именная или предложная группы, то вершина первой из сочиненных является антецедентом эллипсиса при условии согласования: при сочинении — согласования по падежу, и в любом случае, если прилагательное в ед. ч., то род прилагательного должен совпадать с грамматическим родом антецедента.

2. Соподчинение именных и предложных групп: ***Красный кубик** больше **синего** Ø (*кубика).*

Если мы обнаруживаем свободное А и в контексте есть ИГ, которая может быть соподчинена группе с эллипсисом,

то существительное, являющееся вершиной полной ИГ, будет антецедентом эллипсиса при выполнении условий согласования (тех же, что в п. 1).

3. Ситуация сочинения сегментов — простых предложений, когда во втором сочиненном сегменте должна была бы быть ИГ с той же вершиной, что в первом сегменте: *Я взял красную чашку, а он взял синюю Ø (*чашку).*

При этом предикаты могут быть разными: *Я мыл красную чашку, а он любовался своей синей Ø (*чашкой).* При разных предикатах не требуется совпадения падежей ИГ.

Если сказуемые, то есть хозяин элиминированного существительного и хозяин его антецедента совпадают, то, скорее всего, второе сказуемое будет тоже опущено: *Я вымыл красную чашку, а он — синюю Ø (*чашку).* / *Я вымыл красную Ø (*чашку), а он — синюю чашку.* В этом случае маркером факта Ø-замещения часто (но не обязательно) служит **тире** на месте опущенного предиката. Так как элиминированный предикат лексически тождественен его антецеденту, и, соответственно, имеет те же валентности, ИГ, вершина которой — антецедент Ø-замещения, должна согласоваться по падежу с А-представителем ИГ с эллипсисом вершины. Кроме того, если А в ед. ч., то род А должен совпадать с грамматическим родом существительного — антецедента.

4. Ситуация вложения придаточного или деепричастного оборота в некоторый сегмент: *Я знаю, что он уже разбил свою красную чашку, когда я мыл мою синюю Ø (*чашку).* *Когда я мыл красную чашку, он разбил синюю Ø (*чашку).* *Когда я мыл красную Ø (*чашку), он разбил свою синюю чашку.* *Забыв дома красный карандаш, он стал исправлять ошибки синим Ø (*карандашом).* *Он искал синий Ø (*карандаш), забыв красный карандаш дома.*

Мы видим, что эллипсис при подчинении, как и эллипсис при сочинении сегментов, определяется не типом

сегментов и не видом или направлением связи сегментов при подчинении, а только самим фактом наличия их связи и очень часто, но не обязательно, фактом их непосредственного соседства. Сегмент с антецедентом может быть отделен от сегмента с эллипсисом одним или несколькими рекурсивными вложениями в предложениях с сегментными матрешками: *Я знаю, что он уже разбил **свою красную чашку**, которую мы оба так любили, когда я мыл мою синюю \emptyset (*чашку).* При этом эллипсис можно обнаружить и в первом из двух связанных (м. б., соседних) сегментов, и во втором.

А и антецедент его хозяина могут быть в разных числах, а при несовпадении предикатов — в разных падежах, как и в случае, если они оказываются в предложных группах (ПГ) с разными предлогами: *Когда я вымыл **синие чашки**, он еще любовался **красной \emptyset** (*чашкой). Когда я отказался пить **из синей \emptyset** (*чашкой), он потянулся за **красной чашкой**.*

При восстановлении эллипсисов в ИГ с числительными мы в первую очередь опираемся на структуру контекста, при котором такие эллипсисы могут возникнуть. Для этого типа эллипсисов мы ищем сочинение ИГ с числительными, во второй из которых нет повтора полнозначного существительного в Род. п. — первого справа от числительного в первой из сочиненных групп: *Возьмите **две чашки муки и одну \emptyset** (*чашку) — **сахарного песка**. Они принесли **5 коробок** с давно проданными книгами, **а две \emptyset** — со старыми альбомами.*

К моменту поиска этих эллипсисов в модуле предсегментации уже построены ИГ с числительными или их синтаксическими эквивалентами. В тексте сигналом, что в структуре возможен эллипсис, служит количественное числительное в цифровой или буквенной записи или количественное местоимение (*много, несколько, большинство и др.*), у которого нет подчиненного ему существительного в Род., которое есть в первой из сочиненных ИГ.

6.2. Поиск и восстановления эллипсисов 3 и 4 типов

При восстановлении эллипсисов этих типов мы можем опираться только на структуру контекстов, которые задаются линейными конфигурациями.

Единственное, что, кроме структуры текста, можно использовать как указание на факт эллипсиса, — это то, что на месте эллипсиса сказуемого или целого фрагмента предложения, как правило (но не всегда), ставится тире.

Как и при поиске antecedентов, описанном выше, на предложение накладывается маска: на языке линейных конфигураций [Мельчук 1964] дается описание необходимых признаков двух сочиненных или связанных подчинением предложений. Задаются правила сравнения двух цепочек слов этих предложений: сравнение порядка следования частей речи и форм слов в цепочках. Обязательным отправным условием является то, что компоненты начала и конца второго сегмента по частям речи и формам совпадают с компонентами начала и конца первого из сравниваемых предложений.

6.2.1. Принцип работы алгоритма поиска antecedента опущенного фрагмента со сказуемым

Будем исходить из наблюдения, что при эллипсисе фрагмента на его месте в норме ставится тире. Тире в скобках — факультативное тире.

Рассмотрим схему поиска antecedента эллипсиса фрагмента при сочинении сегментов — простых в сложносочиненном (*Петя съел пирожок, а Ваня (—) кашу*) и простых в придаточном с сочинительным сокращением подчинительного союза (п/с) (*Когда Петя съел пирожок и /, а Ваня (—) кашу, детей повели гулять*).

ИГ — уже построенная к моменту работы алгоритма атрибутивная именная группа любой конфигурации, например, [*стоящий у стены резной старинный буфет*]; при этом [*стоящий у стены резной старинный буфет*] [*любимой тетушки*] будет рассматриваться как цепочка из двух ИГ.

Условные обозначения: X R Y — слово X является хозяином слова Y; N — существительное; A — полное прилагательное, причастие, местоименное прилагательное, порядковое числительное; p — предлог; D — наречие; Vf — глагол в личной форме; Abg краткое прилагательное или причастие; **зпт** — запятая; **зпт+с/с** — запятая, справа от которой стоит сочинительный союз.

ПГ — уже построенная предложная группа любой конфигурации, т. е. [p + (D) + ИГ], где p R [N-вершина ИГ].

К — компонента предложения = ИГ/ПГ/наречие. **Praed** — предикат: Vf/Abg одиночные или вершины уже построенных цепочек сложного сказуемого.

Ф — антецедент эллипсиса (элиминированный фрагмент).

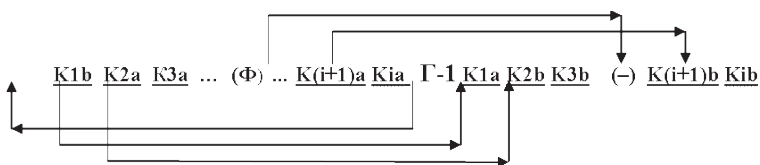
Считаем, что **две ИГ синтаксически подобны**, если они представляют одинаковые актанты одного глагола: совпадают по падежу (*Мальчик писал ручкой, а девочка — карандашом / Актинии отбрасывают щупальца, раки — клешни, ящерицы — хвост*).

Две ПГ синтаксически подобны (структурно и/или лексически), если представляют одинаковые актанты или сирконстанты сказуемого. Возможны пары актантов или сирконстантов (откуда: *из школы — с катка / куда: в театр — на каток / где: под деревом — на скамейке* и др.), когда то, что они представляют одинаковые актанты, определяется следующим:

1. лексически совпадают предлоги и падежи N — слуг предлогов, падежи A* — слуг N (*Все пили из чашек, а отец — из стакана. Все сидели на скамейках, а младший сын — на полу*);
2. предлоги в паре относятся к одному классу, например: направление движения откуда-то — [**из, с, от, ...**], местонахождение — [**в+предл, на+предл, под+тв., за+тв, ...**], движение куда-то — [**к+дат, в+вин, на+вин, ...**] и т. д. (*Многие дети приехали на конкурс из Москвы, и только один мальчик — с Камчатки. Сумку он положил на полку, а рюкзак — под стул. Он пошел в аптеку, а его брат —*

на почту). Для корректного использования этого условия подобия необходимо задать классы предлогов, позволяющие устанавливать актантную / сирконстантную эквивалентность ПГ.

Синтаксически подобны м. б. ПГ и наречие: например, предлоги направления движения и некоторые наречия с подобной семантикой (*на работу, в магазин, к реке, ... — домой, ...*).



Условная схема сравнения компонент сегментов

К с совпадающими номерами (K1a и K1b) — пары совпадающих или синтаксически близких компонент в параллельных структурах.

Пары ищем по порядку номеров К: сначала пару K1a и K1b потом пару K2a и K2b и т. д.). Внутри пары с указанным номером ищем сначала компоненту с индексом **a**, потом — с индексом **b** (сначала K1a, потом K1b).

Обязательным при рассматриваемом типе эллипсиса является только наличие первой пары K1a и K1b (см. Условную схему сравнения компонент):

Отец пришел, и старший сын (пришел).

С точки зрения порядка совпадающих компонент может быть синтаксическое подобие только начальных компонент, например:

Ваня из магазина пришел, а Петя (—) из кино / Ваня пришел из магазина, а Петя (—) из кино. (Ф=пришел).

Возможно синтаксическое подобие начальных и конечных компонент:

Ваня пришел домой из школы, а Петя — (Ф=пришел домой) из библиотеки / со стадиона.

При этом мы видим, что элиминируется, т. е. не повторяется, тема, задается только рема, и ремой могут быть разные определяемые ситуацией актуализации актантов или сирконстантов.

Поиск первой пары *подобных* К начинается от «центра» зоны анализа — $\Gamma-1 = \text{зпт}/\text{зпт} + \text{с}/\text{с}$ — потенциального разделителя (границы) полного сегмента и **сегмента с эллипсисом**: сравниваем К1а — первую компоненту сегмента с эллипсисом, которая стоит непосредственно справа от $\Gamma-1$, с К1б — первой компонентой в начале левого **полного сегмента**.

После обнаружения первой пары в этих сегментах строятся две цепочки подобных К, начинающиеся с первой пары найденных подобных К и стоящие в начале и полного сегмента, и сегмента с эллипсисом. Эти цепочки могут состоять только из К1а и К1б. (*Мальчик рисовал ручкой, а девочка (—) карандашом*). Как только алгоритм наталкивается на отсутствие в сегменте с эллипсисом парной подобной компоненты или на тире, начинается поиск цепочек подобных К, стоящих в концах полного сегмента и сегмента с эллипсисом, обрамляющих справа antecedent элиминированного фрагмента. (*Мальчик рисовал ручкой, а девочка (—) карандашом*).

Правых структурно подобных компонент может не быть, тогда весь оставшийся фрагмент от последней парной компоненты до $\Gamma-1$ и будет antecedentом элиминированного фрагмента. (*Мальчик **пишет письмо**, и девочка*).

Если же в полном сегменте и сегменте с эллипсисом обнаруживается правая цепочка подобных компонент, то границей antecedента эллипсиса в полном первом сегменте служат самая правая подобная К в левой цепочке и самая левая К в цепочке справа, для которых в сегменте с эллипсисом нашлись синтаксически подобные К.

Если на месте эллипсиса стоит тире, правой границей antecedента является К, подобная К непосредственно справа от тире.

Заключение

В основе механизмов эллипсиса лежит, как и при анафорическом замещении, внутренняя установка языка на избегание повтора, однообразия лексического и структурного, что может быть проинтерпретировано как действие принципа экономии.

Рассмотренный синтаксический изоморфизм анафорического замещения и грамматического эллипсиса демонстрирует существование одного из важных универсальных механизмов построения структуры русского предложения.

Эллипсис, как и анафорическое замещение, возможен только в определенных контекстных ситуациях — при «параллелизме» двух структур, когда в полной форме без эллипсиса во втором фрагменте или всего предложении возник бы лексический или структурный повтор: при сочинении ИГ с одинаковыми вершинами, при соподчинении таких групп, при подчинении двух таких групп двум разным сочиненным предикатам, при подчинении двух одинаковых ИГ двум вершинам разных сочиненных предложений, при подчинении двух именных групп предикатам двух соседних сегментов, один из которых подчинен другому, и т. д.

Анализ разных видов эллипсиса показывает, что все виды эллипсисов удобно рассматривать как специфические формы анафорических замещений: элиминирование предиката как его замещение \emptyset -предикатом, опущение ИГ, ее вершины или фрагмента предложения — как их \emptyset -замещение (при опущении существительного — как \emptyset -местоимение).

Предлагаемая модель позволяет аномалии, возникающие в синтаксической структуре при элиминировании потенциального повтора, использовать для решения прикладных задач поиска и восстановления эллипсиса.

Литература

Афанасьев Р. Н., Кобзарева Т. Ю. Интеллектуальная система предсинтаксического анализа русского текста (ИСПА) // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Труды Международной конференции Диалог' 2003. Протвино, 2003, 5–10.

Кобзарева Т. Ю. Афанасьев Р. Н. Универсальный модуль предсинтаксического анализа омонимии частей речи в русском языке на основе словаря диагностических ситуаций // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Труды международного семинара Диалог'2002. Т.2. Протвино, 2002, 258–268.

Кобзарева Т. Ю. *В поисках синтаксической структуры. Автоматический анализ русского предложения с опорой на сегментацию*. Москва, 2015.

Кобзарева Т. Ю. Проблема кореференции в рамках поверхностно-синтаксического анализа русского языка // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Труды Международной конференции Диалог'2003. Протвино, 2003, 278–284.

Кобзарева Т. Ю. Иерархия задач поверхностно-синтаксического анализа русского предложения // *НТИ*, 2007а, 2(1): 23–35.

Кобзарева Т. Ю. Построение и использование проективных фрагментов именных и предложных групп (Поверхностно-синтаксический анализ русского предложения) // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Труды Международной конференции Диалог' 2007. Москва, 2007б, 175–182.

Мельчук И. А. *Автоматический синтаксический анализ*. Т. 1. Новосибирск, 1964.

Падучева Е. В. *Высказывание и его соотнесенность с действительностью. (Референциальные аспекты семантики местоимений)*. Москва, 1985.

Падучева Е. В. *О семантике синтаксиса*. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. Москва, 1974.

Пушкин А. С. *Записные книжки*. Москва, 2001.

Теньер Л. *Основы структурного синтаксиса*. Москва, 1988.

Тестелец Я. Г. *Введение в общий синтаксис*. Москва, 2001.

Тестелец Я. Г. Эллипсис в русском языке: теоретический и описательный подходы // *Конференция «Типология морфосинтаксических параметров»*. МГТУ 5.12.2011а.

Тестелец Я. Г. Падеж как признак идентичности при эллипсисе в русском языке // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Труды Международной конференции Диалог'2011. 2011б.

References

Afanas'ev R. N., Kobzareva T. Yu. Intellektual'naya sistema predsintaksicheskogo analiza russkogo teksta (ISPA) [Intelligent system for pre-syntactic analysis of Russian text (ISPA)] // *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. Trudy Mezhdunarodnoy konferentsii Dialog'2003. Protvino, 2003, 5–10. (In Russ.)

Kobzareva T. Yu. Afanas'ev R. N. Universal'nyy modul' predsintaksicheskogo analiza omonimii chastey rechi v russkom yazyke na osnove slovarya diagnosticheskikh situatsiy [Universal module for presyntactic analysis of homonymy of parts of speech in Russian based on a dictionary of diagnostic situations] // *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. Trudy mezhdunarodnogo seminara Dialog'2002. T.2. Protvino, 2002, 258–268. (In Russ.)

Kobzareva T. Yu. *V poiskakh sintaksicheskoy struktury. Avtomaticheskii analiz russkogo predlozheniya s oporoy na segmentatsiyu* [In search of syntactic structure. Automatic analysis of the Russian sentence based on segmentation]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Kobzareva T. Yu. Problema koreferentsii v ramkakh po-verkhnostno-sintaksicheskogo analiza russkogo yazyka [The problem of coreference within the framework of the surface-syntactic analysis of the Russian language] // *Komp'yuternaya*

lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy Mezhdunarodnoy konferentsii Dialog'2003. Protvino, 2003, 278–284. (In Russ.)

Kobzareva T. Yu. Ierarkhiya zadach poverkhnostno-sintaksicheskogo analiza russkogo predlozheniya [Hierarchy of tasks of surface-syntactic analysis of a Russian sentence] // *NTI*, 2007a, 2(1): 23–35. (In Russ.)

Kobzareva T. Yu. Postroenie i ispol'zovanie proektivnykh fragmentov imennykh i predlozhnykh grupp (Poverkhnostno-sintaksicheskii analiz russkogo predlozheniya) [Construction and use of projective fragments of nominal and prepositional groups (Surface-syntactic analysis of the Russian sentence)] // *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. Trudy Mezhdunarodnoy konferentsii Dialog'2007. Moskva, 2007b, 175–182. (In Russ.)

Mel'chuk I. A. *Avtomaticheskiy sintaksicheskii analiz* [Automatic parsing]. T. 1. Novosibirsk, 1964.

Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu. (Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimeniy)* [Statement and its correlation with reality. (Referential aspects of the semantics of pronouns)]. Moskva, 1985. (In Russ.)

Paducheva E. V. *O semantike sintaksisa. Materialy k transformatsionnoy grammatike russkogo yazyka* [On the semantics of syntax]. Moskva, 1974. (In Russ.)

Pushkin A. S. *Zapisnye knizhki* [Notebook]. Moskva, 2001. (In Russ.)

Ten'er L. *Osnovy strukturnogo sintaksisa* [Fundamentals of structural syntax]. Moskva, 1988. (In Russ.)

Testelets Ya. G. *Vvedenie v obshchiy sintaksis* [Introduction to General Syntax]. Moskva, 2001. (In Russ.)

Testelets Ya. G. Ellipsis v russkom yazyke: teoreticheskii i opisatel'nyy podkhody [Ellipsis in Russian: Theoretical and Descriptive Approach] // *Konferentsiya «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov»*. MGGU 5.12.2011a. (In Russ.)

Testelets Ya. G. Padezh kak priznak identichnosti pri ellipsise v russkom yazyke [Case as a sign of identity in ellipsis in Russian] // *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*.

logii. Trudy Mezhdunarodnoy konferentsii Dialog'2011. 20116.
(In Russ.)

Кобзарева Татьяна Юрьевна
Независимый исследователь
Тель-Авив, Израиль
Kobzareva Tatiana Yuryevna
Independent Researcher
Tel-Aviv, Israel

Имена *pluralia tantum* в венгерском языке

Pluralia tantum nominals in Hungarian

Н. Н. Колпакова, Л. Ю. Муковская
N. N. Kolpakova, L. Yu. Mukovskaya

Семантический и структурный анализ имен *pluralia tantum*, выполненный на материале лексикографических описаний венгерского языка (выборка составила 1037 имен), позволяет выделить тематические группы имен *pluralia tantum* (всего 14 групп и отдельная группа имен с метафорическим переносом), дать характеристику имен *pluralia tantum* по составу и их синтаксическим особенностям, а также предложить некоторые наблюдения над историческими изменениями в составе выборки *pluralia tantum* в венгерской лексикографии.

Ключевые слова: *pluralia tantum*, парадигма, категория числа, лексикология

Semantic and structural analysis of 1037 *pluralia tantum* nominals from Hungarian dictionaries allows us to identify a total of 14 *pluralia tantum* thematic groups and one group of metaphorical nominals. We also examine *pluralia tantum* nominals according to their structure and syntactic features and make some observations on historical change in the Hungarian *pluralia tantum* corpus.

Keywords: *pluralia tantum*, paradigm, number, lexicology
DOI: 10.37892/2313-5816-2022-2-120-131

Имена *pluralia tantum* обычно определяют как имена с неполной (дефектной) парадигмой, которые не имеют форм ед. числа. Они представлены в лексикографических описаниях в форме мн. числа (особенно, если форма ед. числа невозможна) или в форме ед. числа с соответствующей грамматической пометой (например, мн. число, мн. ч., только мн. ч., pl. и т. п.). В венгерском языкознании имена с подобной дефектной парадигмой в описательных и учеб-

ных академических грамматиках отдельно не рассматриваются. М. Х. Варга предприняла попытку восполнить этот пробел и подробно рассмотреть имена *singularia* и *pluralia tantum*, а также употребление числовых форм в венгерском языке [Varga 2012].

Для анализа имен *pluralia tantum* М. Х. Варга создала свой «корпус имен существительных», употребляемых в венгерском языке только во мн. числе или преимущественно во мн. числе. Список слов создавался по данным «Обратного словаря венгерского языка» [Rapp 1969], который был составлен на базе «Толкового словаря венгерского языка» [ÉrtSz 1959–1962]. Такая оптимизация процесса сбора материала весьма оправдана и удобна. Формы мн. числа имен существительных в венгерском языке образуются при помощи форманта *-(-/o/ö/e)k*, который занимает крайнюю правую позицию в словоформе¹. М. Х. Варга дополнила список именами, которые употребляются как в форме ед., так и в форме мн. числа, но при этом лексическое значение формы мн. числа отличается от лексического значения формы ед. числа. Полученный список имен (количество имен автором не указано) разделяется на две группы:

- (1) имена *pluralia tantum* «в узком смысле» (т. н. *valódi plurale tantum* ‘истинные *pluralia tantum*’) (возможна только форма мн. числа),
- (2) имена *pluralia tantum* «в широком смысле» (употребляются в ед. и мн. числе, лексические значения форм ед. и мн. числа различаются) [Varga 2012: 90].

Образование морфологических форм ед. числа у имен *pluralia tantum* в узком смысле проблематично: *elei* ‘чьи-либо предки/праотцы’² → **elej, léptei* ‘чьи-либо шаги’ → **lép(e)t, skacok* ‘ребята’ → **skac*. Соответственно, они не употребляются в количественных группах с количественными чис-

¹ Здесь имеются в виду формы заглавных слов словаря без падежных окончаний.

² Перевод примеров М. Х. Варга на русский язык наш.

лительными, так как в венгерском языке в таких группах возможны только формы ед. числа: **Ebben a városban három gázművek is van* ‘В этом городе есть также три газовых компании (три газовых предприятия)’. Не все «истинные» *pluralia tantum* имеют полный набор функциональных падежных форм во мн. числе. Например:

<i>ólomlábakon</i>	<i>jár</i>	<i>az</i>	<i>idő</i>
<i>ólomláb-PL-AD</i>	<i>jár[3SG]</i>	<i>az[DEF.ART]</i>	<i>idő[SG.NOM]</i>
свинцовая нога-PL-AD	ходит[3SG]		время[SG.NOM]
‘время тянется очень (мучительно) медленно’			

Форма номинатива **ólomlábak* ‘букв. свинцовые ноги’ отдельно не употребляется. К «истинным» *pluralia tantum* М. Х. Варга относит имена собственные, типа: *Alpok* ‘Альпы’, *Kárpátok* ‘Карпаты’ и имена с показателем ассоциативного мн. -*ék*, например: *Sándorék* ‘Шандор и его семья/друзья’, *szomszédék* ‘сосед и его семья’, *keresztanyámék* ‘моя крестная и её семья’ [Там же: 91].

Имена *pluralia tantum* в широком понимании термина выделяются на основании расхождений в лексическом значении форм ед. и мн. числа. М. Х. Варга отмечает, что провести границу между «истинными» *pluralia tantum* и *pluralia tantum* в широком понимании довольно сложно, например: ср. *alábbi* ‘нижеследующий, нижеперечисленный’ и

<i>az alábbiakban</i>
<i>alábbi-PL-IN</i>
нижеследующий-PL-IN
‘в дальнейшем, в нижеследующем (тексте)’

Как доказательство большей частотности употребления форм мн. числа в тексте (по сравнению с частотой употребления форм ед. числа) автор использует результаты Google-запросов, например на запрос формы ед. числа *diákév* ‘школьный/студенческий год’ Google выдает 119 результатов, а на запрос формы мн. числа *diákévek* ‘школьные/студенческие годы’ — 1250 результатов. Разница в

цифрах значительная, но нам кажется, что результаты Национального корпуса венгерского языка [MNSz2] и разбор значений в конкретных примерах дал бы более надежную картину употребления форм.

Все имена *pluralia tantum* М. Х. Варга распределяет на девять семантических групп:

- (1) имена, обозначающие праздники и события (*aprószenetek* 'День Святых Невинных Младенцев Вифлеемских', *háromkirályok* 'Богоявление, Крещение');
- (2) промежутки времени (*egyetemi évek* 'студенческие годы', *mézeshetek* 'медовый месяц, букв. медовые недели');
- (3) имена собственные (топонимы — *Alpok* 'Альпы', названия стран — *Amerikai Egyesült Állatok* 'Соединенные Штаты Америки', названия учреждений — *Fővárosi Csatornázási Művek* 'букв. Предприятия канализации столицы', заголовки — *A Pál utcai fiúk* '«Мальчишки с улицы Пал»', названия спортивных команд — *Bácskai Sasok* 'Орлы из Бачки');
- (4) названия парных объектов (*ikrek* 'близнецы');
- (5) группы людей, живых существ (*elei* 'чи-либо предки/праотцы', *huszonhetek* 'двадцать семь стран-членов ЕС'; *Jánosék* 'Янош и его семья/друзья');
- (6) имена, обозначающие совокупности и системы (*feltételek* 'условия', *normák* 'нормы');
- (7) названия органов и болезней (*légutak* 'дыхательные пути', *étészési zavarok* 'пищеварительные расстройства');
- (8) абстрактные имена, обозначающие действия (*történetek* 'происшедшие события, случившееся', *választások* 'выборы');
- (9) кулинарные термины (*szűzermék* 'жареная вырезка', *hozzávalók* 'ингредиенты').

К сожалению, автор не приводит количество лексем, вошедших в каждую из выделяемых групп.

Нами была предпринята попытка проанализировать имена *pluralia tantum* в венгерском языке на материале

двух словарей: «Венгерско-русского словаря» Л. Гальди и П. Узони [Gáldi, Uzonyi 2000] и «Венгерско-русского словаря» Л. Гальди [Gáldi 1976]. Первый словарь является самым современным и представляет собрание самой употребительной на время его издания лексики (около 60 000 слов). В нашу коллекцию *pluralia tantum* были отобраны имена, для которых в словарной статье заголовочное слово приведено в форме мн. числа, и имена, для которых одно из значений приводится в форме мн. числа; также принимались во внимание приведенные в словаре плюральные формы, употребляемые в устойчивых выражениях. Вторым словарем (40 000 слов) позволил увидеть состав отобранной группы «истинных» *pluralia tantum* на четверть века ранее (в 2000 г. — 130 слов; в 1976 г. — 50 слов). Для уточнения значений лексем (числовых форм слов) привлекались материалы Толкового словаря [ÉKsz 2003].

Сплошная выборка, осуществленная из словаря Л. Гальди и П. Узони, дала 1037 имен, из них для 130 имен в словарной статье заголовочное слово дается в форме мн. числа, для 192 имен одно из значений представлено в форме мн. числа, остальные примеры форм мн. числа даны в иллюстративной зоне словаря.

Лексико-семантическая классификация материала полученной выборки позволила выделить следующие группы имен *pluralia tantum*:

(1) Имена собственные:

- названия горных цепей: *Alpesek* ‘Альпы’;
- названия островов: *Bermuda-szigetek* ‘Бермудские острова’;
- названия водоемов: *Dardanellák* ‘Дарданеллы’;
- названия стран: *Amerikai Egyesült Állatok* ‘Соединенные Штаты Америки’;
- названия (политических) объединений: *FÁK-országok* ‘страны СНГ’;
- названия произведений: *Bajazzók* ‘«Паяцы»’;
- названия созвездий и знаков зодиака: *Halak* ‘Рыбы’.

- (2) Термины (в словарной статье, как правило, приводятся пометы *pöv* 'ботаника', *áll* 'зоология', *gazd* 'экономика, финансы', *vegy* 'химия' и др.):
- термины классификации в биологии: *babfélék* 'бобовые', *keresztesvirágúak* 'крестоцветные', *kérődzők* 'жвачные', *főemlősök* 'приматы';
 - финансово-экономические термины: *alap költségek* 'базисные издержки', *közjavak* 'общественные блага';
 - термины других наук, отраслей: *heterociklusok* 'гетероциклические соединения', *légutak* 'дыхательные пути'.
- (3) Совокупности людей: *időskorúak* 'пожилые', *zöldek* 'зелёные, партия зелёных'.
- (4) Комплекты: *koronaékszerek* 'драгоценности, носимые при коронации'.
- (5) Сложные объекты, сооружения, инструменты: *gáztűvek* 'газовый трест/компания', *villamosművek* 'предприятие по снабжению электроэнергией'.
- (6) Знания, науки: *alapismeretek* 'элементарные знания, основы', *agrártudományok* 'сельскохозяйственные науки', *tőzsdeelméletek* 'биржевые теории'.
- (7) Совокупности-вещества: *ketikáliák* 'химикалиш'.
- (8) Периоды времени: *vándorévek* 'годы скитаний', *ősidők* 'древнейшие времена'.
- (9) Сложные действия, события: *léptek* 'шаги', *diákzavargások* 'студенческие беспорядки/волнения'.

Отдельную группу составляют имена, значение которых возникает в результате метафорического переноса: *krokodil-könnyekek* 'крокодиловы слёзы', *macskakörömök* 'кавычки, букв. кошачьи когти/царапки', *szarkalábak* 'гусиные лапки, морщинки у глаз, букв. сорочьи лапки'. Все они представляют собой сложные слова или устойчивые сочетания слов (например, а *HadaK útja* 'Млечный Путь, букв. путь войск').

Стоит заметить, что если исключить имена собственные (часто заимствованные лексемы или кальки), а также заимствования и имена-кальки из других языков, то

оставшиеся *pluralia tantum* можно разделить на две группы. Одну группу будут составлять сложные существительные (сюда же отнесем составные наименования), а другую — односоставные имена. В группе сложных существительных первый компонент имени уточняет или конкретизирует значение второго, что характерно для имен *pluralia tantum* в очень многих языках (ср. *англ. crossroads* ‘перекресток’, *fireworks* ‘фейерверк, салют’). Удивительным является факт, что во второй группе окажется **только три имени**: *javak* ‘блага’, *zsigerék* ‘внутренности, потроха, требуха’, *léptek* ‘шаги’.

Анализ выборки имен, для которых в словаре форма мн. числа представляет одно из значений (заголовочное слово дается в форме ед. числа), позволяет добавить к приведенным выше следующие тематические группы:

- (1) наборы правил, условий: *illemszabályok* ‘правила приличия, правила этикета’, *vizsgakövetelmények* ‘требования к экзаменуемому’, *munkaviszonyok* ‘условия труда’;
- (2) наборы органов, анатомических признаков, характеристик человека: *zsírlerakódások* ‘жировые отложения’, *arcvonások* ‘черты лица’;
- (3) совокупности мелких объектов: *vérlemezkék* ‘кровяные пластинки’, *bélférgék* ‘кишечные паразиты’;
- (4) гетерогенные совокупности: *élelmiszerek* ‘продукты питания, продовольствие’, *irodászerek* ‘канцелярские принадлежности’;
- (5) пространства: *belvizek* ‘внутренние воды’, *havasok* ‘снежные вершины’, *trópusok* ‘тропики’.

Значительной оказывается группа имен, которая дополняет уже названную выше группу совокупностей людей (8 имен в качестве заголовочного слова, 78 имен в одном из значений). Люди объединяются в совокупности по разным признакам:

- (1) по возрасту: *hatévesek* 'шестилетние дети', *fiatalok* 'молодые, молодежь; молодые, молодожены';
- (2) по месту: *környékbéliek* 'жители окрестных мест', *hiányzó* 'отсутствующие';
- (3) по отношению к семье (близким): *hátramaradottak* 'члены семьи покойного', *otthoniak* 'домашние, домочадцы';
- (4) по профессиональному признаку: *filharmonikusok* 'оркестр филармонии', *mentők* 'скорая (медицинская) помощь', *műszakiak* 'инженерно-технические работники';
- (5) по национальному, этническому, расовому признаку: *finnugorok* 'финно-угры', *vándorcigányok* 'кочующие цыгане';
- (6) по социальному признаку: *kisemberek* 'маленькие люди', *közérvezetők* 'среднее звено (от: менеджер среднего звена)';
- (7) по интересам, (политическим) взглядам: *köztársaságiak* 'республиканцы', *vörösök* 'красные';
- (8) по выполняемым функциям: *leszállók* 'сходящие/выходящие пассажиры', *várakozók* 'ожидающие';
- (9) «местоименные» имена-совокупности (имеющие неопределенную референцию): *ilyenek* 'такие, подобные', *többek* 'несколько человек, многие', *némelyek* 'кое-кто, некоторые'.

Очевидно, что количество подобных имён в речи (особенно в подгруппах 1, 5, 7) существенно превышает их количество в словаре. Можно выделить также имена, обозначающие множества людей: *szakkörökben* 'в кругу/в кругах специалистов', *csapatok* 'войска'.

Стоит заметить, что в венгерских словарях нет таких групп *pluralia tantum*, которые часто выделяются в других языках, например в русском языке: имена, обозначающие средства передвижения (*сани, подрезни*), музыкальные инструменты (*гусли, тарелки*), названия обуви (*кроссовки, опорки*), имена, обозначающие парные предметы одежды (*носки, гетры*), предметы одежды, которые составляют одно целое (*брюки, штаны*), принадлежности одежды и укра-

шения (*бусы, кружева, погоны*), инструменты, состоящие из двух частей (*очки, щипцы*), народные и спортивные игры (*гонки, догонялки, шахматы*), отходы (*обноски, обрезки*).

Структурный анализ имен, которые употребляются обычно в форме мн. числа в одном из значений, выделяемых в указанных словарях, позволяет выделить три группы имен: односоставные имена; сложные имена; имена, встречающиеся в устойчивых сочетаниях (конструкциях): например, существительное *viszonyok* 'условия, обстоятельства', если не входит на правах второго компонента сложного слова, то обычно требует определения (*tunka-viszonyok* 'условия труда'; *földrajzi viszonyok* 'географические условия', *jó viszonyok között él* 'жить в хороших условиях'). Количество односоставных *pluralia tantum* (86 имен) в выборке из словарных статей с полисемией значительно больше (как указано выше, всего), чем «истинных» *pluralia tantum* (в терминах М. Х. Варга) (как указано выше, всего 3 имени).

Среди имен, обычно употребляемых в форме мн. числа, много субстантивированных прилагательных (например, *pépiesek* 'крестьянские писатели') и причастий: *házasulandók* 'женых и невеста, брачующиеся' (от причастия будущего времени), *csúszómászók* 'пресмыкающиеся' (от причастия настоящего времени), *tanultak* 'пройденный материал' (от причастия прошедшего времени).

В венгерском языке форма мн. числа имени *pluralia tantum* может закрепляться в устойчивых сочетаниях слов, в идиоматических оборотах, которые составляют значительную по количеству группу (680 имен): *szárnyakat ad vkinek* 'окрылять кого-л., букв. дать крылья кому-л.', *az egereket itatja* 'лить слезы, плакать, букв. мышей поить' и др.

Имена *plurlia tantum* в венгерском языке, выделенные по лексикографическим данным [Gáldi 1976; Gáldi, Uzonyi 2000; ÉKsz 2003] составляют своеобразную картину плюральных форм, отличающих венгерский язык не только от других европейских языков, но и от других финно-угорских языков, например от прибалтийско-финских [Му-

ковская 2021; Ingo 1978, 1998]. Различия проявляются как в наборе тематических групп *pluralia tantum* (например, в венгерском языке нами не выделяются такие группы, как «названия болезней», «сложные объекты, состоящие из двух частей» и др.), так и в структурных характеристиках имен *pluralia tantum* (например, преобладание сложных существительных и синтаксически связанных сочетаний, активный процесс пополнения за счет калек и заимствований, субстантивации прилагательных и причастных форм).

Материал, привлеченный для исследования, показал, что за несколько десятилетий, отделяющих друг от друга даты издания словарей Л. Гальди и Л. Гальди — П. Узони, группа заглавных слов, представленных в форме мн. числа, выросла почти в 2,5 раза (в словаре Л. Гальди — 50 единиц, в словаре Л. Гальди — П. Узони — 130 единиц). Проведенный количественный анализ позволил обозначить в лексике области расширения групп и увеличения количества лексем *pluralia tantum* в венгерском языке: особо выделяются группы, демонстрирующие тенденцию к употреблению во мн. числе (группы, обозначающие сообщества людей по возрасту, по национальному, этническому и расовому признаку, по интересам, взглядам, в частности политическим, и другие множества, а также терминология).

Список сокращений

- ед. — единственное
- л.-п. — лично-притяжательный
- мн. — множественное
- мн. ч. — множественное число
- 3 — third person
- AD — adessiv
- ART — article
- DEF — definite
- IN — inessiv

NOM — nominativ
PL, pl. — plural
SG — singular

Литература

Муковская Л. Ю. *Выражение количественности в имени в русском и эстонском языках*. Tartu, 2021.

ÉKsz 2003 — *Magyar Értelmező Kéziszótár*. szerk. Juhász, J., Szőke, I., O. Nagy, G., Kovalovszky, M. Budapest, 2003.

ÉrtSz 1959–1962 – *A magyar nyelv értelmező szótára I–VII*. Bárczi, G., Ország, L. (főszerk.) Budapest, 1959–1962.

Gáldi L. *Magyar — orosz szótár*. Budapest, 1976.

Gáldi L., Uzonyi P. *Magyar — orosz szótár*. Budapest, 2000.

H. Varga, M. A magyar szóképzlet hiányos paradigmájú főnevei. A plurale tantumok // *Nyelvőr*, 2012, 136: 88–96.

Ingo R. *Suomen kielen pluratiivit eli monikkosanat*. 1. Åbo Akademi, 1978; 2. Vaasa, 1998.

MNSz2 – *Magyar Nemzeti Szövegtár*. URL: https://clara.nytud.hu/mnsz2-dev/bonito/run.cgi/first_form (15.05.2022)

Papp F. *A magyar nyelv szóvégmutato szótára*. Budapest, 1969.

References

ÉKsz 2003 — *Magyar Értelmező Kéziszótár* [Dictionary of the Hungarian language] by Juhász, J., Szőke, I., O. Nagy, G., Kovalovszky, M. Budapest, 2003. (In Hungarian)

ÉrtSz 1959–1962 – *A magyar nyelv értelmező szótára I–VII*. [The Explanatory Dictionary of the Hungarian Language, I–VII.] by Bárczi, G., Ország, L. Budapest, 1959–1962. (In Hungarian)

Gáldi L. *Magyar — orosz szótár* [Hungarian-Russian Dictionary] Budapest, 1976. (In Hungarian and Russ.)

Gáldi L., Uzonyi P. *Magyar — orosz szótár* [Hungarian-Russian Dictionary] Budapest, 2000. (In Hungarian and Russ.)

H. Varga, M. A magyar szóképzlet hiányos paradigmájú főnevei. A plurale tantumok [Lexical items with defective para-

digms in Hungarian: pluralia tantum] // *Nyelvőr* [Magyar Nyelvor], 2012, 136: 88–96. (In Hungarian)

Ingo R. *Suomen kielen pluratiivit eli monikkosanat* [Finnish pluratives] 1. Åbo Akademi, 1978; 2. Vaasa, 1998. (In Finnish)

MNSz2 – *Magyar Nemzeti Szövegtár* [Hungarian National Corpus] URL: https://clara.nytud.hu/mnsz2-dev/bonito/run.cgi/first_form (15.05.2022) (In Hungarian)

Mukovskaya L. Ju. *Vyrazhenije kvantitativnosti v imeni v ruskom i estonskom yazykah* [Expression of Quantitativity in Nominals in Russian and Estonian Languages]. Tartu, 2021. (In Russ.)

Papp F. *A magyar nyelv szövégmutato szótára* [Reverse-Alphabetized Dictionary of the Hungarian Language] Budapest, 1969. (In Hunagarian)

Колпакова Наталия Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

Kolpakova Natalia Nikolaevna

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

nnkolp@mail.ru

Муковская Лариса Юрьевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

Mukovskaya Larisa Yurievna

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

larissa_mukovsky@yahoo.com

**«Словарь морфем русского языка»
о фонетическом варьировании русских корней
On phonetic variations in Russian word roots in the
“Dictionary of Morphemes of the Russian Language”**

А. А. Кретов, А. С. Шудрикова
A. A. Kretov, A. A. Shudrikova

Исследуется варьирование экспонентов корней, представленных в «Словаре морфем русского языка» А. И. Кузнецовой и Т. Ф. Ефремовой (М., 1986). Делаются следующие выводы: корень — понятие историческое и его состав надо определять применительно к конкретной исторической эпохе: праиндоевропейской (ПИЕ), протославянской или праславянской (в восточно- или южнославянском варианте). Аллофоны корней ПИЕ древности {e/o/ø} представляют собой гиперфонема, с морфологизированным распределением альтернантов, а лексическое значение таких корней выражается консонантами и сонантами. Чем ближе к корню, тем дальше от современности. Членение слова на морфемы должно осуществляться на максимальную историческую глубину. Производное слово является не точкой в аффиксальной системе координат, а траекторией с числом шагов равным числу аффиксов.

Ключевые слова: Ариадна Ивановна Кузнецова, «Словарь морфем русского языка», варьирование экспонент русского корня, историзм в понимании корня, количество русских корней, агглютинация и фузия в русском корне, аллофоны и полифоны

The present article investigates variation in the forms of word roots as presented in the “Dictionary of Morphemes of the Russian Language” by A. I. Kuznetsova and T. F. Efremova (Moscow, 1986). The following conclusions are drawn: the root is a historical concept, and its composition should be determined in relation to a specific historical era: Proto-Indo-European (PIE), Proto-Slavic or Common-Slavic (in the East or South Slavic version). The allophones of the roots of PIE antiquity {e/o/ø} represent a hyperpho-

neme, with a morphologized distribution of alternative forms, and the lexical meaning of such roots is expressed by consonants and sonants. The closer to the root, the further away from modernity. The division of a word into morphemes should be carried out to the maximum historical depth. A derived word is not a point in an affixal coordinate system, but a trajectory with a number of steps equal to the number of affixes.

Keywords: Ariadna Kuznetsova, Dictionary of morphemes of the Russian language, variation in Russian word roots, historicism in the understanding of the root, the number of Russian roots, agglutination and fusion in the Russian root, allophones and polyphones

DOI: 10.37892/2313-5816-2022-2-132-145

В научном наследии Ариадны Ивановны Кузнецовой важное место занимает «Словарь морфем русского языка» (СМОРЯ) [Кузнецова 1986], ставший основой ее докторской диссертации [Кузнецова 1988]. Хотя он издан 36 лет назад, его эвристический потенциал практически не востребован. Всесторонний анализ и осмысление этого словаря осуществлены далеко не в полной мере, хотя даже единичные обращения к его материалу привели к значимым теоретическим обобщениям [Кретов 1996; Меркулова 2000].

Цель данного исследования — изучение варьирования русских корневых морфем в СМОРЯ.

Начнем с количественной характеристики объекта исследования.

Как указывает А. И. Кузнецова, в словаре более 52 000 слов и более 4 407 корневых *морфов* [Кузнецова 1986: 16]. Количество корней, сведенных в морфемы, в словаре не указано, но в Приложении 1 упомянуто «более 1800 одноалломорфных корневых морфем» [Кузнецова 1986: 1105]. Это означает, что корневых морфем с чередованиями (в двух и более морфах) в словаре заведомо менее 2600: $2 = 1300$. Информация о распределении корней по количеству алломорфов представлена на Рис. 1.

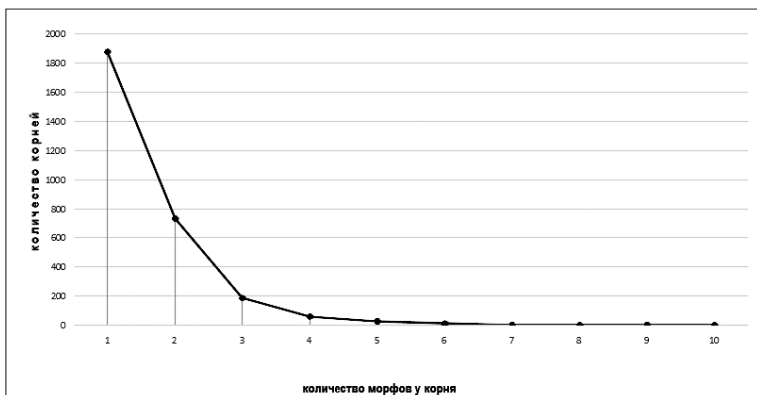


Рис. 1. Распределение корней по количеству алломорфов в СМОРЯ.

Действительно, всего в словаре корней **2901**, а корней, имеющих более одного алломорфа — **1025**. Последние и представляют собой *объект* нашего исследования. *Предмет* исследования — варьирование *формы корня* (в дальнейшем — для краткости — просто *корня*).

Одноалломорфные корни также могут дать полезную информацию (см. Рис. 2).

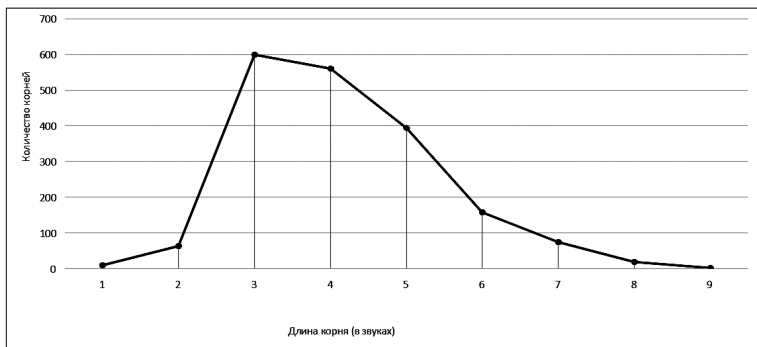


Рис. 2. Распределение одноалломорфных корней по длине (в звуках).

Как видим, мода распределения этих корней по длине — 3 звука. На корни длиной от 3 до 5 звуков включительно приходится около 83 % случаев. На корни длиной от 3 до 6 звуков включительно приходится около 91 % случаев.

Корни длиной в 1–2 звука представляют собой вырожденный случай, а корни длиной в 7 и более звуков — случаи нетипичные и «неэлементарные».

Убедимся в этом на примере наиболее длинных корней.

Большая часть их (11) — заимствованные: *басурман*-, *горностай*-, *карандаш*-, *кастрюль*-, *крестьян*-, *крокодил*-, *монастырь*-, *на-бекрен*-, *прОтивен*-, *харАктЕр*-, *штукатур*-.

Остальные (9) — *вин-о-град*-, *древ-ед-ен*-, *жИ-молост*-, *за-хол-Уст*-, *коло-шмАт*-, *кором-Ы-сл*-, *коростЕл*-, *ско-ворОд*-, *раз-гильдя*- мягко говоря, неэлементарны.

Многморфемны и другие «корни»: *за-хол-Ус^д-т*-, *кол-о-шмАт*-, *кор(о)-м-Ысл*-, *кор(о)-ст-Ел*-, *ско-ворОд*-, *раз-гиль-дя*-, оказывающиеся на поверку морфемными комплексами бинарной или тернарной структуры. Длина же собственно корней в этих морфемных комплексах не превышает 5 звуков.

Формально варьирование корня можно подразделить на *количественное*, *качественное* и *качественно-количественное*.

Функционально алломорфы можно подразделить на *простые (агглютинативные)* и *фузионные* (осложненные *фузией* — связанные с морфемами других морфем).

Агглютинативные алломорфы состоят из *аллофонов*, а фузионные — связаны с соседними алломорфами посредством *полифонов (бифонов, трифонов, квадрофонов)* — фонем, представляющих 2–3–4 фонемы одновременно.

Для массового обследования чередований в корне необходимо прежде всего выделить корни, представленные *качественными* алломорфами.

Их выделение составляет **первый этап** анализа корпуса из 1025 корней.

Чисто *качественное* варьирование корня оказалось типичным явлением (см. Рис. 3).

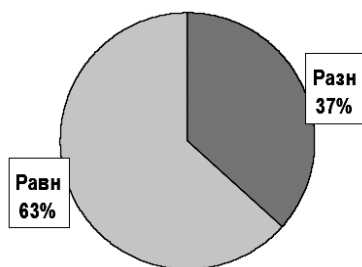


Рис. 3. Соотношение корней с морфами *равной* и *разной* длины в СМОРЯ.

Как следует из Рис. 3, почти 2/3 корней (650) имеют *равнодлинные* (в буквах) алломорфы и более 1/3 (374) — *разнодлинные*.

Разнодлинные корни указывают на имеющие место в корне чередования ненулевых фондов с нулем звука. Для последующей автоматизации анализа чередований в корне морфы *разнодлинные* корней превращаются в *равнодлинные* посредством ручной вставки символа «Ø», представляющего нулевой альтернант.

Далее выявление чередований осуществлялось с помощью таблиц MS Excel и их встроенных функций.

Формальное деление корневых морфов на *равно-* и *разнодлинные* связано (за исключением закономерного чередования ненулевых фондов с нулевыми) с содержательным различием двух типов варьирования корней: *агглютинативного* и *фузионного*. Центральным, ядерным, типом варьирования корней, как явствует из Рис. 3, является *агглютинативное* варьирование, непосредственно связанное с варьированием фонем. Что касается *фузионного* варьирования корней, то оно должно рассматриваться как периферийное явление, выполняющее три функции: «экономии усилий» (Е. Д. Поливанов, А. Мартине, Дж. К. Ципф), «цементирующей функции слога» (А. А. Кретов [Кретов 2021]) и укрепления целостности и устойчивости фонематической системы за счет дополнительных связей между фонемами.

1.1. Этапы исследования

Работа проводилась в несколько этапов.

Первый этап заключался в сканировании и распознавании корневой части источника с последующим созданием электронной базы данных в формате таблиц MS Excel (см. Таблица 1).

Морфон	№	Корень	Морф1	Морф2	Морф3	Морф4	Морф5	Морф6	Морф7	Морф8	Морф9	Морф10	Кол-во	Сл1	Сл2
10	2049	МЕРЕК (3 мер	мерЕК	мер	мереч	мЕрк	мерц	морАч	морОк	морОч	мрАк	мрАч	1	√-а-ть	
10	2050	МЕРЕК (3 мер	мереч	мер	мерЕК	мЕрк	мерц	морАч	морОк	морОч	мрАк	мрАч	3	су-√-н-ый	су-√-н-ик
10	2055	МЕРК (3 мер	мЕрк	мер	мерЕК	мереч	мерц	морАч	морОк	морОч	мрАк	мрАч	7	√-ну-ть	за-с-√-а-т
10	2058	МЕРЦ (3 мер	мерц	мер	мерЕК	мереч	мЕрк	морАч	морОк	морОч	мрАк	мрАч	5	√-а-ть	√-а-ни-е
10	2136	МОРАЧ (3 мер	морАч	мер	мерЕК	мереч	мЕрк	мерц	морОк	морОч	мрАк	мрАч	1	об-√-ива-ть1	(ть-е)
10	2144	МОРОК (3 мер	морОк	мер	мерЕК	мереч	мЕрк	мерц	морАч	морОч	мрАк	мрАч	2	√-а	об-√-е
10	2146	МОРОЧ (3 мер	морОч	мер	мерЕК	мереч	мЕрк	мерц	морАч	морОк	мрАк	мрАч	8	√-и-ть	вы-√-н-ы
10	2167	МРАК (3 мер	мрАк	мер	мерЕК	мереч	мЕрк	мерц	морАч	морОк	морОч	мрАч	2	√-е	су-√-е
10	2168	МРАЧ (3 мер	мрАч	мер	мерЕК	мереч	мЕрк	мерц	морАч	морОк	морОч	мрАч	12	√-и-ть	√-н-ый
9	4369	1 Я (ём, ём, 1	Я	Ем	ём	Им	йм	НИМ	ня	ЫМ	Я	Ø	26	вос-√-ть1, вс-√-т-к-	
9	4341	2 ЁМ (ём, ём, ЁМ	Ем	ём	Им	йм	НИМ	ня	Я	Ø			9	вос-√-е-из-√-а-ть	
9	2299	НЯ (ём, ём, 1	НЯ	Ем	ём	Им	йм	НИМ	ЫМ	Я	Ø		46	в-√-ть	в-√-т-н-ы
9	1265	ИМ (ём, ём, 1	ИМ	Ем	ём	Им	НИМ	ня	ЫМ	Я	Ø		17	в-за-√-ы-в-на-√-ы	
9	1025	ЁМ (ём, 1им, ЁМ	Ем	Им	йм	НИМ	ня	ЫМ	Я	Ø			66	√-к-ий	√-к-ост-е
9	1024	ЁМ (ём, 1им, ЁМ	ём	Им	йм	НИМ	ня	ЫМ	Я	Ø			16	вос-при-√-вос-при-	
9	2261	НИМ (ём 1 им, НИМ	Ем	ём	Им	йм	ня	ЫМ	Я	Ø			55	в-√-а-ть	в-√-а-н-ы
9	1242	1 ИМ (ём, ём, ИМ	Ем	ём	йм	НИМ	ня	ЫМ	Я	Ø			33	√-е-ть1, √-е-н-ы	
9	4416	НУЛЕВОЙ КОР	Ø	Ем	ём	Им	йм	НИМ	ня	ЫМ	Я		1	вы-√-ну-ть1	(ть-с)

Табл. 1. Данные СМОРЯ в виде электронной таблицы.

На **втором** этапе исследования в разнородные морфы был добавлен символ Ø, для восстановления абсолютной позиции (см. Рис. 5). Выделение позиций проходило с учетом слоговости и неслоговости фонов: в одной абсолютной позиции морфемы располагались фонны, выступающие в функции одной фонемы.

Морф1	Морф2	Морф3	Морф4	Морф5
зøлАт	зøлац	золАч	зøлОт	золОч
корАч	корОт	корОч	кøрАт	кøрАч
перЕК	перЕч	пøрек	пøрЕК	пøрЕч
тøлøк	толøк	толОк	толОч	толøч
брøвЕн	брøвЕш	брøвЕш	брøвøн	брøвøн

Табл. 2. Приведенные к общей длине разнородные морфы.

В результате было выделено 379 разнодлинных корневых морфем и 631 равнодлинных.

На **третьем** этапе эти чередования были подразделены на вокалические, консонантные и сонантные, что позволило установить фонемный состав исконных корней в соответствии с идеалом И. А. Бодуэна де Куртенэ [Бодуэн 1963] и С. И. Бернштейна [Бернштейн 1962].

Для каждой фонемы прописывались позиции, объясняющие ее реализацию определенными фонемами.

1.2. Чередования в корнях с максимальным варьированием

Корни с максимальным количеством морфем несут максимум информации о фонемном составе корня и его конкретных реализациях в алломорфах, поэтому анализ формы корня (и ее позиционной динамики) целесообразно начать именно с них. Практика же обобщения морфем в морфемы в таких корнях позволит реконструировать теоретические взгляды А. И. Кузнецовой на природу русского корня.

Максимальным числом морфем в СМОРЯ обладает корень **M{e/o/ø}PK-*, представленный 10 алломорфами: *мерék* (ать), (су)мереч(ный), *мёрк*(нуть), *мерц*(ать), (су)мёр(ничать), *морóк*(а), *морóч*(ить), (об)морáч(ивать), *мрáк*, *мрáч*(ить). Распределение фонем этих морфем по позициям см. в Табл. 3.

Морфема	МорфыГл	МорфыПов	П1	П2	П3	П4	П5	Ч2	Ч4	Ч5
M{e/o/ø}PK-	мерк	мерЕк	м	е	р	Е	к	е:о:ø	О:А	кч:ц:ø
M{e/o/ø}PK-	мерк	Мереч	м	е	р	е	ч	е:о:ø	О:А	кч:ц:ø
M{e/o/ø}PK-	морк	морОк	м	о	р	О	к	е:о:ø	О:А	кч:ц:ø
M{e/o/ø}PK-	морк	морОч	м	о	р	О	ч	е:о:ø	О:А	кч:ц:ø
M{e/o/ø}PK-	морк	морАч	м	о	р	А	ч	е:о:ø	О:А	кч:ц:ø
M{e/o/ø}PK-	морк	мørАк	м	ø	р	А	к	е:о:ø	О:А	кч:ц:ø
M{e/o/ø}PK-	морк	мørАч	м	ø	р	А	ч	е:о:ø	О:А	кч:ц:ø
M{e/o/ø}PK-	мørк	мЕрøk	м	Е	р	ø	к	е:о:ø	О:А	кч:ц:ø
M{e/o/ø}PK-	мørк	Мерøц	м	е	р	ø	ц	е:о:ø	О:А	кч:ц:ø
M{e/o/ø}PK-	мørк	Мерøø	м	е	р	ø	ø	е:о:ø	О:А	кч:ц:ø

Табл. 3. Морфы корня *M{e/o/ø}PK-* в базе данных.

Все варианты корня могут быть сведены к единой морфеме лишь при условии, что за точку отсчета мы принимаем протославянское (раннее праславянское) состояние, в связи с чем целесообразно разделить морфы на *глубинные* — представленные в протославянском (их всего три: *мерк-морк-мѡрк-*) и *поверхностные* — представленные в современном русском языке (все 10 приведены выше).

Из признания всех 10 морфов алломорфами одной морфемы следуют важные теоретические выводы.

- (1) В современном русском языке имеется праиндоевропейская (сокращенно — ПИЕ), протославянская, южно- и восточнославянские подсистемы фонем и морфем, обладающие своеобразием варьирования экспонент корня.
- (2) Чередование {e/o/∅} в корне — это чередование аллофонов, а не фонем (иначе это были бы разные корни и разные морфемы, коль скоро фонема — различитель морфем).
- (3) Аллофоны {e/o/∅} представляют собой гиперфонему ПИЕ древности, имеющую морфологизированное распределение альтернантов.
- (4) Носителями лексического значения ПИЕ корня являются консонанты и сонанты: {MvPK-}.
- (5) В современном русском языке глубинный морф **мерк*- реализуется поверхностными морфам *мерЕк-/мерЕч*; глубинный морф **морк*- реализуется поверхностными морфами *морОк-/морОч-/морАч* (в восточнославянской подсистеме) и морфами *мрАк-/мрАч*- (в южно-славянской подсистеме); глубинный морф **мѡрк* реализуется поверхностными морфами *мерк*- (в восточно-славянской подсистеме) / *мерц*- (в южнославянской подсистеме) / *мер*- (в протославянской подсистеме).

Начнем с самого простого — с чередования /к/:/ч/.

Это чередование происходит на суффиксальном стыке по первой палатализации: перед диезными гласными переднего ряда.

Интереснее чередование /к/:/ц/ —(с)мерК(аться) : мерЦ(ать). Это чередование происходит также на суффиксальном стыке в южнославянской подсистеме по третьей (Бодуэновской) палатализации: после слогового сонанта {Р'}, вокализация которого осуществляется посредством пост-сонантного выделения вокалического пазвука — *мръц=ать*. Показательно, что в восточнославянской системе, в которой вокализация слогового сонанта происходит посредством пре-сонантного выделения вокалического пазвука, 3-й палатализации не происходит — видимо, вследствие отсутствия условий для неё (фону /к/ должен предшествовать дизный фон).

Чередование /к/:/ø/ (сумЕРКи : сумЕРничать) принадлежит протославянской подсистеме, потому что имеет место на суффиксальном стыке перед /н/. Сочетание же /кн/, во-первых, не противоречит закону восходящей звучности в слоге в версии Г. А. Хабургаева [Хабургаев 1974: 105–107], представляя последовательность 23, и, следовательно, не могло происходить в праславянский период, когда закон восходящей звучности действовал, а во-вторых, имеет аналогию в исторической фонетике латинского языка: -сп- > -gn- > ηп > пп > п [Нидерман 1949: 131–133], и, следовательно, относится к более раннему состоянию — к протославянскому языку, возникшему в результате конвергенции западнобалтийского диалектного ингредиента с италийским [Мартынов 1983: 94–95] (судя по всему — с вене[т/д]ским) на рубеже II и I тысячелетий до н. э. Ср. аналогичное явление /к/:/ø/ на суффиксальном стыке перед /н/: ПЛЕСКать : ПЛЕСнуть (здесь также последовательность /скн/=123 упрощается в /сн/=13, хотя и не противоречит Закону восходящей звучности).

Таким образом, древность корня подтверждается как гласными, так и консонантной финалью.

Последнее, на что следует указать, это различная судьба глубинного морфа *морк- в восточнославянской и южнославянской подсистемах современного русского языка. Восточнославянская система (в соответствии, прежде всего, с

законом восходящей звучности) порождает полногласные поверхностные морфы *морОк-*, *морОч-*, *морАч-*, а южнославянская — неполногласные морфы *мрАк-*, *мрАч-*. Различие результата связано с разными типами вокализации плавного, отмеченными выше.

Осталось объяснить чередование ударных /О:/ /А/ в словах (об)морОч(ить) : (об)морАч(ивать).

Это чередование суффиксально обусловленное: суффикс =ыва требует постановки ударения перед собой и удлинения /о/ (происходящего из кратких *ō-*ǎ) в /а/ (происходящий из долгих *ō-*ǎ).

Этимологическая транскрипция глагола *обморачивать* такова: {обь-морк=и=ыва=тi_#}. И перед =ыва реализуется в неслоговом варианте {обь-морк=и=ыва=тi_#} > {обь-морк=й=ыва=тi_#}. /К=й/ на суффиксальном стыке реализуются в виде *бифона* (бифункционального фона) /Ч/, а =ы после мягкого (дизного) согласного по Закону слогового сингармонизма реализуется в виде своей дизной пары — как /и/: {обь-морч=ыва=тi_#} > {обь-морч=ива=тi_#}. Корень /морк=/ дает восточнославянское полногласие: {обь-мОрч=ива=тi_#} > {обь-морОч=ива=тi_#}, а ударный /О/ по «требованию» суффикса =ыва удлиняется в ударный же /А/: {обь-морОч=ива=тi_#} > {обь-морАч=ива=тi_#}. [*морщить* < мър=ск-; (ско)морох < -мор=х-, *мрежить* < мер=г-; *моргать* < мър=г-; мор- и, видимо (у)мер- мор-].

Перейдем к описанию корня **дър(з)-**.

Слово	Морфема	МорфГлуб	МорфПов	П1	П2	П3	П4	П5	Ч2	Ч4	Ч5
ДЕРюга	Д{о/ø}Р-	ДьР	дЕрøø	д	Е	р	ø	ø	е:ë:о:и:ø	о:ø	г:ж:ø
ДЕР	Д{о/ø}Р-	ДьР	дЕрøø	д	Е	р	ø	ø	е:ë:о:и:ø	о:ø	г:ж:ø
заДИРа	Д{о/ø}Р-	ДьР	дИрøø	д	И	р	ø	ø	е:ë:о:и:ø	о:ø	г:ж:ø
ДРать	Д{о/ø}Р-	ДьР	дøрøø	д	ø	р	ø	ø	е:ë:о:и:ø	о:ø	г:ж:ø
разДОР	Д{о/ø}Р-	ДьР	дОрøø	д	О	р	ø	ø	е:ë:о:и:ø	о:ø	г:ж:ø
ДЕРГач	Д{о/ø}Р-Г-	ДьР-Г	дєрøг	д	є	р	ø	г	е:ë:о:и:ø	о:ø	г:ж:ø
ДЕРГать	Д{о/ø}Р-Г-	ДьР-Г	дЕрøг	д	Е	р	ø	г	е:ë:о:и:ø	о:ø	г:ж:ø
вДЕРЖка	Д{о/ø}Р-Г-	ДьР-Г	дЕрøж	д	Е	р	ø	ж	е:ë:о:и:ø	о:ø	г:ж:ø
судОРОГа	Д{о/ø}Р-Г-	ДоР-Г	дорøг	д	о	р	ø	г	е:ë:о:и:ø	о:ø	г:ж:ø

Табл. 4. Морфы корня Д{о/ø}Р-Г в базе данных.

В словах *дёр* в выражении (*задать дёру*), *дёрен* ‘кустарник’ и *дёрн* ‘верхний слой земли с травой’, поверхностные морфы совпадают с глубинными, а в глаголах на =НУть (*дёрнуть* и его приставочных) поверхностный морф ДЁР- представляет собой реализацию глубинного *дĚрг- с закономерной протославянской (см. выше) утратой смычного перед суффиксом =ну: *дёрнуть-дĚргать, выдернуть-выдĚргивать*. Этот корень дает основание для различения трех хронологических слоев.

Первый слой — протославянский дает альтернативы: *o:∅* (судОРОГа : ДĚРГать) и *∅:g* (ДĚРНуть : ДЕРГать).

Второй слой — праславянский: *ь:o:∅; g : ж*.

Третий слой — русский: *e : ё, (e:∅) : и*.

Наш подход является дальнейшим развитием идей, высказанных А. И. Кузнецовой в предисловии к ее словарю и в ее докторской диссертации: «Говоря словами Зд. Оливеруса, “для морфемного анализа характерен путь от слова к морфеме, для словообразовательного анализа путь от (фундированного) слова к (фундирующему) слову. С точки зрения морфемного подхода слово состоит из *n* элементов (морфем), причем *n* приобретает разные значения (от одного до 11 — А. К.). С точки зрения словообразовательного подхода слово состоит из двух элементов: словообразовательной основы и словообразовательного форманта” (Оливерус 1967, с. 12), например слово *переосвидетельствование* с точки зрения морфемного анализа имеет в своем составе на материале письменного варианта языка 11 элементов (*пере-о-с-вид-е-тель-ств-ов-а-ни-е*), а с точки зрения словообразования — два (*переосвидетельствова/ть/ → /переосвидетельствова/ни-е*)» [Кузнецова 1988: 30].

Иными словами, **производное слово является** результатом последовательных словообразовательных шагов: **не точкой** в аффиксальной (приставочно-суффиксальной) системе координат, **а траекторией**.

Осознание этого предполагает теоретические выводы относительно лингвистической хронологии.

- (1) Производящие основы и форманты должны браться такими, какими они были **на момент возникновения** производного слова в том состоянии языковой системы, которое их породило. В этом состоит один из фундаментальных принципов познания — принцип историзма, о котором писал еще И. А. Бодуэн де Куртенэ [Бодуэн 1963, I: 68].
- (2) Чем ближе к корню, тем дальше от современности.
- (3) Корень также понятие не статическое, а историческое, динамическое, изменяющееся с течением времени. Говорить о составе корней можно только применительно к конкретному периоду.
- (4) Следовательно, членение слова на морфемы должно осуществляться на максимальную историческую глубину.
- (5) Поскольку морфемы могут со временем десемантизироваться, теоретически ошибочно видеть в них «интерфиксы». Более продуктивным представляется стремление реконструировать их исходную (на момент образования производного слова), пусть впоследствии и утраченную, семантику.
- (6) Как следствие, исходя из структуры и.-е. корня по Ф. де Соссюру и Э. Бенвенисту в корнях *мерк-*, *дерг-* можно видеть корень $m\{e/o/\emptyset\}p$ с расширителем (детерминативом) *-к-* и корень $d\{e/o/\emptyset\}p$ с расширителем *-г-*.

Литература

Бернштейн С. И. Основные понятия фонологии // *Вопросы языкознания*, 1962, 5: 62–80.

Бодуэн де Куртенэ И. А. *Избранные труды по общему языкознанию*. В 2-х томах. Москва, 1963.

Кретов А. А. КоАн о словообразовании // *Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания*. Вып. 6. Воронеж, 1996, 153–162.

Кретов А. А. *Системная русская синтагматология*. Воронеж, 2021.

Кузнецова А. И. *Параметрическое исследование периферийных явлений в области морфемики (на материале русского языка)*. Дис. докт. филол. наук. Москва, 1988.

Кузнецова А. И. *Словарь морфем русского языка*. Москва, 1986.

Мартынов В. В. *Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян*. Москва, 1983.

Меркулова И. А. *Грамматическая сочетаемость русских морфем*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000.

Нидерман М. *Историческая фонетика латинского языка*. Пер. с второго французского изд. и прим. Я. М. Боровского. Москва, 1949.

Хабургаев Г. А. *Старославянский язык: учеб. пособие для студ. пед. ин-та по специальности № 2101 «Русский язык и литература»*. Москва, 1974.

References

Bernshteyn S. I. Osnovnye ponyatiya fonologii [Basic concepts of phonology] // *Voprosy yazykoznanija*, 1962, 5: 62–80. (In Russ.)

Boduen de Kurtene I. A. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniju* [Selected works on general linguistics]. V 2-kh tomakh. Moskva, 1963. (In Russ.)

Khaburgaev G. A. *Staroslavjanskiy yazyk* [Old Church Slavonic]. Moskva, 1974. (In Russ.)

Kretov A. A. KoAn o slovoobrazovanii [KoAn about word formation] // *Filologicheskie zapiski: Vestnik literaturovedeniya i yazykoznanija*. Vyp. 6. Voronezh, 1996, 153–162. (In Russ.)

Kretov A. A. *Sistemnaya russkaya sillabologiya* [Systemic Russian syllabology]. Voronezh, 2021. (In Russ.)

Kuznetsova A. I. *Parametricheskoe issledovanie periferiynykh yavleniy v oblasti morfemiki (na materiale russkogo yazyka)* [Parametric study of peripheral phenomena in the field of morphemics (based on the Russian language)]. Dis. dokt. filol. nauk. Moskva, 1988. (In Russ.)

Kuznetsova A. I. *Slovar' morfem russkogo yazyka* [Dictionary of Russian morphemes]. Moskva, 1986. (In Russ.)

Martynov V. V. *Yazyk v prostranstve i vremeni. K probleme glottogeneza slavyan* [Language in space and time. On the problem of glottogenesis of the Slavs]. Moskva, 1983. (In Russ.)

Merkulova I. A. *Grammaticheskaya sochetaemost' russkikh morfem* [Grammatical compatibility of Russian morphemes]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2000. (In Russ.)

Niderman M. *Istoricheskaya fonetika latinskogo yazyka* [Historical phonetics of the Latin language. Perv. s vtorogo frantsuzskogo izd. i prim. Ya. M. Borovskogo]. Moskva, 1949. (In Russ.)

Кретов Алексей Александрович
Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия
Kretov Aleksey Aleksandrovich
Voronezh State University
Voronezh, Russia
kretov@rgph.vsu.ru

Шудрикова Анастасия Сергеевна,
Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия
Shudrikova Anastasia Sergeevna
Voronezh State University
Voronezh, Russia
3anastasia32@mail.ru

Рейнкарнация ижорской письменности The reincarnation of Ingrian writing

Т. Б. Агранат

T. B. Agranat

В статье анализируются первые буквари и учебники по ижорскому языку, созданные в период языкового строительства. Обнаруживается непоследовательность создания каждого следующего учебника по отношению к предыдущим. За недолгую историю существования ижорской письменности — с 1932 по 1937 гг. — сменились два алфавита и изменились орфографические принципы. В настоящий момент возобновилась попытка создания письменности для ижорского языка и учебника, отвечающего современным условиям. Эта проблема также обсуждается в статье.

Ключевые слова: ижорский язык, письменность, буквари, языковое строительство

The article analyzes the first ABC books and textbooks on the Ingrian language, produced during the short-lived period of Ingrian literacy in the 1930s. Certain inconsistencies are described in the development of each subsequent textbook in relation to the previous ones. The very brief history of the existence of the Ingrian script — from 1932 to 1937 — saw the implementation of two different alphabets, as well as changes in the spelling principles. The article also discusses the renewed attempt to develop a written language for contemporary Ingrian, together with a textbook that meets present needs.

Keywords: Ingrian language, writing, ABC books, language development

DOI: 10.37892/2313-5816-2022-2-146-157

«Современная письменность у многих народов уральской языковой семьи создавалась не сразу, имела по нескольку вариантов. Между появлением одного варианта

и другого мог быть разрыв во много десятилетий и даже столетий, при этом основы письма могли быть разными» [Кузнецова 1996: 140].

Ижорский язык получил письменность в эпоху языкового строительства, в 1932 г. вышла «Азбука и первая книга для чтения для ижорских школ» [Duubof et al. 1932], в которой был принят следующий алфавит на основе латиницы:

Aa, Ää, Ee, Ff, Hh, Ii, Jj, Kk, Ll, Mm, Nn, Oo,
Öö, Pp, Rr, Ss, Tt, Uu, Vv, Yy, Bb, Dd, Gg, Zz.

В предисловии авторы — как они сами себя называли, «бригада по составлению учебных пособий для Ижорских¹ школ» — писали: «В основу алфавита легло 20 латинских знаков, если не считать звонких согласных (b, g, d и др.), которые введены для интернациональных терминов и географических названий. Сам по себе Ижорский язык в этих звуках не нуждается, по крайней мере это можно утверждать в отношении Сойкинского диалекта, по мнению бригады наиболее сохранившегося от влияния соседних языков. Сравнительно немного введено слов новых, недостающих в Ижорском языке, из лексического материала родственных языков» [Duubof et al. 1932: 4–5].

На базе этой же письменности были созданы несколько книг, в том числе книга для чтения для 3 класса ижорских школ [Brailovskaja, Rybnikova 1933], которая содержала переводы произведений русских писателей на ижорский язык.

В ижорском языке фонематически не различаются [s] и [š], в большинстве сойкинских говоров фонетически выступает [š], в некоторых идиолектах [s] и [š] распределены позиционно, являясь аллофонами. Эта фонема обозначается в данной системе письма буквой «Ss». Как в азбуке [Duubof et al. 1932], так и в книге для чтения [Brailovskaja,

¹ Авторская заглавная буква в названиях языков и диалектов сохранена.

Rybnikova 1933] [s] и [š] не различаются в том числе и в заимствованных словах: *Kastanka* — ‘Каштанка’, *Sasa* — ‘Саша’. В ижорской фонологической системе не различаются также [z] и [ž]; слово в ижорском, как в большинстве уральских языков, не может начинаться на звонкие согласные, в русских заимствованиях в данной системе письма [z] передается через «Ss»: *savodat* — ‘заводы’. В именах собственных [ž] передается буквой Z: *Zilin* ‘Жилин’ в переводе на ижорский язык рассказа Л. Н. Толстого «Кавказский пленник»; *professori Preobrazenskij* ‘профессор Преображенский’ в [Brailovskaja, Rybnikova 1933].

Несмотря на наличие [č] и [tš] в исконных словах (ср. [čirkulain] ‘воробей’, [mañčikka] ‘земляника’, [mečsä] ‘лес’), в данном алфавите отсутствуют буквы для обозначения этих фонем, в [Duubof et al. 1932] в обоих случаях используется диграф ‘ts’, например: *metsä* ‘лес’, *Iljits* ‘Ильич’, т. е. эти фонемы не различаются. В [Brailovskaja, Rybnikova 1933] непоследовательно употребляется ‘tch’ — *Iljitch* ‘Ильич’, *Tchehov* ‘Чехов’ и ‘ts’ — *tsuguna* ‘чугун’, *stanitsa* ‘станция’. В обоих пособиях заимствования подчиняются фонологическим правилам ижорского языка: *oktjapri* ‘октябрь’, *sapastovka* ‘забастовка’, впрочем не всегда последовательно, ср. в [Brailovskaja, Rybnikova 1933] *faaprikat* ‘фабрики’ (с. 62) и *faabrikan* ‘фабрика’ генитив (с. 37). Для имен собственных делаются исключения: *Garibaldi* ‘Гарибальди’ (ср. *kimnaasia* ‘гимназия’).

Но школьная практика показала, что базовый диалект оказался выбранным неудачно, так как носители нижнелужского диалекта не понимали сойкинцев [Кузнецова 1997: 57]. Поэтому был создан другой букварь [Iljin, Junus 1936]. Тогда же В. И. Юнус написал пособие для учителей ижорского языка [Junus 1936], в предисловии к которому он пишет о местах распространения ижорских диалектов и о том, что сойкинский и нижнелужский, хоть и имеют много общих черт, но являются разными диалектами. Среди ошибок предыдущего букваря В. И. Юнус называет главной то, что учебник целиком основывался

на сойкинском диалекте, плохо понимаемом на нижней Луге. Новая письменность содержит как сойкинские, так и нижнелужские слова и формы. Для реформы письменности была образована орфографическая комиссия, которая выработала новый алфавит [Junus 1936: 4–5]:

Aa, Ää, Bb, Vv, Gg, Dd, Ee, Zz, Zz, Ii, Jj, Kk, Ll, Mm,
Nn, Oo, Öö, Pp, Rr, Ss, Tt, Uu, Yy, Ff, Hh, Cc, Çç, Şş, Ъ.

Alfavitta.

Aa Ää Bb Vv Gg Dd

Aa Ää Bb Vv Gg Dd

Ee Zz Zz Ii Jj

Ee Zz Zz Ii Jj

Kk Ll Mm Nn 'Oo Öö

Kk Ll Mm Nn Oo Öö

Pp Rr Ss Tt Uu

Pp Rr Ss Tt Uu

Yy Ff Hh Cc Çç Şş Ъ

Yy Ff Hh Cc Çç Şş Ъ

65

[Iljin, Junus 1936]

Новый алфавит довольно сильно отличался от предыдущего: в него вошли несколько букв, отсутствующих в предыдущем: Zz, Cc, Çç, Şş, Ъ.

Несмотря на то что реформа письменности потребовалась для объединения двух диалектов, дополнительные буквы понадобились не для включения нижнелужского материала, а для записи русских заимствований, в [Junus 1936] нет ни одного примера на эти буквы с исконной лексикой: Zz — *zaakkoona, zajavlenija*; Çç — *çentra, çirkkuli, çementta*; Zz — *zaalivoitta, zaarittaa*; Şş — *şturvala, şkoulu, maşina*; «Ъ» полагалось ставить вместо русского «ы»: *Şьktyvkar, ғыbakka, Къзы*. Заимствования уже не подчиняются фонологическим правилам ижорского языка, ср., например, *oktjabrenka* ‘октябренок’.

Нетрудно заметить, что порядок букв в новом алфавите соответствует кириллическому, что должно приближать ижорский язык к русскому. Но еще больше к русскому языку его должны были приближать многочисленные заимствования, часто немотивированные, например *stroika* ‘стройка’, *zavodoin gudokat* (*zavodo-i-n* завод-PL-GEN *gudoka-t* гудок-PL) ‘заводские гудки’. Если составители азбуки [Duubof et al. 1932] (одним из соавторов которой был В. И. Юнус) пишут, что ими «сравнительно немного введено слов новых, недостающих в Ижорском языке, из лексического материала родственных языков», то в букваре [Iljin, Junus 1936] применяется другая идеология², в рамках которой были написаны еще два учебных пособия по ижорской грамматике: для учителей [Junus 1936] и для начальной школы, состоящего из двух частей: для 1–2

² Тем не менее, в [Brailovskaja, Rybnikova 1933] можно найти русские синтаксические кальки: *Mitä tapahtui talonpojan kera?* (букв.: «Что случилось с крестьянином?»); внутрифразовые кодовые переключения: *1886 vuuvvel, kons Vladimiru Iljitchu mäni 16 aastaka* ‘в 1886 г., когда Владимиру Ильичу исполнилось 16 лет’ – «Vladimiru Iljitchu» стоит в форме русского дательного падежа. Неизвестно, случайно или преднамеренно одно и то же имя имеет разное написание в зависимости от того, кому оно принадлежит: *Aleksander III* и *Aleksandr Iljitch*.

классов [Junus, Maksimov 1936] и для 3–4 классов [Junus, Pjlin 1936].

В азбуке [Duubof et al. 1932], как и в [Brailovskaja, Rybnikova 1933], написано, что эти издания предназначены «inkeroisia oppikoteja vart» ‘для ижорских школ’ (inkerois-i-a ижорский-PL-PART oppikote-j-a школа-PL-PART vart для).

С таким же русским переводом, но совершенно по-другому написано в [Pjlin, Junus 1936]: «izoroin škoulaja vart» (izoro-i-n ижорец-PL-GEN škoula-j-a школа-PL-PART vart для, букв.: для школ ижорцев). Неизменным остался только послелог *vart* ‘для’; ‘школа’ дана в нижнелужском варианте — старое заимствование *škoulu3*, от сойкинского варианта *oppikoti* отказались, очевидно, для большего сходства с русским. Авторы пособий используют разные этнонимы. В заглавиях двух других изданий: учебника ижорского языка для начальной школы в двух частях [Junus, Maksimov 1936] и [Junus, Pjlin 1936] и пособия для учителей [Junus 1936] имеется слово «язык», однако собственно лингвоним для его обозначения не используется. Учебник для начальной школы называется «Inkeroinin (izoroin) keelen oppikirja» (inkerois-i-n ижорец-PL-GEN (izoro-i-n ижорец-PL-GEN) keele-n язык-GEN oppikirja учебник), букв.: «Учебник языка ижорцев», причем этноним дается в двух формах. В заглавии пособия для учителей этноним употреблен в одной форме: «Izoran keelen grammatika» (izoga-n ижора-GEN keele-n язык-GEN grammatika грамматика), букв.: «грамматика языка ижорцы».

Словарь ижорского языка [Nirvi 1971] не фиксирует ни один из этих вариантов, самоназвание ижорцев на момент написания этих книг было *karjalain4*, а свой язык они называли *karjala*. (Подробно о номинациях ижорско-

³ При словоизменении в некоторых основах происходят морфологические чередования, на которых мы здесь останавливаться не будем.

⁴ Предки современных ижорцев на рубеже I–II тыс. н. э. ушли с Карельского перешейка, отделившись от других карел, и отправились на запад вдоль южного побережья Финского залива. К XII в. достигли сегодняшних мест проживания.

го языка и этноса см. [Agranat в печати]). Очевидно, что использовать такой этноним и лингвоним невозможно, поскольку они закреплены за другими этносами и идиомами соответственно. Выходя из положения, авторы [Dubof et al. 1932] используют финский экзоэтноним, они заявляют в предисловии, как было показано выше, что при необходимости привлекают лексический материал родственных языков. В. И. Юнус с соавторами в одном случае прибегает к такому же этнониму, указывая в скобках другой вариант, в остальных случаях использует другой термин то в единственном, то во множественном числе. Эндоэтноним *ižorat* (*ižora-t* ижорец-PL) встретился в текстах, записанных в середине XX в. П. Аристе: раньше называли себя карелами, теперь, как правило, — ижорцами *ižorat* [Ariste 1960: 57]. Поскольку отсутствуют полевые записи ижорских текстов 1930-х гг., невозможно сказать, появилось ли уже к этому времени такое самоназвание или оно возникло позднее.

Экзоэтноним *ižora* отражен в словаре водского языка [Vadja 2013], причем он отмечен в говоре, вымершем после Второй мировой войны, что важно для установления времени появления его в водском языке. Видимо, В. И. Юнус с соавторами постепенно отказываются от финского экзоэтнонима в пользу водского, при этом конструируют из него название языка, хотя тот же словарь фиксирует экзолингвоним *ižori*, этот же экзолингвоним есть и в водском словаре [Tsvetkov 1995], который был написан в 1920 г. Термин находился в процессе становления: используется то единственное, то множественное число. Водское заимствование адаптируется — оформляется ижорскими грамматическими показателями: в водском, как и в других южных прибалтийско-финских языках, в отличие от ижорского и других северных прибалтийско-финских языков, маркер генитива *-l* отпал.

Как отмечалось выше, письменность, созданная в 1936 г., создавалась на базе двух диалектов: сойкинского и нижнелужского. Нижнелужский диалект находился в

непосредственном контакте с водским языком, нередко водь и ижора проживали и в одних и тех же деревнях. Водских детей, проживающих на нижней Луге, обучали вместе с ижорскими детьми на ижорском языке, как на родном, подробно об этом см. [Агранат 2007: 5; 2002: 177–180]

Анализ букваря [Pj̄in, Junus 1936] показал, что довольно большая часть вошедшей в него исконной лексики отсутствует в ижорском языке — ее нет в словаре [Nirvi 1971], и ее не используют современные носители, — но совпадает с водской. Например, попавшие на страницы букваря *gero* ‘лиса’ *sirppi* ‘серп’ в ижорском варианте выглядят *reboin*, *šerppi* соответственно. Возможно, авторы, не разобравшись, приняли водские говоры на нижней Луге за ижорские.

Но и новые учебники просуществовали недолго: «не прижилась письменность у ижоров, попытку составить которую предпринял в 1936 г. В. И. Юнус» [Кузнецова 1996: 143]. В 1937 г. преподавание ижорского языка в школе прекратилось, букварь [Pj̄in, Junus 1936] был изъят, а его авторы, Н. А. Ильин и В. И. Юнус, расстреляны.

В настоящее время поступил запрос на создание нового ижорского букваря. Использование старых букварей в современных условиях невозможно, так как они были написаны для детей, у которых ижорский язык был родным, при этом русским языком они не владели. Поскольку естественная передача ижорского языка прекратилась, сейчас не существует детей, говорящих по-ижорски. Соответственно, новое учебное пособие должно быть адресовано детям, изучающим ижорский язык, как иностранный. Кроме того, тематика текстов в обоих букварях 1930-х гг. не вписывается в современную жизнь. Если целью старых букварей было научить детей читать на родном языке и попутно помочь освоить заимствованную лексику — в основном неологизмы того времени и слова, отражающие новые реалии, то цель нового букваря — обучить детей обиходному ижорскому языку. Таким образом, тексты и лексическое наполнение учебника не-

обходимо изменить. Коллектив авторов нового букваря (в числе которых — автор настоящей статьи) предварительно решил, что перед ним стоит относительно скромная задача — просто создать учебник для новой целевой аудитории, основываясь на письменности, разработанной в 1930-е гг., т. е. не надо вновь создавать литературный язык. Но оказалось, что оба старых алфавита не отражают в полной мере фонологическую систему ижорского языка. В алфавите 1932 г. не различаются некоторые фонемы, присутствующие в языке, а в алфавите 1936 г. имеются «лишние» буквы.

Для современного букваря был разработан фонематический алфавит:

Aa Ää Bb Cc Čč Dd Ee Ff Gg Hh Ii Jj Kk
Ll Mm Nn Oo Öö Pp Rr Šš Tt Uu Üü Vv Žž

Поскольку нормирование ижорского языка так и не успело произойти, сохраняется очень большая вариативность как на фонологическом, так и на лексическом уровне и, хоть и в меньшей степени, — на грамматическом. Было принято решение взять за основу идиолект одного из соавторов, Н. Г. Белешко, для которой ижорский является родным языком. Конструирование компромиссного варианта, в котором бы присутствовали черты разных идиолектов, привело бы к созданию искусственного идиома, который ни для кого не является родным. Таким образом, пришлось заново создавать не только учебник, но и саму письменность.

Сокращения

Gen — генитив

Rart — партитив

PL — множественное число

Литература

Агранат Т. Б. Исторический опыт обучения водских детей на ижорском языке // *Актуальные вопросы финно-угроведения и преподавания финно-угорских языков*. Международная научная конференция, Москва, 2002, 177–180.

Агранат Т. Б. *Западный диалект водского языка*. Москва–Гронинген, 2007 (MSUA 6).

Кузнецова А. И. Забытые письменности: их функции и причины исчезновения (на примере финно-угорских и самодийских языков) // *Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры*. Сыктывкар, 1996, 138–143.

Кузнецова А. И. Создание и становление письменности как социолингвистическая проблема (на примере миноритарных языков уральской языковой семьи) // *Малые языки Евразии: социолингвистический аспект*. Сборник статей. Москва, 1997, 44–63.

Agranat T. B. *Grands problèmes et petites langues: autour des nominations du vote, du seto et de l'ingrien, et de leurs variétés*. В печати.

Ariste P. Isuri keelenäiteid // *Keele ja kirjanduse instituudi uurimused*. T. V. Tallinn, 1960, 7–68.

Brailovskaja S. M., Rybnikova M. A. *Lukukirja inkeroisia oppikoteja vart*. Leningrad, 1933.

Duubof V. S., Lensu J. J. ja Junus V. I. *Ensikirja ja lukukirja: inkeroisia oppikoteja vart*. Leningrad, 1932.

Iljin N. A., Junus V. I. *Bukvari. Ižoroin škouluja vart*. Moskva–Leningrad, 1936.

Junus V. I. *Ižoran keelen grammatikka. Morfologia*. Opettajaa vart. Moskva–Leningrad, 1936.

Junus V. I., Iljin N. A. *Inkeroisin (izoroin) keelen oppikirja alkuškouluja vart (Grammatika ja orfografia)*. Toine osa. Moskva–Leningrad, 1936.

Junus V. I., Maksimov P. L. *Inkeroisin (izoroin) keelen oppikirja alkuškouluja vart (Grammatika ja orfografia)*. Ensimmäin osa. Moskva–Leningrad, 1936.

Nirvi R. E. *Inkeroisimurteiden sanakirja*. Helsinki, 1971.

Tsvetkov D. *Vatjan kielen Joenperan murteen sanasto*. Helsinki, 1995.

Vadja keele sõnaraamat. Tallinn, 2013.

References

Agranat T. B. *Grands problèmes et petites langues: autour des nominations du vote, du seto et de l'ingrien, et de leurs variétés* [Big problems and small languages: around the nominations of Vote, Seto and the Ingrian, and their varieties]. (In print). (In French).

Agranat T. B. Istoricheskiy opyt obucheniya vodskikh detey na izhorskom yazyke [Historical Experience of Teaching Votic Children in Izhorian] // *Aktual'nye voprosy finno-ugrovedeniya i prepodavaniya finno-ugorskikh yazykov*. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, Moskva, 2002, 177–180. (In Russ.)

Agranat T. B. *Zapadnyy dialekt vodskogo yazyka* [Western Votic dialect]. Moskva–Groningen, 2007 (MSUA 6). (In Russ.)

Ariste P. *Isuri keelenäiteid* [The Ingrian language examples] // *Keele ja kirjanduse instituudi uurimused*. T. V. Tallinn, 1960, 7–68. (In Estonian)

Brailovskaja S. M., Rybnikova M. A. *Lukukirja inkeroisia oppikoteja vart* [The reading book for Ingrian schools]. Leningrad, 1933. (In Ingrian)

Duubof V. S., Lensu J. J. ja Junus V. I. *Ensikirja ja lukukirja: inkeroisia oppikoteja vart* [The primer and the reading book for Ingrian schools]. Leningrad, 1932. (In Ingrian)

Iljin N. A., Junus V. I. *Bukvari. Ižoroin škouluja vart* [ABC-book. For Ingrian schools]. Moskva–Leningrad, 1936. (In Ingrian)

Junus V. I. *Ižoran keelen grammatikka. Morfologia* [The grammar of the Ingrian language. Morphology]. Opettajaa vart. Moskva–Leningrad, 1936. (In Ingrian)

Junus V. I., Maksimov P. L. *Inkeroisin (izoroin) keelen oppikirja alkuškouluja vart (Grammatika ja orfografia)* [The Ingrian language textbook for primary schools (Grammar and spelling)]. Ensimmäin osa. Moskva–Leningrad, 1936. (In Ingrian)

Junus V. I., Iljin N. A. *Inkeroisin (izoroin) keelen oppikirja alkuškouluja vart (Grammatika ja orfografia)* [The Ingrian language textbook for primary schools (Grammar and spelling)]. Toine osa. Moskva–Leningrad, 1936. (In Ingrian)

Kuznetsova A. I. Sozdanie i stanovlenie pis'mennosti kak sotsiolingvisticheskaya problema (na primere minoritarnykh yazykov ural'skoy yazykovoy sem'i) [Creation and formation of writing as a sociolinguistic problem (on the example of minority languages of the Uralic language family)] // *Malye yazyki Evrazii: sotsiolingvisticheskiy aspekt*. Sbornik statey. Moskva, 1997, 44–63. (In Russ.)

Kuznetsova A. I. Zabytye pis'mennosti: ikh funktsii i prichiny ischeznoveniya (na primere finno-ugorskikh i samodiyskikh yazykov) [Forgotten Scripts: Their Functions and Reasons for Disappearance (on the Example of Finno-Ugric and Samoyedic Languages)] // *Khristianizatsiya Komi kraya i ee rol' v razvitii gosudarstvennosti i kul'tury*. Syktyvkar, 1996, 138–143. (In Russ.)

Nirvi R. E. *Inkeroisurteiden sanakirja* [The dictionary of Ingrian dialects]. Helsinki, 1971. (In Finnish)

Tsvetkov D. *Vatjan kielen Joenperan murteen sanasto* [The dictionary of the Joenpera dialect of the Votic language]. Helsinki, 1995. (In Finnish)

Vadja keele sõnaraamat [The dictionary of the Votic language]. Tallinn, 2013. (In Estonian)

Агранат Татьяна Борисовна
Институт языкознания РАН
Московский государственный
лингвистический университет
Москва, Россия
Agranat Tatiana Borisovna
Institute of Linguistics RAS
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia
tagranat@yandex.ru

Факторы, противостоящие пониманию

Factors preventing understanding

В. М. Алпатов

V. M. Alpatov

Иногда участники процесса коммуникации сознательно используют стратегию, затрудняющую или исключаящую понимание. Бывают два вида такой стратегии. Говорящий может строить свою речь способом, исключаящим ее понимание чужими: тайные языки. Однако говорящие могут использовать языки (или разновидности языков) в любой ситуации независимо от того, как ими владеют собеседники. Такая стратегия связана с потребностью идентичности. Например, в Белоруссии национально ориентированные граждане могут говорить только по-белорусски даже с одноязычными носителями русского языка. Они подчеркивают престиж белорусского языка ценой затруднений в коммуникации.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии, говорящий, понимание, тайные языки, потребность идентичности, престиж языка

Sometimes participants in the communicative process use a conscious strategy of hampering or preventing understanding. This strategy comes in two varieties. The speaker can speak in a way that keeps outsiders from understanding: secret languages. Besides this, speakers can use a language (or language variety) in any situation, regardless of whether or not the fellow interlocutor knows this language. Such a strategy is related to the need for identity. For instance, in Belorussia some nationalistically-minded people choose to speak only Belorussian even with monolingual Russian speakers. In doing this, they emphasize the prestige of Belorussian even though it increases the difficulty in communicating.

Keywords: communicative strategies, speaker, understanding, secret languages, need for identity, language prestige

DOI: 10.37892/2313-5816-2022-2-158-163

Очевидно, что процесс коммуникации требует взаимного понимания участников. Однако в ряде случаев участник общения сознательно использует стратегию, затрудняющую или исключающую понимание под влиянием факторов, которые представляются ему более важными. При этом бывают две принципиально различные ситуации: сознательная ориентация на «посвященных» и коммуникация, при которой говорящий создает затруднения в понимании его высказываний собеседником независимо от языковой компетентности последнего.

Первая ситуация хорошо известна: это употребление языков, заведомо известных только части потенциальных слушающих. В этой функции могут выступать как тайные языки, так и языки меньшинств. Побывавший на Сахалине в 1890 г. А. П. Чехов писал: «В Большом Такоэ крестьянин из ссыльных Калевский сожительствует с аинкой» [Чехов 1956: 257]. Экспедиция Института востоковедения АН СССР во главе с А. Н. Барулиным в 1978 г. в поисках носителей айнского языка нашла их внука, который рассказывал, как во времена его детства дедушка (поляк) и бабушка сговаривались по-айнски при игре в карты. Вымиравший язык на последнем этапе существования использовался как тайный.

Бывает и так, что говорящий рассчитывает на разное понимание его речи разными окружающими. Русский мат, разумеется, к сожалению, общепонятен, а преобладающие в СМИ его оценки известны. Но вот журналистка В. Цветкова [НГ – Антракт, 23.09. 2011] писала: «Мне понравилось, как... Троицкий сказал, что мат в ханжеской стране является кодом свой/чужой и потому необходим». А вот что писал о СССР ныне покойный лингвист К. Ф. Седов. «Часть российской интеллигенции, осознающая абсурдность каждодневных реалий дурдома, в котором нам всем пришлось обитать, вносила рефлексивно-критическое начало в самоощущение членов социума. Среда обитания все отчетливее представлялась жителям государства в виде вывороченного запредельного мира. Для передачи

же этого чувства запредельности бытия необходимы были запредельные же языковые способы выражения. Русский мат как нельзя лучше подходил для осуществления подобных коммуникативно-экспрессивных целей. Сквернословие в эпоху застоя становилось составной частью бытового общения языковых личностей, стоявших на особенно высоких ступенях развития речевой культуры.... Мат... уничтожал дух официальной неправды и нравственной несвободы» [Седов 2012: 166]. То есть, согласно К. Ф. Седову, матерные высказывания рассчитаны на разное понимание. Для профанов (особенно для нелюбимых «элитой» интеллигентов в первом поколении) это «грубейшие, невыносимо вульгарные выражения». Но для «стоящей на особенно высоких ступенях развития речевой культуры» интеллигенции — средство борьбы с «нравственной несвободой» и идентификатор «своих». И всё-таки мат остается матом, а речевая культура — речевой культурой.

Но затруднять понимание могут и факторы, прямо не связанные с отношением к собеседнику. В том числе, это демонстрация владения престижным языковым образованием.

Известен легендарный валлиец, пытавшийся говорить только на своем языке, что привело его к серьезным затруднениям. Но вот реальное лицо — Н. Багинская, которую именуют «главной бабушкой белорусской революции». Она в борьбе с А. Лукашенко гордилась тем, что с 1988 г. говорит только на белорусском языке [Новая газета, 13.11.2020]. Этот язык, конечно, похож на русский, но, наверняка, бывали случаи затруднений в понимании. Однако важна потребность идентичности, в данном случае утрированная. В языковой ситуации в Белоруссии могут быть разные представления о престижности двух языков. Но режиссер существовавшего в Минске подпольного театра пять лет разговаривала только на белорусском языке, однако, как сама призналась, «русскоязычное окружение меня преодолело», большинство спектаклей шли

на русском языке, иначе не всё бы доходило до зрителей [Новая газета, 15.02.2018].

И вроде бы иной, не политический случай. В Японии, где свободное знание английского языка невелико, употребление английских слов стилистически маркировано. Большинство заимствований связано со сферой престижного потребления [Алпатов 2001]. Отмечают их для обозначения всего необычного [Stanlaw 2004: 238–239], они создают эффект новизны, которая не всегда предполагает понятность [Takiura 2007: 9]. Их использование не обязательно свидетельствует об их знании читателями или слушателями. Еще в 1960-е гг. отмечали, что средние японцы не знают половины американизмов, используемых в журналах [Seward 1968: 100], хотя ими модно называть потребительские товары [Seward 1968: 67–68]. Массовое исследование речи девушек показало, что ни одно слово не было правильно описано более чем половиной информантов [Tanaka 1984: 67–72]. Девушки просто не задумывались над значением таких слов, но понимали «имидж» американизмов, их «элитарность», принадлежность к сферам престижного потребления и связанной с США культуры.

У нас такое отношение к английским заимствованиям также бывает. Но престижным может быть не только иностранный язык, но и «возвышенный» вариант своего языка, что часто бывает при распространении нормированного языка «вширь», как было в СССР в 20–30-е гг., когда широкие массы осваивали литературную норму, прежде всего в деловой сфере. К. И. Чуковский писал об обывателе тех лет: «Он гордится не только отличной женой, но и тем, что ему доступны такие слова, как *конфликтовать*, *лимитировать*» [Чуковский 1966: 140]. При этом не всегда имело место понимание, как в известном примере, приписываемом А. А. Реформатскому: «*Я в этом не Копенгаген* (вместо *не компетентен*)»; впрочем, может быть, это и пример языковой игры. Не случайно как раз тогда писал А. М. Пешковский: «В нашей деревне го-

воят непонятно только придурковатые да те, которые хотят “свою образованность показать” (то есть задетые уже литературным наречием)» [Пешковский 1925/1960: 338]. Освоение этого «наречия» часто идет с трудом.

Итак, при всей важности потребности взаимопонимания бывают ситуации, когда она отступает перед социальными факторами. В связи с ними возникают различия в интерпретации тех или иных единиц языка. Любопытно, что для того, кто подчеркивает свою принадлежность к «элите», может быть престижен мат, а для менее образованного человека малопонятное заимствование. Но там и там язык разграничивает людей.

Литература

Алпатов В. М. Американизация японского и русского общества по языковым данным // *Российские востоковеды в память о М. С. Капице*. Очерки, исследования, разработки. Москва, 2001.

Пешковский А. М. Объективная и нормативная точки зрения на язык // Звегинцев В. А. *История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях*. Ч. II. Москва, 1960.

Седов К. Ф. Банный дискурс (мужское дружеское общение на материале анализа гипержанра РАЗГОВОР В БАНЕ) // *Жанры речи*. 8. Памяти Константина Федоровича Седова. Москва–Саратов, 2012.

Чехов А. П. *Собрание сочинений*. Т.10. Москва, 1956.

Чуковский К. *Собрание сочинений*. Т.3. Москва, 1966.

Seward J. *Japanese in Action*. New York–Tokyo, 1968.

Stanlaw J. *Japanese Language: Language and Culture Contact*. Hong Kong University Press, 2004.

Stevens C. S. *Japanese Popular Music: Culture, Anthropology, and Power*. London–New York, 2008.

Takiura M. “Mezasu” koto to “noberu” koto // *Nihongogaku*, 2007, 11.

Tanaka N. Nihongo no naka no “katakana eigo” // *Gengo seikatsu*, 1984, 8.

References

Alpatov V. M. Amerikanizatsiya yaponskogo i russkogo obshchestva po yazykovym dannym [Americanization of Japanese and Russian society according to linguistic data] // *Rossiyskie vostokovedy v pamyat' o M. S. Kapitse. Ocherki, issledovaniya, razrabotki*. Moskva, 2001. (In Russ.)

Chekhov A. P. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. T.10. Moskva, 1956. (In Russ.)

Chukovskiy K. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. T.3. Moskva, 1966. (In Russ.)

Peshkovskiy A. M. Ob"ektivnaya i normativnaya tochki zreniya na yazyk [Objective and normative perspectives on language] // Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznanija XIX i XX vv. v ocherkakh i izvlecheniyakh*. Ch. II. Moskva, 1960. (In Russ.)

Sedov K. F. Bannyi diskurs (muzhskoe družeskoe obshchenie na materiale analiza giperzhanra RAZGOVOR V BANE) [Bath discourse (male friendly communication based on the analysis of the hypergenre CONVERSATION IN THE BATH)] // *Zhanry rechi. 8. Pamyati Konstantina Fedorovicha Sedova*. Moskva–Saratov, 2012. (In Russ.)

Seward J. *Japanese in Action*. New York–Tokyo, 1968.

Stanlaw J. *Japanese Language: Language and Culture Contact*. Hong Kong University Press, 2004.

Stevens C. S. *Japanese Popular Music: Culture, Anthropology, and Power*. London–New York, 2008.

Takiura M. “Mezasu” koto to “noberu” koto [“Aim” and “Novel”] // *Nihongogaku*, 2007, 11. (In Japanese)

Tanaka N. Nihongo no naka no “katakana eigo” [“Katakana English” in Japanese] // *Gengo seikatsu*, 1984, 8. (In Japanese)

Алпатов Владимир Михайлович

Института языкознания РАН

Москва, Россия

Alpatov Vladimir Michailovich

Institute of Linguistics RAS

Moscow, Russia

v-alpatov@ivran.ru

**Из истории разработки хантыйской письменности:
среднеобской диалект как основа
литературного языка (40-50-е гг. XX в.)¹
The Middle Ob dialect as the foundation
of the Khanty literary language:
A historical analysis of materials from the 1940s-1950s**

Н. Б. Кошкарева

N. B. Koshkareva

В истории становления хантыйской письменности разные диалекты в качестве основы для литературного языка последовательно сменяли друг друга. Первые варианты письменности были разработаны на основе северных (западных) диалектов — обдорского и казымского, однако в 40–50-е гг. XX в. произошел переход на среднеобской диалект, на котором было опубликовано большое количество учебной литературы и художественных произведений — переводных и оригинальных. В статье анализируются материалы Округной конференции по выбору литературного хантыйского языка, опубликованные в газете «Остяко-Вогульская ПРАВДА» от 29 июня 1940 г., в которых обсуждается необходимость перехода на среднеобской диалект, отмечается вклад П. К. Животикова в обоснование выбора новой диалектной основы для формирования литературного языка.

Ключевые слова: хантыйский язык, среднеобской диалект, письменность, литературный язык, П. К. Животиков

In the history of the development of writing in the Khanty language, different dialects successively replaced each other as the basis for the literary language. The initial variants of the written language

¹ Автор выражает признательность в. н. с. Института филологии СО РАН, канд. искусствоведения Галине Евлампьевне Солдаевой за предоставленные материалы.

were developed on the basis of the northern Obdorsk and Kazym dialects; however, in the 1940s-1950s the transition was made to the Middle Ob dialect, in which a large quantity of educational and fictional literature was translated and published. The present article analyzes the materials of the District Conference on the selection of the literary Khanty language, published in the newspaper «Ostyako-Vogulskaya PRAVDA» dated June 29, 1940, which substantiates the need to switch to the Middle Ob dialect. The contribution of P. K. Zhivotikov to the justification of the choice of a new dialect basis for the formation of a literary language is noted.

Keywords: Khanty language, Middle Ob dialect, written language, literary language, P. K. Zhivotikov

DOI: 10.37892/2313-5816-2022-2-164-184

Введение

В истории хантыйской письменности диалектная база, на которой предполагалось развивать литературную форму, менялась несколько раз. Первоначально письменность разрабатывалась на основе северных (западных) диалектов — обдорского и казымского. Это было связано с деятельностью православной духовной миссии в Обдорске и Березово. Первые переводы Евангелия в XIX–XX вв., словарь священника Вологодского и первый миссионерский букварь П. Егорова были выполнены на смешанном березовско-обдорском диалекте [Hunfalvy 1869; Кошкарева 2013; Кашкин 2019а; 2019б; 2019в]. Букварь П. Егорова и «Священная история» на хантыйском языке использовались в обдорской церковно-приходской школе, учеником которой был П. Е. Хатанзеев [Ерныхова 2019: 61], автор букваря на хантыйском языке [Hatanzejev 1930], который стал первой книгой, опубликованной в рамках ширококомасштабной программы по разработке письменностей для коренных малочисленных народов России и создания в 30-е гг. XX в. на основе латиницы Единого северного алфавита. В его основе лежал фонематический принцип, предполагающий максимально точное соответствие графем и фонем.

В 1932 г. казымский диалект был утвержден в качестве основы литературного (письменного) хантыйского языка решением I-й конференции по развитию языков и письменности народов Севера [Материалы... 1932], и в 30-е гг. XX в. на этом диалекте было издано несколько букварей и учебников, а также фольклорные и переводные произведения [Указатель... 1952; Издания... 2007].

В 1937 г. на VII Пленуме Всесоюзного центрального комитета нового алфавита было принято решение о переходе на русскую графику. В том же году В. Штейниц подготовил «Справочник по орфографии хантыйского языка» [Штейниц 1980], в котором предложил систему графической фиксации на основе кириллицы и слогового принципа с минимальным набором диакритики (для обозначения латерального *л* использовался апостроф *л'*). При этом ему удалось сохранить адекватное отражение фонологической системы казымского диалекта путем использования удвоенных гласных и сочетаний гласных, ограниченного использования йотированных букв для обозначения среднеязычных согласных, обозначения буквой *ы* редуцированного гласного и др. В целом был соблюден баланс между фонематическим и слоговым принципом, графическая система стала громоздкой, но адекватной набору фонем казымского диалекта. Был издан также краткий очерк грамматики казымского диалекта хантыйского языка [Штейниц 1937], который мог служить основой для грамматических разделов в школьных учебниках.

Однако впоследствии письменная традиция переориентировалась на среднеобской диалект, в послевоенные годы многотысячными тиражами было выпущено большое количество учебной и переводной литературы [Указатель... 1952; Издания... 2007].

Целью данной статьи является введение в научный оборот материалов, проливающих свет на причины перехода к среднеобскому диалекту как основе для создания литературного хантыйского языка, несмотря на глубокую и адекватную научную проработку графики и орфографии

казымского диалекта. Дается также характеристика новых для хантыйского языка принципов графики и орфографии, воспроизводящих слоговой принцип русского письма.

Среднеобской диалект занимает срединное положение между западными (северными) и восточными диалектами хантыйского языка и распространен в среднем течении Оби — от слияния Оби с Иртышом и на север вниз по течению реки примерно до с. Шеркалы. К среднеобскому диалекту относятся говоры населенных пунктов Шеркалы, Большие Леуши, Большой Атлым, Малый Атлым, Карымкары, Нарыкары и др., расположенные на территории Октябрьского (бывш. Микояновского) района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, центром которого в настоящее время является пгт. Октябрьское (бывш. Кондинское). Эта территория непосредственно примыкает к Ханты-Мансийску (бывшему Остяко-Вогульску) как административному центру. В настоящее время количество носителей среднеобского диалекта невелико.

Казымский диалект расположен севернее среднеобского и южнее шурышкарского и приуральского, он находится в центральной части западных (северных) диалектов. На момент создания хантыйской письменности данных о восточных диалектах было крайне мало, поэтому выбор казымского диалекта был вполне оправдан его территориальным расположением в центре западного (северного) диалектного массива, а также тем, что в с. Казым была открыта культбаза, одна из первых школ, где обучение велось на родном для учеников казымском диалекте.

Обоснование выбора среднеобского диалекта в качестве новой основы для создания литературного хантыйского языка

Переход на среднеобской диалект в качестве новой основы для литературного языка был предложен в июне 1940 г., когда в Остяко-Вогульске состоялась Окружная конференция по выбору литературного хантыйского языка.

По сути дела, она отменила постановление I-й конференции по развитию языков и письменности народов Севера: вместо казымского диалекта было предложено перейти на среднеобской диалект.

Материалы этой конференции опубликованы в газете «Остяко-Вогульская ПРАВДА» от 29 июня 1940 г. (№ 148 (1645)), которая являлась органом Остяко-Вогульского окружного и Самаровского районного комитетов ВКП(б) и Остяко-Вогульского окружного Совета депутатов трудящихся. Место издания — п. Остяко-Вогульск Омской области². Эти материалы занимают фактически половину данного выпуска и размещены на 2-й и 3-й полосах газеты, в них приводятся выдержки из выступлений участников конференции под заголовками: «За единый литературный язык», «Изучить особенности всех диалектов», «Глубоко изучить каждый диалект хантыйского языка», «За дальнейший культурный рост ханты», «За развитие национальной культуры». Эти заголовки отражают актуальные и по сей день задачи — подробное описание каждого диалекта хантыйского языка, а также представления о том, что письменная форма языка, формирование литературной традиции способствует развитию национальной культуры.

Участниками конференции были прежде всего учителя, обсуждавшие опыт преподавания хантыйского языка в школе. Надо особо подчеркнуть, что с момента публикации первого букваря прошло менее 10 лет, затем произошел переход с латиницы на кириллицу, новые буквари на кириллице вышли в свет в 1937, 1938 гг. [Зальцберг 1937; Сухотина 1938], т. е. повсеместное обучение родному языку в разных районах было организовано сравнительно недавно, буквари и учебная литература поступили в школы буквально 2–3 года назад, так что эта конференция отражает беспреце-

² https://fennougrica.kansalliskirjasto.fi/bitstream/handle/10024/91762/HMS_06_29_1940_148_1645.pdf?sequence=1&isAllowed=y. Далее в тексте данной статьи все цитаты из этого источника приводятся без повторного указания на него.

дентный опыт преподавания родного языка в школе, является оперативным откликом на выявленные проблемы.

Главная трудность состояла в том, что учебники на казымском диалекте, поступившие в школы разных районов, не подходили для обучения на местных разновидностях языка. Так, в выступлении тов. Мамарова из Ларьякского района, где распространен ваховский диалект, говорится, что изучение чужого диалекта представляет для учеников большую трудность, так как даже в названиях предметов обнаруживаются большие расхождения: 'нарта' — каз. *ухыл* / вах. *ликр*; 'что' — каз. *муй* / вах. *могули*, 'здравствуй' — каз. *вуся* / вах. *питя вола*. Он говорит о том, что учителей недостаточно, и, не зная языка местных ханты, очень трудно работать с учащимися. При этом он призывает создать единый литературный язык: «Надо выбрать на нашей конференции единый литературный язык, который бы стал достоянием широких масс трудящихся ханты нашего округа».

Тов. Калташков из Сургутского района также призывает изучить особенности всех диалектов и создать единый литературный язык: «Я владею хантыйским языком среднеобского диалекта. Работая учителем в Сургутском районе, мне пришлось перестраивать свой язык на говор сургутских ханты, это отняло у меня порядочное время. Основную вину в этом слагаю на Остяко-Вогульское педучилище потому, что нас здесь не знакомили с диалектом сургутских ханты. Единый литературный язык надо создать на базе среднеобского диалекта, но взять его не в чистом виде, так как особенности отдельных диалектов еще не изучены». Важно подчеркнуть позицию учителя, который подстраивается под диалект учеников и не пытается переучить детей, владеющих одним диалектом, под нормы другого диалекта, представленного в учебниках. Но обвинения в адрес педучилища, конечно, не обоснованы, так как на тот момент не было достаточных знаний об особенностях разных диалектов; кроме того, господствовал лозунг «Один народ — один язык», предполагавший взаимопонимание всех представителей одного и того же этноса. Это

явилось следствием «укрупнения» языков, аналогичного укрупнению населенных пунктов, что для хантыйского языка обернулось неверным исходным представлением о том, что для всех групп ханты можно использовать один диалект в качестве наддиалектной литературной формы.

Необходимость глубокого изучения всех диалектов хантыйского языка сформулирована и в выступлении тов. Зенцова из Сургутского района: «Необходимо, чтобы сейчас научные работники тщательно изучили каждый диалект хантыйского языка и взяли за основу более подходящий. Работники науки, которые будут работать над языком, должны учесть все моменты положительного в каждом диалекте хантыйского языка, и на основе глубокого изучения создать единый литературный язык». В этом выступлении звучит представление о том, что можно искусственно создать литературный язык, взяв из разных диалектов те или иные явления и механически соединив их в единое целое.

Тов. Алачев из Микояновского (ныне Октябрьского) района ратует за создание единого языка на основе среднеобского диалекта, распространенного на той территории, где он работает: «Я опровергаю мнение тех учителей, которые старались доказать, что совершенно недоступны для понимания сургутских и ларьякских ханты казымский и среднеобской диалекты. Расхождения есть, и большие, но для тех и других в основном говоры понятны. Создание нескольких письменностей будет неправильным и нецелесообразным. Необходимо создать единый хантыйский литературный язык, в основу которого положить среднеобской диалект». Эту позицию разделяет и тов. Лазарев, который считает, что нет необходимости создавать литературный хантыйский язык на нескольких диалектах, целесообразно создать его на одном для того, чтобы быстрее и дальше двинуть развитие культуры и хозяйства народов Крайнего Севера.

Переводчик Учпедгиза тов. Алачев призывает национальную интеллигенцию собирать фольклор и создавать хантыйскую литературу. При этом он предлагает взять за

основу единого литературного языка среднеобской диалект: «Просматривая слова из хантыйского языка сургутского и ларьякского диалектов, видно, что из 100 слов оказываются непонятными 25. Это указывает на связь между диалектами среднеобских, сургутских и ларьякских ханты и опровергает доводы о том, что это совершенно различные языки». Однако если четверть текста составляют незнакомые слова, то школьнику — носителю другого диалекта значительная часть содержания может остаться непонятной.

Выбор среднеобского диалекта в качестве базы для создания литературного языка тов. Алачев обосновывает следующим образом: «Среднеобской диалект, по сравнению с другими, является шире распространенным и более понятным, чем казымский». Остается неясным, как определяется степень понятности одного диалекта по отношению к другому и относительно каких диалектов определяется уровень понятности.

Переход на среднеобской диалект был инициирован, по-видимому, Павлом Кузьмичом Животиковым (1904–1970 гг.). В декабре 1933 г. по призыву Наркомпроса РСФСР в числе других студентов он был направлен на высшие педагогические курсы Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена для изучения хантыйского языка. Дипломная работа называлась «О диалектах хантыйского языка, создании литературных языков и задачах Института народов Севера в связи с этим». Летом 1934 г. он начал преподавать в Остяко-Вогульском педагогическом техникуме русский и хантыйский языки, литературу, продолжал исследования и систематизацию хантыйского языка, создал и возглавил кружок национального творчества. В августе 1936 г. П. Г. Животикова назначили преподавателем и директором северных учительских курсов при Тюменском педагогическом институте, где проходили ускоренную подготовку будущие учителя национальных хантыйских, мансийских, ненецких школ. В сентябре 1939 г. он вернулся в Остяко-Вогульск, преподавал в политпросветшколе и педагогическом училище, вошел в комиссию по созданию ли-

тературного хантыйского языка и научно-исследовательской группы при ней, создал учебники хантыйского языка для подготовительного и 1-го классов национальных школ, опубликовал «Очерк грамматики хантыйского языка» и подготовил статью «Хантыйский язык и письменность». В начале 1942 г. П. К. Животикова назначили директором Сургутской средней школы, а в июне 1942 г. призвали на фронт. После окончания войны с февраля 1946 г. до августа 1947 г. П. К. Животиков работал школьным инспектором Тюменского ОблОНО по национальным округам, в 1947–1952 гг. — инспектором отдела школ, заведующим сектором школ и заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации Тюменского обкома ВКП(б). В 1952 г. он занимает пост директора Тобольского педагогического института, а в 1964 г. назначается ректором Ишимского педагогического института³. Третья страница газеты «Остяковогульская ПРАВДА» посвящена подробному изложению доклада тов. Животикова «Диалекты и литературный хантыйский язык». В нем перечисляются буквари и учебные пособия, изданные в 30-е гг. XX в., при этом отрицательно оценивается латиница: «Выбор латинизированного алфавита, надо сказать, был вредной затеей. Он затруднял обучение чтению и письму не только по русскому языку, но и по родному». Подчеркивается смешанный характер диалектной базы публикаций этого времени: так, букварь Е. Р. Сухотиной, вышедший в 1938 г. [Сухотина 1938], «был составлен в основном на словарном материале среднеобского диалекта. От казымского диалекта в нем был сохранен только звук “Л” и слова общие со среднеобским диалектом по произношению и написанию. До выпуска букваря вышел в свет перевод Конституции СССР. При издании этого документа огромной политической важности, естественно, появилось стремление сделать перевод понятным большинству хантыйского населения. Это привело к тому, что письменность стала выходить за рамки одного казымско-

³ https://ru.wikipedia.org/wiki/Животиков,_Павел_Кузьмич#cite_ref

го диалекта. В 1939 и 1940 годах издается ряд учебных книг и художественных переводов (Хватай-Муха, Русская, Алычев, Терешкин и др.). Согласно созданной традиции литература и учебники издавались на смешанном казымско-среднеобском диалекте.

Далее в докладе дается характеристика текущей на тот момент социолингвистической ситуации и особенностей хантыйских диалектов, отмечается, что «казымские, шурышкарские и обдорские ханты понимают друг друга сравнительно легко, т. к. фонетические, морфологические и лексические расхождения в их языке незначительны. Вполне понятно, что существующая письменность удовлетворяет потребности этой группы хантыйского населения». В докладе особо отмечается, что казымские ханты в большинстве своем не владеют русским языком, тогда как подавляющее большинство среднеобских хантов хорошо владеет русским языком. По лексическому составу и морфологическим признакам эта группа близко примыкает к северной группе диалектов, а в фонетическом отношении — к южной группе диалектов. Таким образом, среднеобская группа занимает среднее положение между северными и южными диалектами. Южные ханты, как указывает П. К. Животиков, в большинстве своем удовлетворительно владеют русским языком, а многие из них даже утратили совершенно родной язык. Между языками южных и северных ханты имеются большие расхождения. Южных ханты совершенно не удовлетворяет учебная и массово-политическая литература, которая выходит на казымском диалекте. П. К. Животиков приводит пары различающихся слов: 'корыто' — каз. *хури* / конд. *карсан*, 'деревня' — каз. *корт* / конд. *пухот*, 'лодка' — каз. *хоп* / конд. *рыт*. Он подчеркивает, что подавляющая масса сургутских ханты русским языком не владеет и существующая письменность им не подходит. Диалекты сургутских и ваховских ханты резко отличаются от диалектов казымских и среднеобских ханты во всех отношениях. На этом основании П. К. Животиков обосновывает необходи-

мость реформы: «Существующий литературный язык полностью не удовлетворяет южных и среднеобских ханты, а особенно сургутских и ваховских ханты. Все чаще раздаются требования со стороны обских и южных ханты о том, чтобы в основу литературного хантыйского языка был положен язык среднеобских ханты, который занимает промежуточное положение между северной диалектологической группой и южной. Вместе с тем нельзя не считаться с тем положением, что существующий литературный язык является могущественным средством культурного подъема для северных ханты, которые в большой своей массе не владеют русской речью. Лишать их этого могущественного средства было бы несправедливо, так как язык среднеобских ханты, хотя и близок к северной группе диалектов, но все же не полностью понятен северным ханты. В решении вопроса о выборе литературного языка должна быть особая осторожность и чуткость. Мы также должны учитывать, что существующая письменность особенно не удовлетворяет сургутских и ваховских ханты».

На конференции были предложены следующие практические решения: «создать в Остяко-Вогульске при окроно исследовательский центр, который вел бы работу под руководством НИА ИНСа, составить словарь по диалектам. Составление учебников должно быть основано на выбранном диалекте. Создать при окроно бригаду переводчиков из лучших передовых людей коренной национальной интеллигенции».

Таким образом, эта конференция закрепила переход на среднеобской диалект как основу для создания литературного хантыйского языка. Мотивацией для этого перехода послужила невозможность использования учебников, разработанных на основе западного (северного) казымского диалекта, в школах, расположенных на территории распространения восточных диалектов. Среднеобской диалект был выбран как «срединный» диалект, зани-

мающий промежуточное географическое положение между западными (северными) и восточными диалектами. При этом в анализируемой газетной публикации не отражены мнения учителей, работавших в казымских, обдорских, березовских школах. Остается неясным, насколько учебники, написанные на казымском диалекте, удовлетворяли потребности учеников соответствующих районов.

Переход от фонематического к слоговому принципу хантыйской графики

Решение об утверждении казымского диалекта как основы литературного хантыйского языка принималось на государственном уровне, в рамках всеобщей научно обоснованной программы по созданию письменностей для коренных малочисленных народов России. В ее основе лежал фонематический принцип, в соответствии с которым предпринимались попытки создать идеальную графику для разных языков, где количество графем и фонем находилось бы во взаимном соответствии и не было бы букв, не обозначающих звуков, или букв, обозначающих разные звуки или их сочетания.

Переход к среднеобскому диалекту был принят на местном уровне, принципы графики и орфографии не обсуждались. С этого момента начинается автономное развитие письменности хантыйского языка, ориентированное на максимальное сближение с русской графической традицией, в ущерб отражению на письме особенностей хантыйского языка. Был выработан новый вариант письменности, в котором не было никаких дополнительных знаков для обозначения специфических хантыйских звуков, сфера применения слогового принципа русской графики расширилась и стала охватывать не только случаи обозначения среднеязычных согласных, но и позиционное смягчение согласных, тем самым утратив фонологическую значимость.

Повсеместно отмечались трудности в освоении школьниками одновременно двух систем письменности: для русского языка — слоговой кириллической, для родных языков — фонематической на латинской основе. Видимо поэтому переход на среднеобской диалект сопровождался и сменой графической системы: произошел переход от фонематического к слоговому принципу письма, набор букв был сведен к русскому алфавиту, введены йотированные буквы, перестала использоваться диакритика для обозначения типичных для хантыйского языка звуков.

Однако и этот выбор оказался неудачным, так как различия между северными (западными) и восточными диалектами препятствуют взаимопониманию их носителей, на что указывал и сам П. Г. Животиков в своем докладе. Среднеобской диалект не мог обслуживать нужды восточных диалектов в той же самой мере, что и казымский. Замена одного западного диалекта другим западным диалектом не дала желаемого результата. Поэтому еще через 10 лет, в 1952 г. на Совещании по языкам народов Севера Н. И. Терешкин предложил создавать письменность не на одном, а на нескольких диалектах хантыйского языка, он считал целесообразным для западной диалектной группы создавать письменность на казымском диалекте, так как среднеобские ханты в достаточной степени владеют русским языком и для них обучение в школе с первого класса надо начинать только на русском языке [Терешкин 1952: 42–43]. Ю. Н. Русская, выступая в дискуссии о проблемах графики и орфографии, говорила: «Наши издания на хантыйских языках мы разделили на четыре группы, поскольку четыре группы ханты не понимают друг друга – это разные языки одной семьи» [Русская 1961: 124]. В конце 1950-х годов были опубликованы учебники и учебные пособия на двух западных диалектах (казымском [Хватай-Муха, Обатин, Аксарина 1958] и шурышкарском [Хатанзеев, Ануфриев 1958]) и двух восточных (ваховском [Терешкин 1958] и сургутском [Терешкин 1959]), при этом письменность на восточных диалектах стала развиваться на основе фонемати-

ческого принципа, а для западных — на основе слогового, заимствованного из русского языка.

С этого времени преподавание и книгопечатание развивается на четырех хантыйских идиомах. В новом перечне языков народов РФ, размещенном на сайте Института языкознания РАН и основанном на современных данных, в том числе полученных методом лексикостатистики [Коряков 2017], в рамках хантыйской группы представлено четыре самостоятельных языка — севернохантыйский, два восточнохантыйских — сургутский и вах-васюганский, а также южнохантыйский — хандэйский (вымер в начале или в середине XX в.)⁴.

Заключение

Решения Окружной конференции по выбору литературного хантыйского языка 1940-го года закрепили переход на среднеобской диалект в качестве новой основы для создания литературного хантыйского языка, они соответствовали общему направлению реформирования письменностей коренных народов РФ, которое проводилось одновременно для разных языков и реализовывало представление о необходимости сближения графики и орфографии родных языков с нормами русского языка. Возможно, в середине XX в., когда уровень владения родным языком был достаточно высок, условность письма не вызывала затруднений при чтении и письме: школьники могли догадаться, о чем идет речь, по контексту, соотнести то или иное написание с привычным звучанием. Однако в настоящее время запись, далеко отстоящая от реального произношения, препятствует эффективности обучения школьников, слабо владеющих родным языком. Если в середине XX в. в целях массового обучения грамоте необходимо было минимальными усилиями обучить читать и писать и по-русски, и на родном языке, чему могли бы способствовать единые для русского и родного языка принципы графики и

⁴ <https://jazykirf.iling-ran.ru/groups/Ob-Ugric.shtml>

орфографии, то в начале XXI в. ситуация изменилась: необходимо как можно точнее отображать на письме своеобразие звучащей хантыйской речи, поэтому фонематический принцип лучше отвечает текущим задачам школьного образования.

Выбор среднеобского диалекта в качестве основы для создания единого для всех хантыйских диалектов литературного языка был столь же неудачным, как и первоначальный выбор казымского диалекта. В начале и в середине XX в. знаний о глубине различий между западными (северными) и восточными «диалектами» было недостаточно, чтобы принять решение о развитии письменности на разных хантыйских идиомах по отдельности. Неслучайно участники конференции упрекают преподавателей педучилища в том, что им не рассказывали о междиалектных расхождениях, о них к тому времени было известно очень мало. Выбор «центрального» в географическом отношении диалекта, примыкающего к столице округа, казался логически обоснованным, однако с исчезновением южного диалектного массива разрыв между западными (северными) и восточными диалектами только углубился. Среднеобской диалект, как самый южный из западных диалектов, оказался более удаленным от приуральского и шурышкарского диалектов и менее пригодным для использования в школах самых северных районов распространения хантыйского языка. В этом отношении казымский диалект лучше отвечал задачам консолидации западных (северных) диалектов. Кроме того, территория распространения среднеобского диалекта оказалась в зоне интенсивного промышленного освоения, здесь появилось большое количество крупных населенных пунктов с пришлым населением, и количество носителей среднеобского диалекта сократилось до минимума, что еще больше способствовало изоляции западных и восточных диалектов друг от друга.

В настоящее время литературный язык наиболее активно развивается на основе казымского диалекта, однако для него сосуществуют две конкурирующие традиции:

в газете сохраняется вариант письменности, основанный на слоговом принципе, дополненный сложной, иногда двухступенчатой диакритикой, применяемой непоследовательно в публикациях разных авторов, тогда как в научных публикациях фольклора используется стандартизированный фонематический принцип. В разных сериях школьных учебников используются и слоговой, и фонематический принципы, что затрудняет формирование стабильной письменной нормы.

Решения Окружной конференции по выбору литературного хантыйского языка и до сих пор реализованы лишь частично: в 1942 г. вышел очерк грамматики среднеобского диалекта [Животиков 1942], велась активная переводческая деятельность. Но задачи, поставленные еще в 1940 г., по-прежнему остаются актуальными: несмотря на то что впоследствии были опубликованы грамматические очерки разных диалектов, отдельные, далеко не полные, словари, остается насущной задача составления большого академического словаря хантыйского языка, включающего данные по всем хантыйским идиомам, а также сравнительно-сопоставительной грамматики хантыйских диалектов («языков»). Важной является также стабилизация письменных норм для всех хантыйских идиомов, на которых в настоящее время развивается письменность, это будет способствовать эффективности обучения родному языку в школе.

Литература

Ерныхова О. Д. Деятельность Петра Ефимовича Хатанзеева в деле развития хантыйского языка и фольклористики // *История, языки и культура северных народов: Материалы всероссийской научно-практической конференции XVII Югорские чтения, посвященной 90-летию со дня рождения доктора филологических наук Евдокии Ивановны Ромбандеовой*. Ханты-Мансийск, 2019, 60–66.

Зальцберг Д. В. *Ханты букварь*. Москва–Ленинград, 1937.

Животиков П. К. *Очерк грамматики хантыйского языка: среднеобской диалект*. Ханты-Мансийск, 1942.

Издания на языках народов ханты и манси (1879–2006): библиогр. указ. Екатеринбург, 2007.

Кашкин Е. В. Памятник хантыйской письменности «Священная история»: некоторые морфологические особенности // *Предложение как единица языка и речи*: Материалы Всероссийского научного симпозиума с международным участием, посвященного 95-летию со дня рождения М. И. Черемисиной. Новосибирск, 2019а, 103–105.

Кашкин Е. В. Памятник хантыйской письменности «Священная история» (Тобольск, 1900): именная морфология // *Урало-алтайские исследования*, 2019б, 2 (33): 22–37.

Кашкин Е. В. Памятник хантыйской письменности «Священная история» (Тобольск, 1900): некоторые особенности морфологии глагола // *Урало-алтайские исследования*, 2019в., 4 (35): 91–106.

Кашкин Е. В. Хантыйский словарь священника Вологодского: особенности графической системы // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*, 2020, 4 (30): 30–40.

Коряков Ю. Б. Проблема «язык или диалект» и попытка лексикостатистического подхода // *Вопросы языкознания*, 2017, 6: 79–101.

Кошкарева Н. Б. Актуальные вопросы совершенствования хантыйской графики и орфографии // *Вестник угроветения*, 2013, 3 (14): 47–78.

Материалы I Всероссийской конференции по развитию языков и письменности народов Севера. Москва–Ленинград, 1932.

Совещание по языкам народов Севера. Тезисы докладов. Москва–Ленинград, 1952.

Сухотина Е. Р. *Букварь для хантыйской школы*: Послебукварная часть переведена на хантыйский язык П. Я. Хамзаровым и С. Н. Себуровым. Ленинград, 1938.

Терешкин Н. И. Очередные вопросы развития литературного языка ханты // *Совещание по языкам народов Севера*. Тезисы докладов. Москва–Ленинград, 1952, 41–43.

Терешкин Н. И. *Букварь для подготовительного класса (на языке ваховских ханты)*. Ленинград, 1958.

Терешкин Н. И. *Букварь для подготовительного класса (на языке сургутских ханты)*. Ленинград, 1959.

Указатель учебно-методической литературы для школ народов Крайнего Севера за 1945–1950 гг. Сост. Е. П. Кузьмина. Москва–Ленинград, 1951.

Хатанзеев П. Е., Ануфриев В. Е. *Букварь для подготовительного класса (на языке шурьшкарских ханты)*. Ленинград, 1958.

Хватай-Муха К. Ф., Обатин А. М., Аксарина Н. М. *Букварь для подготовительного класса (на языке казымских ханты)*. Ленинград, 1958.

Штейниц В. К. Хантыйский (остяцкий) язык // *Языки и письменность народов Севера*. Ч. 1. Москва–Ленинград, 1937, 193–227.

Штейниц В. Справочник по орфографии хантыского языка // W. Steinitz. *Ostjakologische Arbeiten*. Band IV. Budapest, 1980, 63–71.

Hatanzejev P. J. *Hanti kniga. Oluŋ untltija pata* (П. Е. Хатанзеев. Хантыйская книга для первоначальной учебы. Букварь). Москва, 1930.

Hunfalvy P. *Osztják Evangelium's az éjszaki Osztják Nyelv // Nyelvtudományi Közleményék*. Budapest, 1869. Вып. 7, 403–419.

References

Ernykhova O. D. Deyatel'nost' Petra Efimovicha Khatanzeeva v dele razvitiya khantyyskogo yazyka i fol'kloristiki [Activity of Pyotr Yefimovich Khatanzeyev in the development of the Khanty language and folklore studies] // *Istoriya, yazyki i kul'tura severnykh narodov: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii XVII Yugorskie chteniya, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya doktora filologicheskikh*

nauk Evdokii Ivanovny Rombandeevoy. Khanty-Mansiysk, 2019, 60–66. (In Russ.)

Hatanzejev P. J. *Hanti kniga. Oluŋ untltija pata* [Khanty book for primary study. Primer]. Москва, 1930.

Hunfalvy P. Osztják Evangelium's az éjszaki Osztják Nyelv [The Khanty Gospel in the Northern Khanty language] // *Nyelvtudományi Közleményék*. Budapest, 1869. Vyp. 7, 403–419. (In Hungarian)

Izdaniya na yazykakh narodov khanty i mansi (1879–2006): bibliogr. ukaz [Publications in the languages of the Khanty and Mansi peoples (1879–2006): bibliographic index]. Ekaterinburg, 2007. (In Russ.)

Kashkin E. V. Khantyyskiy slovar' svyashchennika Volodgodskogo: osobennosti graficheskoy sistemy [Khanty manuscript "Sacred history" (Tobolsk, 1900): some peculiarities of verbal morphology] // *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, 2020, 4 (30): 30–40. (In Russ.)

Kashkin E. V. Pamyatnik khantyyskoy pis'mennosti «Svyashchennaya istoriya»: nekotorye morfologicheskie osobennosti ["Sacred history", A Khanty written monument: on its morphological traits] // *Predlozhenie kak edinitsa yazyka i rechi*: Materialy Vserossiyskogo nauchnogo simpoziuma s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennogo 95-letiyu so dnya rozhdeniya M. I. Cheremisinoj. Novosibirsk, 2019a, 103–105. (In Russ.)

Kashkin E. V. Pamyatnik khantyyskoy pis'mennosti «Svyashchennaya istoriya» (Tobol'sk, 1900): imennaya morfologiya [Khanty manuscript "Sacred history" (Tobolsk, 1900): Some peculiarities of verbal morphology] // *Uralo-altayskie issledovaniya*, 2019b, 2 (33): 22–37. (In Russ.)

Kashkin E. V. Pamyatnik khantyyskoy pis'mennosti «Svyashchennaya istoriya» (Tobol'sk, 1900): nekotorye osobennosti morfologii glagola // *Uralo-altayskie issledovaniya*, 2019b, 4 (35): 91–106. (In Russ.)

Khatanzeev P. E., Anufriev V. E. *Bukvar' dlya podgotovitel'nogo klassa (na yazyke shuryshkarskikh khanty)* [Primer for the preparatory class (in the language of the Shuryshkar Khanty)]. Leningrad, 1958. (In Khanty)

Khvatay-Mukha K. F., Obatin A. M., Aksarina N. M. *Bukvar' dlya podgotovitel'nogo klassa (na yazyke kazymyskikh khanty)* [Primer for the preparatory class (in the language of the Kazym Khanty)]. Leningrad, 1958. (In Khanty)

Koryakov Yu. B. Problema «yazyk ili dialekt» i popytka leksikostaticheskogo podkhoda [Language vs. dialect: a lexicostatic approach] // *Voprosy yazykoznaniya*, 2017, 6: 79–101. (In Russ.)

Koshkareva N. B. Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya khantyyskoy grafiki i orfografii [Issues in the improvement of the Khanty script and orthography] // *Vestnik ugrovedeniya*, 2013, 3 (14): 47–78. (In Russ.)

Materialy I Vserossiyskoy konferentsii po razvitiyu yazykov i pis'mennosti narodov Severa [Materials of the First All-Russian Conference on the Development of Languages and Writing of the Peoples of the North]. Moskva–Leningrad, 1932. (In Russ.)

Shteynits V. K. Khantyyskiy (ostyatskiy) yazyk [Khanty (Ostyak) language] // *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa*. Ch. 1. Moskva–Leningrad, 1937, 193–227. (In Russ.)

Shteynits V. Spravochnik po orfografii khantyyskogo yazyka [A guide to the spelling of the Khanty language] // W. Steinitz. *Ostjakologisshe Arbeiten*. Band IV. Budapest, 1980, 63–71. (In Russ.)

Soveshchanie po yazykam narodov Severa [Meeting on the languages of the peoples of the North]. Tezisy dokladov. Moskva–Leningrad, 1952. (In Russ.)

Sukhotina E. R. *Bukvar' dlya khantyyskoy shkoly* [A primer for the Khanty school]. Poslebukvarnaya chast' perevedena na khantyyskiy yazyk P. Ya. Khamzarovym i S. N. Seburomym. Leningrad, 1938. (In Russ.)

Tereshkin N. I. *Bukvar' dlya podgotovitel'nogo klassa (na yazyke vakhovskikh khanty)* [Primer for the preparatory class (in the language of the Vakh Khanty)]. Leningrad, 1958. (In Russ.)

Tereshkin N. I. *Bukvar' dlya podgotovitel'nogo klassa (na yazyke surgutskikh khanty)* [Primer for the preparatory class

(in the language of the Surgut Khanty)]. Leningrad, 1959. (In Russ.)

Tereshkin N. I. *Ocherednye voprosy razvitiya literaturnogo yazyka khanty* [The next issues of the development of the Khanty literary language] // *Soveshchanie po yazykam narodov Severa*. Tezisy dokladov. Moskva–Leningrad, 1952, 41–43. (In Russ.)

Ukazatel' uchebno-metodicheskoy literatury dlya shkol narodov Kraynego Severa za 1945–1950 gg. [Index of educational and methodical literature for schools of the peoples of the Far North for 1945–1950]. Sost. E. P. Kuz'mina. Moskva–Leningrad, 1951. (In Russ.)

Zal'tsberg D. V. *Khanti bukvar'* [The Khanty Primer]. Moskva–Leningrad, 1937. (In Khanty)

Zhivotikov P. K. *Ocherk grammatiki khantyyskogo yazyka: sredneobskoy dialect* [Essay on the grammar of the Khanty language: the Middle-Ob dialect]. Khanty-Mansiysk, 1942. (In Russ.)

Кошкарева Наталья Борисовна
Институт филологии СО РАН
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
Koshkareva Natalya Borisovna
Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
koshkar_nb@mail.ru

Электронные базы метаданных и построение диалектологического атласа

Electronic Databases of Metadata in the Development of the Dialectological Atlas

А. В. Шеймович

A. V. Sheimovich

В статье обсуждается необходимость создания электронной базы метаданных, собранных при лингвистическом анкетировании информантов. Анкетирование проводилось на протяжении примерно 10 лет в процессе сбора диалектного материала для электронных корпусов и атласа тюркских языков Южной Сибири.

Ключевые слова: полевая лингвистика, диалектология, метаданные, базы данных

The article discusses the need to create an electronic database of metadata collected during the linguistic survey of informants. The survey was conducted for about 10 years in the process of collecting dialect material for electronic corpora and the atlas of the Turkic languages of Southern Siberia.

Keywords: field linguistics, dialectology, metadata, databases
DOI: 10.37892/2313-5816-2022-2-185-197

Метаданными¹ в полевой лингвистике обычно называют вспомогательные экстралингвистические данные, при-

¹ Метаданные (от др.-греч. *μετά* «за, после, рядом, в середине» и данные) — информация о другой информации или данные, относящиеся к дополнительной информации о содержимом или объекте. Метаданные раскрывают сведения о признаках и свойствах, характеризующих какие-либо сущности, позволяющие автоматически искать и управлять ими в больших информационных потоках.

лагающиеся к лингвистической информации, собранной в полевых условиях, и помогающие более адекватной ее интерпретации.

Существует множество публикаций, посвященных различным проблемам полевой лингвистики, включая методику сбора социолингвистической информации и других метаданных, предшествующих сбору собственно языкового материала [Архипов 2008: 6–9].

В зависимости от целей, с которыми собирается языковой материал, различные параметры метаданных могут приобретать большую или меньшую актуальность.

Ниже идет речь о систематизации и хранении метаданных, собранных экспедиционным коллективом проекта «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России» (рук. А. В. Дыбо) в процессе картирования тюркских языков и диалектов Южной Сибири. Сибирь является одним из многих языковых ареалов, входящих в сферу действия этого проекта, длящегося уже более 10 лет. В процессе экспедиционной работы происходит сбор (и постоянный добор недостающего) языкового материала, что должно позволять строить и редактировать электронные лингвистические карты, отражающие значения языковых признаков, наиболее ярко характеризующих диалектные различия в области фонетики, фонологии, морфонологии, морфологии и лексики тюркских языков; подробнее об этом см. [Дыбо и др. 2020].

Экспедиции по этому проекту несколько отличаются от экспедиций типологов классического образца (за который можно принять экспедиции ОТиПл МГУ, в частности дагестанские экспедиции А. Е. Кибрика 1967–1998 гг. [Кибрик 1992; Кибрик 2007]): вместо достаточно подробного и всестороннего обследования идиомов одного или нескольких сёл примерно со второго полевого сезона работы над Атласом мы перешли к т. н. методике «коврового опроса» территорий, запланированных для нанесения на карты. В качестве базы экспедиции выбиралось село, из которого были транспортно достижимы основные на-

селенные пункты района, где жили носители интересующего нас идиома. Жителей этих пунктов опрашивали по стандартным наборам анкет на определенные диагностические признаки (см. [Дыбо и др. 2020]), по которым планировалось построить классификацию говоров этого ареала. Затем база экспедиции перемещалась в соседний район, откуда объезжался следующий «куст» деревень.

При таком способе работы по сравнению с классическим вариантом сильно возрастает количество опрошенных информантов и мест их проживания, и, соответственно, метаданных. Меняется структура и самих метаданных, значительно возрастает количество выделяемых параметров. Так, становится важным фиксировать ряд дополнительных метаданных, как, например, географические координаты населенных пунктов².

Ср. ниже таблицы 1 и 2.

Таблица 1 — пример таблицы метаданных, собранных во время экспедиции 2015 г. в Ширинском р-не Хакасии. Работа велась в сёлах Трошкин (преимущественно), Белый Балахчин, Черное Озеро, Шира. В этот период собранный материал еще не использовался непосредственно для нужд диалектологического Атласа; пополнялись базы электронных корпусов миноритарных языков и т. н. «анкетного проекта» — «Разработка анкет для сбора материалов к интегральному описанию миноритарных тюркских языков и диалектов России» (рук. А. В. Дыбо).

Таблица 1 очень компактна: значительная часть данных явно осталась в блокнотах у сборщиков вместе с т. н. «первичными метаданными». Первичными метаданными я называю информацию, полученную зачастую еще до встречи с информантом, например у главы поселковой администрации, у библиотекаря или директора школы

² Помимо того что координаты необходимы для последующей работы над картой, они помогают различать одноименные населенные пункты в разных районах и дают представление о местонахождении сёл, к настоящему времени уже исчезнувших, где информант мог родиться.

(ФИО, адрес, примерный возраст; в последние годы это иногда мог быть даже номер мобильного телефона), у родственника или у встреченного в магазине односельчанина («зайдите к бабе Наде, второй дом от угла, зеленый забор, хорошо язык помнит»; «спросите на соседней улице учительницу истории Нину Васильевну, она всё вам расскажет»). С метаданными работали постфактум, т. к. их записывали в отдельный аудиофайл на языке информанта, который требовал отдельной расшифровки, чаще всего с помощью носителя языка; в таблице 1 предусмотрено больше позиций для данных о собранном материале и о сборщиках и меньше — об информантах.

Таблица 1

Экспедиция в Ширинский р-н Хакасии, август 2015 г.

№	Язык, диалект, селение	Назв. файлов	Содержание (предмет опроса)	Информант (ФИО, год. рожд., место рожд.)	Экспедиция (организация, число, месяц, год)	Опросчик	Расшифровка (назв. файла, кто расшифровывал)
1.	Хакасский, качинский, Трошкино	ZojaEfi_movna_razgovor.flac	Разговор	Аёшина (Кокова) Зоя (Соня) Ефимовна, 1927, родилась в с. Фыркал	Ияз 2–14 августа 2015 г.	Э. В. Султрекова	Зоя Ефимовна разговор. docx, Э. В. Султрекова

Разница по времени между созданием таблиц 1 и 2 — четыре года.

Адаптируясь к нуждам проекта диалектологического атласа, структура метаданных в табл. 2 значительно усложнилась. Таблица содержит значительно большее количество куда более подробно структурированной информации³, перекочевавшей в нее из блокнотов, текс-

³ Вышесказанное не значит, что в 2015 и 2019 гг. лингвисты собирали с информантов разные наборы метаданных. Но акценты при опросах смещались с одних факторов на дру-

товых файлов, электронных писем. В экспедициях последних лет более последовательно стало соблюдаться правило: в конце рабочего дня каждый участник опросов должен внести в общую таблицу биографические и иные данные о своих информантах и детали опроса. Это положительно повлияло на объем и полноту собранных метаданных и плачевно сказалось на удобстве работы с таблицей в прежнем формате.

Очевидно, что большие, тяжелые массивы метаданных, представленные в виде таблиц в текстовых документах, становятся крайне неудобны для обработки, для поиска внутри них.

Внутри метаданных можно выделить следующие группы:

1. Данные, относящиеся к информанту, биографические и социолингвистические: имя, год и место рождения, места проживания, образование, род деятельности (позиции 2, 4–10, 12);
2. Данные, относящиеся к географическому ареалу, который занимает исследуемый диалект, «геоданные»: места рождения и места проживания информантов, места опроса, их географические координаты (позиции 5–10) [группы 1 и 2 частично пересекаются, но если в первой группе важна ситуация отдельного носителя языка, то во второй – ситуация всей группы носителей]; к этому же типу данных относится информация о диалектной принадлежности информанта (позиция 3).
3. Данные, относящиеся к собранной языковой информации: какие анкеты были опрошены, их названия; сколько и каких файлов записано (аудио-, видео-, фото).

гие. Например, при анализе материала для составления карты диалектного ареала данные о месте опроса имеют меньший вес по сравнению с данными о том, где сформировались языковые навыки информанта (место рождения, место обучения в начальной и средней школе, место проживания до 15–18 лет).

Таблица 2

Экспедиция в Орджникадзеvский р-н Хакасии, июль-август 2019 г.

№	Имя информанта	Язык/диалект/говор	Год рождения/рожд.	Место рождения и координаты	Место опроса и координаты	Дата опроса	Краткие биографические сведения, образование, передвижения (цель — выявить, где целювек выучился говорить, с кем и на каком языке разговаривал)	Что спрашивали	Какие файлы записаны, их кол-во и как были обработаны	Имя сборщика (на что писали, в каких усл.)	Примечания				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1.	С.Н.И. ⁴	кызыльский	1958	Черное Озеро	54. 89. 688269	Подка-54. 89. 820664	429505	мень	820664	449376	1.08.19	В Подкамне с 1969, нач. школа в Ошколе, 7-й кл. в Новомарьясово (интернат), 8-й класс в Устинкино, служба в армии в Москве	анкета на изоглоссы, кр. однослогги; к-г-х; полные однослогги (до половины строшено под-ряд, потом с упором на и/е)	кр. однослогги – Ияз РАН	К.Е.В. Zoom Pго

⁴ В оригинальной таблице содеоржятся полные ФИО информантов, которые дали на это согласие; здесь приведены инициалы в целях экономии места и анонимности.

- 3.1 Данные, относящиеся к условиям работы: дата⁵ и место опроса (и в целом район проведения экспедиции); на что велась запись (тип диктофона; смартфон) и в каких условиях (если они значительно влияют на качество записи) (позиции 8–11, 16);
- 3.2 Данные, относящиеся к последующей обработке собранной информации (расшифрована, обработана соответствующей программой, внесена в базу данных, выложена в интернет и т. п.) (позиция 14); местонахождение архива файлов-первоисточников (в таблице 2 не реализовано);
4. Данные, относящиеся к людям, собиравшим информацию: ФИО, место работы (позиция 14).

Для оптимального представления лингвистического признака на карте необходимо увязать между собой по крайней мере три первых типа метаданных.

Диалектная принадлежность информанта (позиция 3 «Язык/диалект/говор») заполняется в последнюю очередь и является результатом анализа полученных лингвистических материалов в сопоставлении с персональными данными информантов и географической информацией. Для этой работы важно зафиксировать «в связке» ряд параметров, относящихся как к географическому положению населенного пункта, где живут носители идиома, так и к «языковой биографии» опрашиваемых носителей. Для более точного определения диалектной принадлежности информанта требуется возможно более подробное структурирование биографических и географических сведений, т. е. (в перспективе) разбиение содержимого столбца 12 на несколько позиций (смена мест жительства по годам, образование по годам и по населенным пунктам, смена мест

⁵ На результаты работы влияет не только точная дата опроса (позиция 11), но и в целом временной промежуток полевых работ (в табл. 2 он вынесен в заголовок), т. к. важно знать, не пришелся ли он на сезон сенокоса, например, или сбора кедрового ореха в тайге.

работы по годам и по населенным пунктам). Часто оказывается, что, хотя человек довольно долго живет в населенном пункте, где проводится опрос, говорит он все же на диалекте того места, где родился, — если прожил там достаточно долго, общался на родном языке с представителями старших поколений, ходил в начальную школу и пр. Так часто бывает с женщинами, вышедшими замуж в другой район и сохраняющими при этом диалектные черты своего родного села. В случае, когда за годы, проведенные на новом месте, родной диалект не был вытеснен местным, обычно приходится относить диалект такого информанта не к месту сбора данных, а к месту, где проходило его детство и становление языковых навыков (часто совпадающее с местом рождения). Поэтому зафиксировать это место часто бывает важнее, чем географическую локацию опроса/место проживания в настоящий момент. Хотя случаи сильного влияния диалекта места проживания на родной диалект у информантов тоже встречаются.

Метаданные, касающиеся собранных и обработанных материалов, становятся важны, когда из большого массива звуковых и текстовых файлов необходимо быстро извлечь несколько таких, по которым планируется строить карту на конкретную изоглоссу. Здесь бы сильно помогла сортировка по одному или нескольким параметрам метаданных: название анкеты (в перспективе — разбить столбец 13 на позиции по числу опрашиваемых в текущем сезоне анкет, дав им короткие условные обозначения), название/координаты населенного пункта, название идиома/диалекта. Это облегчило бы получение названий файлов, содержащих, к примеру, все стословники для шорского диалекта хакасского языка для поселка Анчуль.

Структурированную таким образом информацию уже невозможно хранить в виде таблицы в текстовом документе. Становится очевидной потребность в интерактивной электронной базе метаданных, создание которой, к сожалению, пока только планируется. Объединенная с картографической базой, база метаданных может стать одним

из компонентов системы связанных баз (электронных словарей, грамматик и корпусов текстов языков и диалектов), на основе обращений к которой и должна строиться работа Электронного диалектологического атласа тюркских языков.

Сырой образец подобной базы, в которой в отдельные позиции вынесены далеко не все описанные выше параметры метаданных, представлен ниже (см. таблица 3).

Планируется построить электронную базу метаданных⁶, собранных в 2006–2022 гг. (и далее) в экспедициях под руководством А. В. Дыбо по языкам и диалектам Южной Сибири (Хакасия, Шория, Алтай, Тува), и последовательно расширять ее на другие тюркоязычные регионы.

⁶ Предварительно планируется делать это средствами СУБД Starling [см. Крылов, Тер-Аванесова].

Литература

Архипов А. В. Документирование малых языков: научные и технические аспекты // *Языковое разнообразие в киберпространстве: российский и зарубежный опыт*. Москва, 2008, 76–83.

Дыбо А. В., Мальцева В. С., Николаев С. Л., Шеймович А. В. Диалектологическая анкета для пилотного опроса «Признаки-изоглоссы для хакасско-шорско-чулымского ареала (группы тюркских z-языков)» // *Родной язык*, 2020, 1(12): 86–119.

Кибрик А. Е. Методика полевой работы с информантом // *Очерки по общему и прикладным вопросам языкознания (Универсальное, типовое и специфичное в языке)*. Москва, 1992, 262–287.

Кибрик А. Е. Диалог лингвиста с носителем: в поисках полевого метода и формата лингвистического описания // *«На меже меж Голосом и Эхом»*. Сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. Сост. Л. О. Зайонц. Москва, 2007.

Крылов С. А., Тер-Аванесова А. В. *Электронные базы данных по русским народным говорам*.

URL: <http://niryaz.inion.ru/linguistics/125>

Kazakevich O. *Fieldwork in the Situation of Language Shift // Strategies for Knowledge Elicitation: The Experience of the Russian School of Field Linguistics*. Springer Nature Switzerland AG. 2021, 103–118.

Crowley T. *Field Linguistics. A Beginner's Guide*. Edited and prepared for publication by Nick Thieberger. Oxford University Press, 2007.

Chelliah Sh. L., De Reuse W. J. *Handbook of descriptive linguistic fieldwork*. Springer, 2011.

References

Arkhipov A. V. Dokumentirovanie malykh yazykov: nauchnye i tekhnicheskie aspekty [Documentation of minority languages: scientific and technical aspects] // *Yazykovoe raznoobraziye v kiberprostranstve: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt*. Moskva, 2008, 76–83. (In Russ.)

Chelliah Sh. L., De Reuse W. J. *Handbook of descriptive linguistic fieldwork*. Springer, 2011.

Crowley T. *Field Linguistics. A Beginner's Guide*. Edited and prepared for publication by Nick Thieberger. Oxford University Press, 2007.

Dybo A. V., Mal'tseva V. S., Nikolaev S. L., Sheymovich A. V. Dialektologicheskaya anketa dlya pilotnogo oprosa «Priznaki izoglossy dlya khakassko-shorsko-chulymskogo areala (gruppy tyurkskikh z-yazykov)» [Dialectological questionnaire for the pilot survey “Isogloss signs for the Khakass-Shor-Chulym area (a group of Turkic z-languages)”] // *Rodnoy yazyk*, 2020, 1(12): 86–119. (In Russ.)

Kazakevich O. Fieldwork in the Situation of Language Shift // *Strategies for Knowledge Elicitation: The Experience of the Russian School of Field Linguistics*. Springer Nature Switzerland AG, 2021, 103–118.

Kibrik A. E. Dialog lingvista s nositelem: v poiskakh polevogo metoda i formata lingvisticheskogo opisaniya [Dialogue of a linguist with a native speaker: in search of a field method and format of a linguistic description] // «*Na mezhe mezh Golosom i Ekhom*». Sbornik statey v chest' Tat'yany Vladimirovny Tsiv'yan. Sost. L. O. Zayonts. Moskva, 2007. (In Russ.)

Kibrik A. E. Metodika polevoy raboty s informantom [Methods of field work with an informant] // *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniya (Universal'noe, tipovoe i spetsifichnoe v yazyke)*. Moskva, 1992, 262–287. (In Russ.)

Krylov S. A., Ter-Avanesova A. V. *Elektronnyye bazy dannykh po russkim narodnym govoram* [Electronic databases of Russian folk dialects]. URL: <http://niryaz.inion.ru/linguistics/125> (In Russ.)

Шеймович Александра Валерьевна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Sheimovich Aleksandra Valerievna
Institute of Linguistics RAS
Moscow, Russia
asheimovich@yandex.ru

**Небесные светила и атмосферные явления
в языковой картине мира иранских народов
Памяро-Гиндукушского региона**

**Celestial bodies and atmospheric phenomena
in the linguistic worldview of the Iranian peoples
of the Pamir-Hindu Kush region**

Л. Р. Додыхудоева

L. R. Dodykhudoeva

В статье рассматривается лексико-семантическая группа небесных светил и атмосферных явлений в картине мира народов Памяро-Гиндукушского региона. Прослеживается их роль при определении календарно-сезонных и суточных временных циклов сельскохозяйственного календаря и формирование их деноминаций в традиционном сообществе. Выявляется лингвокультурное своеобразие представлений об этих небесных телах и явлениях у народов региона, а также особенности формирования устойчивых фразеологических единиц с этими терминами-астронимами в качестве опорных.

Ключевые слова: иранские языки, памирские языки, шугнанский язык, ваханский язык, таджикский язык, Памяро-Гиндукушский регион, астроним

The present article examines the lexical-semantic group of terms encompassing celestial bodies and atmospheric phenomena in the languages of the Pamir-Hindu Kush peoples. It deals with the role of these bodies and phenomena in determining seasonal and daily time cycles in the agricultural calendar, as well as the formation of their names in these traditional societies. The article shows distinctive linguacultural elements in the way these celestial bodies and atmospheric phenomena are envisioned by the peoples of the region, as well as specific idiomatic expressions that use these astronyms as key elements.

Keywords: Iranian languages, Pamir languages, Shughnani, Wakhi, Tajik, Pamir-Hindu Kush region, astronomy
DOI: 10.37892/2313-5816-2022-2-198-219

Как отмечала А. И. Кузнецова, «внимательное прочтение календарных названий в самодийских языках знакомит нас ... с жизнью этих народов, с их “видением мира”, позволяет найти общие черты, связывающие различные языки в одну языковую общность» [Кузнецова 1976: 45–49].

Это верно и для культурной информации, воплощенной в календарной лексике, названиях небесных светил и явлений ираноязычных народов широкого центрально-азиатского ареала. Ряд представлений древних иранцев до настоящего времени сохранился в современных диалектах и бесписьменных языках региона. Этот материал особенно значим при отсутствии зафиксированных письменных текстов конкретных языков на фоне активного участия этих народов в процессе глобализации.

1. Лексико-семантическая группа небесных светил

Миноритарные народы широкого ираноязычного Памиро-Гиндукушского региона (современные Таджикистан, Афганистан, Пакистан) не обладают астрометеорологическими текстами, посвященными описанию календаря, положению светил и их годовых циклов, однако эти сведения дошли до нас в живых языках и фольклорной традиции, которые содержат ценные сведения о том, как на более ранних этапах люди воспринимали мир и свое место в нем.

Выявление языкового материала иранских языков этого региона и анализ представлений о связи погодных условий и сезонных работ с положением небесных светил позволяет выявить представления населения региона о небесных телах, календаре, ходе времени, его членении на отрезки, значимые в хозяйственной деятельности.

Лексико-семантическая группа небесных светил широко представлена в языке и картине мира народов этого региона.

Солнце:

ш. *xīr*, р., х. *xōr* ‘солнце, лучи солнца’, вах. *yir* ‘солнце’, *ǰarǰырп* ‘солнцепек’, язг. *ǰawūr* ‘солнце(пек)’, ягн., ос. *xur*, т. *xur(шед)*, дари, перс. *xor(šid)* ‘солнце, лучи солнца’, ишк. *remozd*, сангл. *ormōzd*, мундж. *mīro*, ванеци *mīr*, орм. *mešr*, парачи *ru(‘)č*, (из т.) вах., ишк., ягн. *oftob*, ш.-р. *ōftōb*.

Луна:

ш. *mēst*, р., х. *mēst*, б., рош. *mōst*, сар. *most*; язг. *mast* ‘луна, месяц; месяц (календарный)’, вах. *tak* (календ. месяц *тыу*), мундж. ниж. *yūtáyekə*, верх. *yūtáǰikə*, йидга *imog/yo*, сангл. *wulmē/i/ik*, пар. *mahōk* ‘луна, месяц, свет луны’, (из т.) ш.-р. *mō(h)*, язг., ишк., вах. *mo*, сгл. *mā* ‘луна; месяц (период времени)’, мундж. *mō/o* ‘месяц (период времени)’, ш.-р. *matōb*, зебаки, ишк. *matow* ‘луна, лунный свет’.

Звезда, созвездие:

ш. *ǰitēz*, р., х. *ǰitēz*, барт., рош. *ǰitōrǰ*, сар. *ǰi/yturǰ*; язг. *ǰ(ə)tarag* ‘звезда, падающая звезда, метеор’, ш. *ǰitēzǰak*, р., х. *ǰitēzǰak* ‘звездочка’ (об утренней и вечерней звезде), (из т.) ш.-р. *sitōrā*, вах. *s(ə)tor*, мундж. *storǰy*, йд. *stārē* ‘звезда’; пшт. *storay* ‘звезда’, ишк. *strūk* ‘звезда’, т. *ситора* ‘звезда, звездочка (как украшение), и.с.ж.’, ш. также ‘звездочка/мурашки’, т. также ‘знаменитость’, *ситораи рӯз/сахарӣ* ‘утренняя звезда, Венера’, *ситораи думдор* ‘комета’, *ситорабор* ‘звездный дождь’, *ситорапарӣ* ‘звездопад’, *ситоратӯда* ‘скопление звезд’, *осмони ситоразор* ‘звездное небо’,

т., дари *axtar* ‘звезда, судьба, счастье, знамя’, т. диал. Лахш *axtar* ‘удивленный’.

Представления о небесных светилах — солнце, луне и звездах — в картине мира ираноязычных народов региона в первую очередь связаны с ведущей ролью небесных тел при определении календарных явлений и суточных временных циклов в хозяйственной деятельности, земледельческом и скотоводческом календаре.

1.1. Календарные явления: Навруз

С древних времен в иранской культуре особую роль играл солнечный календарь, связанный с движением солнца, положение которого фиксировалось на рельефе местности в момент важных календарных дат, таких как весеннее и осеннее равноденствие, зимнее и летнее солнцестояние. Археологами и астрономами выявлено, что найденные на Восточном Памире древние обсерватории (долина реки Шоролю и район озера Каракуль, Мургабский район, Горно-Бадахшанская АО) были созданы для наблюдения и поклонения солнцу, которое считалось божеством. Эти обсерватории связываются с древними народами иранского происхождения, жившими на Памире в XIII–IX вв. до н. э. и позднее. Археологическими данными зафиксировано активное функционирование обсерваторий в VI–II вв. до н. э. В ходе расшифровки культово-ритуальных особенностей памятника астрономами было установлено, что по ориентации фигур, выложенных на плоскости, определялся на местности восход солнца в дни летнего и зимнего солнцестояний, по оси — дни весенне-осеннего равноденствия [Бубнова, Коновалова 2006: 170–209].

Особую роль у иранских народов играл Навруз, Новый год, который отмечался весной в день равноденствия, 20–21 марта, по солнечному календарю, что определяли по положению солнца в момент его вхождения в созвездие Овна.

На Западном Памире для определения даты Навруза применяли ориентирование на местности, а также устройство из камней, известное как «камень — знак месяца Хамала (Овна)» (т.вах. *sang-i nišon-i amal* ‘камень — знак (месяца) амал’, вах. *amalʔar* ‘амала (месяца) камень’, т.бад.

санги офтоббин ‘камень, (при помощи которого можно) видеть солнце’). Такое устройство с отверстием посередине до сих пор существует в кишлаке Ямг (Вранг) в Вахане, где оно было установлено известным просветителем Мубораккадамом Вахони (1843–1910). Ранее такое приспособление имелось и в долине Хуф. До настоящего времени каменный «календарь» сохранился в селении Рын, в Иш-кашине. Здесь камни сложены в виде буквы «П», а отверстие ориентировано на развилку между двумя горными вершинами на соседней летовке. В день весеннего равноденствия на рассвете через него можно наблюдать восход солнца в определенном месте [Андреев, Половцев 1911: 27; Назарова 2022: 254–255]. Кроме того, точный час наступления Нового года определяли по солнечному лучу, который попадал в дом через потолочное отверстие и приходился на специальную метку на одном из несущих столбов перекрытия.

1.2. Определение времени

по расположению небесных светил

Аграрно-временные циклы и сезоны и расчет времени суток осуществлялись по месту восхода и захода солнца и луны, появления звезд, положению солнца в то или иное время года или период суток, по установленным отметкам на горном рельефе и панорамном контуре (т. *офтоб нишон*). Примерно на момент равноденствия, Навруза, приходится и начало календарного периода сельскохозяйственных работ очистки каналов, подготовки полей к земледельческой деятельности, посадки саженцев’ (т. д. *офтобниол* букв. ‘солнце’ + ‘саженец’, дари *Rūz-i nihâlnišâni* ‘День посадки саженцев’, перен. Навруз).

Время в целом также определяли по месту восхода и захода солнца и луны, появления звезд в определенное время года. Устанавливали метки на линии горизонта, горных пиках и внутри жилого дома, отмечая положение солнца или луны в особые дни. В ряде районов Припамирья существует предание, что в древние времена люди верили, что солнце не взойдет, если на рассвете не обойти

селение с особым камнем на плечах, который называли «камнем дня» (т. д. *санги рӯз*)¹.

Суточный временной цикл также еще до второй половины XX в. определялся населением региона по восходу и заходу небесных светил, в силу чего в памирских языках присутствуют выражения, обозначающие определенное положение солнца на протяжении суток:

ш. *xīr-cīrax* ‘восход солнца, раннее утро’: ш. *as xīr-cīrax and cow cūd, to taδōrēs* ‘(мы) косили с восхода солнца до полудня’ [Карамшоев 1999: 211], ш. *cīrax* ‘зарница; заря; первые лучи солнца (из-за горы)²; восход’, ‘первые лучи солнца из-за горы’; *cīrax cīdōw* ‘восходить, появляться (о солнце)’, вах. *ir c°rax* ‘восход солнца’, *ir c°raxtəu* ‘солнце взошло’, *irək cīrax kərtəu* ‘солнышко блеснуло (т. е. встало)’ (из ваханских бульбуликов) (*c°rax* ‘искра, блеск, уголек’), а также вах. Лоример: *yir ŷatəu* ‘солнце взошло (лучи коснулись долина, а не только вершин)’ [ЭСВЯ: 107, 117, 187], мундж. *mirōw* ‘восход солнца’ [Грюнберг 1972, 325–326]. Ср. также название одной из первых публикаций сборников памирской поэзии «Xīr-cīrax» ‘Восход солнца’ (1992);

ш. *xīr-pāl* ‘восход солнца; восток’, вах. *yirək bal-bal* ‘солнышко сверкает’ [ЭСВЯ: 257], а также ишк., сангл. *pələftuk* ‘восход (солнца)’;

¹ См. т. *дар як деҳаи куҳистон ҳар нимашаб ҷавонеро лозим буд санги калонеро бардошта то як ҷои муайяне мебурд ва боз ба деҳа меоварду дар назди ҳавли ҳамсоя, ки фардо навбати иҷрои ин амал ба дӯшаш буд, мегузошт. Агар мардуми деҳа ин корро ба анҷом намерасониданд, рӯз намеомад. Барои ҳамин он сангро «санги рӯз» мегуфтанд ‘в некоем горном селении каждую полночь было принято, чтобы юноша относил большой камень в определенное место и снова возвращал его в селение и оставлял перед двором того соседа, очередь которого совершать то же действие наступала завтра. Жители деревни (верили, что) если бы они не осуществляли эту работу, день бы не наступил. Именно поэтому тот камень называли «камнем дня»’ (<https://millat.tj/farhangvaadab/3523-sangi-ruz.html>).*

² О восприятии солнечного луча как стебля, см.: [Кузнецова 2004: 306].

ш. *xīr miδēnd(ēj)* ‘полдень’, вах. *ħar(v)dəpn, ħarδəpn* ‘время от утра до полудня’, первая часть из **hvar-*, *ħvan-* ‘солнце’ [ЭСВЯ: 415];

ш. *xīr-nīst* ‘заход солнца, закат’, *xīr ar žīr* ‘закат’, букв. ‘солнце в камне’, вах. *w/viš-*: *w/višt-* ‘закатываться, садиться’ (о солнце), мундж. *mirāvəy* ‘заход солнца’ [Грюнберг 1972: 325–326].

Как обозначение временного отрезка середины дня, начинающегося в полдень, время пика жары и зноя, можно рассматривать также и вах. *ħarδ/dəpn* ‘время от утра до полудня’, если первая часть из др-ир. **hvar-* ‘солнце’. Ср. также *ħarδ/dəpn* ‘солнце-пек’. Возможно, здесь же можно привести вах. *šundri(ǰ/k)* ‘жара, теплота’, которое сопоставляется с вершик. *šini* ‘лето’, коми *šondi* ‘солнце’, *šonid* ‘теплый’, удм. *šundi* ‘солнце’, *šunit* ‘теплый’ [ЭСВЯ: 415, 426, 334–335].

язг. *ħəwīr* ‘солнце(пек)’, ягн. *ħu/yr*, талыш. *ħeši* ‘солнце’ [ЭСВЯ: 415, 426, 336].

Для ночного неба отмечались также периоды появления либо исчезновения луны:

ш. *mēst-nīst* ‘заход луны’, *pirō as mēst* ‘до (появления) луны’, *pi mēst* ‘при луне, под луной, с появлением луны’.

Для таджикского языка отмечены следующие лунные фазы: т. *моҳи нав* ‘молодой месяц’, *моҳи нима* ‘полумесяц’, *моҳи пурра* ‘полнолуние’.

В силу необходимости определения времени суток или сезона по звездам применялись устойчивые сочетания с опорой на термин «звезда»³, так как время (или сезон) было важно учитывать при хозяйственной деятельности или отправлении в путь: ш. *pi ħitêrз-aθ* ‘при звездах’, *pirō as ħitêrз* ‘до (появления) звезд’, ср. также *pi ruх na nūst* ‘не дождался (рас)света’. Среди календарных периодов (вслед за выходом солнца из тела человека) имеются периоды *торик ситора* ‘темная звезда’, и *от ситора* ‘звезда, стоящая

³ О сходных приемах ориентации см. также [Кузнецова 2004: 170].

отдельно' [Рахимов 1956: 65–66]. Отмечается и период так называемой «черной луны» и лунные ночи (т.б. *ma(h)tušav*).

При начале земледельческих видов работ следовало учитывать не только день начала года, положение солнца в зодиаке (т. *(h)amal* (из ар). 'Овен (зодиакальное созвездие), название месяца'), но также и положение солнца на плане долины: ш.-р. *pitōv-pīc* 'солнечная сторона', *ōftōbrūyā*, т. *оф-тобрас* 'солнечный, расположенный на солнечной стороне' (в противоположность теневой).

1.2.1. «Счастливым час»

Горцы верховьев реки Пянджа верят в удачу и счастье, что отражено в представлении о «добром, счастливом» дне или часе. Считается, что особую удачу и благополучие несет день Навруза, букв. 'новый день'. Существует много примет и ритуалов, связанных с положением солнца и звезд при наступлении этого первого весеннего месяца. Согласно традиционному укладу духовный руководитель общины рассчитывал, руководствуясь специальным трактатом («Исоб-нома»), особый благоприятный час, для чего опирался в своих расчетах на положение небесных тел, их проекции на рельефе местности и ряд астрономических наблюдений.

Среди убеждений, связанных с благополучием хозяйства и личной удачей в жизни, важным считалось определение «счастливого часа», «счастливой звезды» для начала любого дела:

ш.-р. *sōt*, т. *co(a)m* '(добрый) час', *соати саъд* 'добрый час; благоприятное сочетание звезд', ср. Саади — псевдоним известного персоязычного поэта, т.-перс. *саъдī* 'счастливый, родившийся под счастливой звездой';

ш.-р. *sitōrayi nēk*, т.б. *ситораи нек* '(несущая) благо звезда'.

Ср. противопоставленное понятие о звезде, несущей несчастье: ш.-р. *sitōrayi nās*, т. *ситораи нахс* 'несчастливая звезда'.

По традиции считается, что каждый человек рождается, уже изначально неся на себе печать удачи или злополу-

чия, что обозначается как т. *ситорагарм* ‘привлекательный’ или *ситорахунук* ‘неприятный’ и *ситорасӯхта* ‘злополучный’.

«(Добрый) час» определялся для проведения обрядов перехода (жизненного цикла), начала проведения сельскохозяйственных работ, первой весенней ритуальной запашки, начала пахоты, жатвы, переноса зерна с гумна и др. Им руководствовались женщины в начале сезонной переработки молочных продуктов на масло. До сих пор определяется такой «(счастливый) час» и для свадебного торжества, а также при первом укладывании ребенка в колыбель. Его следы присутствуют в сказках, где говорится об установлении «(счастливого) часа» для свадьбы.

Кроме того, в таджикском литературном языке представлена лексема *axtar* с широким кругом значений: кн. ‘звезда’, перен. ‘предзнаменование, судьба, счастье’. Этот термин также широко употребляется при обозначении родившегося под «счастливой звездой» или «несчастливого, невезучего» человека: т. *некахтар*, *хушахтар*, *баландахтар*, *пирузахтар*, *фаррухахтар*, *хучастаахтар* ‘удачливый, счастливый; мощный’, *ахтари бахт* ‘звезда счастья’ и *ахтари бад* ‘несчастливая звезда’, *девахтар* ‘несчастливый, страшный’, *осеби ахтар* ‘ущерб от (отрицательного влияния неблагоприятного расположения) звезд’ [ТРС].

1.2.2. Различные виды счета

времени по солнцу, луне, Плеядам

Среди земледельцев Западного Памира был широко распространен счет дней «по ходу солнца в теле», основанный на годовом движении солнца привязанный к вертикально расположенному силуэту фигуры человека, так называемый «счет на части тела человека» (ш. *xīr pi čōr* ‘солнце в человеке’, *xīr pi zūn* ‘солнце в колене (человека)’, т. *хисоби мард* ‘счет человека’). Он начинался в день зимнего солнцестояния с периода «ногти ноги» (т.б. *нохун*) и шел по фигуре вверх до макушки, а затем по кругу вниз [Бобринской 1908: 97–102; Андреев 1953: 153; Кисляков 1947: 112].

В дополнение в Средней Азии издавна применялся счет, основанный на солнечном календаре и созвездии Плеяды (т. *Парвин*, т.бух. (из узб.) *хуркар*, ш. *Parwin*, вах. *ʔdiš-satora* 'Плеяды (созвездие)', букв. 'собранные вместе звезды'), он применялся в быту, где требовались точные даты. Счет по Плеядам, составлявший основу скотоводческого года у кочевников, был передан и соседнему земледельческому населению, например, в Фергане. В Хуфе такой счет не применялся. «Хуфцы смутно говорили, что о нем знают только большие муллы» [Андреев 1958: 153]. Однако им пользовались в Вахане. Здесь существовали специальные термины, обозначающие особые дни: т. *мопарвин* 'месяц-Плеяды', время, когда молодой месяц соединяется с Плеядами на 3, 5 и 7 дни лунных месяцев (вах. *truu-toqiš* '3й', *panz-toqiš* '5й', *ʔb-toqiš* '7й' (Lorimer D.L.R. *The Wakhi language*. Vol. I, II. L., 1958), см. подробнее [ЭСВЯ: 357–358; Андреев 1958: 174].

Для религиозных целей применялся мусульманский календарный счет, основанный на 12 лунных месяцах, подробнее см., например, [Бобринской 1908: 97–102; Андреев 1953: 151].

1.3. Астрономические и атмосферные явления: затмение, радуга, гало

Известно, что в древние времена люди опасались солнечных и лунных затмений, считая, что светило «украли, схватили», что отразилось в выражениях, связанных с данным явлением: ш. *xīr pīc-en anjūvd* 'затмение солнца', букв. 'солнца лик схватили', *mēst-en anjūvd* 'затмение луны', букв. 'луну схватили', ишк. *rémūzd-on nad* 'затмение солнца', букв. 'солнце схватили', *matob-on nad* 'затмение луны', букв. 'луну схватили', т. *гирифти моҳ* 'затмение луны', букв. 'захват, взятие луны'. В прежние времена считали, что в случае затмения солнце уже не возвратится на небо и может наступить вечная темнота.

В иранских названиях радуги можно отметить широкий разброс лексем и значений, начиная с таджикского «лук Рустама/Бахмана/Сама» (герои таджикско-персидс-

кого эпоса «Шахнаме»)⁴, «весенняя дуга» и «(небесная) дуга (ангела по имени) Кузах» до мунджанского «рукав/подол Солнца» и «пояса» у осетин⁵:

ш. *kaṁiṇi Ristam* ‘лук Рустама’, *rangin kaṁiṇ* ‘разноцветный лук’ (ш. *kaṁiṇ* ‘лук; ружье; дуга’), т. *рангинкамон, камони Рустам, камони Баҳман, камони Сом*, т. диал. *тир(и)камон* ‘стрела лука’ → ‘радуга’;

вах. *nəgəwn* ‘радуга’, йидга *drūn* ‘лук’ (из кхов. *drōn*, ср. вайг. *indrūn*, кал. *indra*, шина *nəron* ‘радуга’, кати *drō* ‘лук’, кхов. *drōn* ‘лук’ [ЭСВЯ: 249]);

т. *тоқи баҳор* ‘радуга’, букв. *тоқ* ‘изгиб, арка, ниша’ + *баҳор* ‘весна’;

т. *қавси қузах* ‘радуга’, букв. *қавс* ‘дуга, скобка, астр. Стрелец’ + *қузах*, вероятно, из перс.-ар. *qizah* ‘ангел, в чьем ведении находятся облака’ [Steingass];

мундж. *таъауа* ‘радуга’ из ‘рукав Солнца’, йидга *mīra-avlasto* ‘радуга’, букв. ‘солнца рукав’, мундж. *mīra-lamdo* ‘радуга’, букв. ‘солнца пола, подол’, ср. орм. *mē(r)š/š*, афган. диал. *myēr* ‘солнце’ [ЭСВЯ: 426; Эдельман 2015: 369–370];

ос. *xūrærdyn* (< *xūr+rdyn*) ‘радуга’, букв. ‘солнца лук’, а также *arvyrdyn* (< *arvy’rdyn*) ‘радуга’, букв. ‘небесный лук’, *arvy ron* ‘радуга’, букв. ‘пояс неба’ [Абаев 1989: 248; 1958: 71, 72; 1973: 403].

Восприятие радуги у ираноязычных народов широко-центральноазиатского ареала как лука находит параллель у селькупов, народа, населяющего значительно более северную зону Евразии⁶. Так, «по преданию, записанному

⁴ Ср. «лук Индры» в индийской мифологии.

⁵ Ср. также арм. «небесный пояс» солярного божества.

⁶ Ср. толкования образа радуги у селькупов, связанного с мифами, объясняющими явления природы, приведенные в [Кузнецова 2004: 216, 224, 299], куда включены и полевые материалы А. И. Кузнецовой (ПМ 2002): арх. *нүн тауқы*, букв. ‘неба дуга’; арх. (Кастрен) — *нит ронтар* ‘небо + окрестности’, ее еще называют *нәрұы вэттыля* ‘красная дорожка’ и *ұтты вэтты* — букв. ‘весенняя дорога’ (шаман поднимается по лестнице до

в 1920-е годы, на одной из туч лежит лук Ия (й, йй), сына бога Нома; тень от лука (*ынтым тiка*) — радуга, которую видят люди» или «радуга — это мост, соединяющий землю и небо, на котором находятся тучи. На одной из них лежит лук Ия. Тень от лука с земли и воспринимается как радуга» [Кузнецова 2004: 324, 299].

ш. *xīr-and nūr* ‘солнечный луч, свет солнца’, *xīr-cirax, xīr šulwā* ‘солнца луч, отблеск’, ср. восприятие солнечного луча у селькупов как стебля [Кузнецова 2004: 306].

В регионе как Восточного, так и Западного Памира отмечается также такое атмосферное явление, как гало, ореол или «круговая радуга», формирующаяся при определенных погодных условиях в силу преломления света в кристаллах льда вокруг солнца/луны: ш. *širum(b)* ‘ореол’, букв. ‘тумно’, т. *хирмани мох* ‘лунный ореол’, т. диал. *хирманча* ‘лунный ореол (в полнолуние)’, например, ш. *xīr-at mēst-ta yigūn širum diyēn* ‘солнце и луна иногда образуют ореол, ш. *mēst širum dođ* ‘вокруг луны появился ореол’ [Карамшоев 1999: 426].

Кроме того, при определенных атмосферных условиях можно наблюдать более интенсивное, чем обычно, лунное свечение: ш. *yalast mēst* ‘яркая луна’ (букв. ‘сверкающая луна’) или тусклую луну в условиях тумана: *kūr-mēst(ak)*.

1.4. Образные выражения, эпитеты и метафоры, фразеологические единицы с опорными словами-астрономами

Обозначения солнца в ишкашимском, сангличском и зебаки переосмыслены из имени верховного божества зороастрийского пантеона — Ахурамазды: ишк. *rēmūzd*, сангл. *armā/ōzd*, зебаки *ōrmōzd* ‘солнце’. В мунджанском и йидга названия солнца опираются на имя Митры, индо-иранского божества, олицетворяющего договор, дружбу, верность договору: мундж. *mīro*, йидга *mīra* ‘солнце’, а также кн. дари *mehr*, т. *мехр* ‘солнце; сердечная привя-

радуги, которая, расступаясь, дает возможность войти через нее на небо»).

занность, расположение' [ЭСВЯ; Расторгуева, Эдельман 2000:102; Эдельман 2015: 304, 368–370].

«Лунное сияние» (т. *ма/оҳтоб* 'луна, лунный свет') понимается в памирских языках как «луна»: ш. (из т.) *matōb* 'луна', а также служит как женским, так и мужским именем (от этого термина образованы: ш. *matōb-ḫāb*, т.б. *ma(h)toušav* 'лунная ночь', обычно ночь полнолуния), ишк. *matob za vūni*, тьх *šāb-тъс љōн dъrayūk* 'как будет луна (т. е. ночь полнолуния), мы и ночью пойдем жать'. За счет присоединения суффикса происходит дальнейшее расширение значения: т.б. *ма/о(ҳ)тобӣ* бот. 'род абрикоса', 'род бенгальских огней', применяемых при игре «оташ-бози». Ср. также т. *офтотоб*, *хуриед* 'солнце' из 'солнечный свет, сияние'.

Расширение значения можно наблюдать во всех памирских языках: ш.-р. (из т.) *sitōrā*, вах., ишк. *s'itor(a)* 'звезда, звездочка (как украшение), и.с.ж.', а также в таджикском *ахтар* 'звезда', которое имеет перен. значение 'звезда, знаменитость': *ахтари адаб*, букв. 'светоч культуры', ср. собрание литературных сочинений классической поэзии в 50-и томах, книжная серия: «Ахтарони адаб» («Звезды культуры»), оригинальное развитие получил данный термин в таджикском диалекте Лахша — *axtar* 'удивленный'.

Небесные тела (солнце, луна, звезды) входят в состав идиоматического компонента восприятия картины мира. Среди фразеологических единиц, связанных с опорными словами-астронимами, можно выделить «солярные», «лунарные» и «астральные».

Так, образец стертой метафоры дает следующий пример: (из т.) ш.-р. *ōftōbparast*, вах., ишк. *oftobparast* 'подсолнечник', название фитонима, применяется также в значении «солнцепоклонник» (зороастриец). Ср. т.б. *мехрпараст* перен. 'солнцепоклонник', обозначение, применяемое к жителям Бадахшана — исмаилитам — окружающим суннитским населением.

В этой же категории можно рассматривать образное описание заката, вошедшее в шугнанский язык: *xīr ar žīr* ‘закат’, букв. ‘солнце (уходит) в камень’.

В традиционном календаре при счете дней по ходу солнца по телу человека выделяется день зимнего солнцестояния, который называется в шугнанском букв. *xīr pī čōr* ‘солнце в человеке’. Ср. таджикско-ваханское *tamus* ‘лето, день летнего солнцестояния’, и приспособление для определения этого дня: *sang-i nišon-i tamus* ‘камень — знак (начала) лета’ [ЭСВЯ: 82], т. лит. кн. тамуз ‘лето, середина лета; жара’.

Еще одно небесное явление — затмение луны или солнца — передается в шугнанском языке сложноименным глаголом (*mēst-en anjūvd* букв. ‘луну схватили’). По поверью, затмение насылалось свыше в наказание людям за грехи и в прежние времена относилось за счет происков дивов, активизировавшихся в силу прегрешений человека. В другой интерпретации причиной затмений было осквернение огня волосами, что считалось большим грехом [Андреев, Половцев 1911: 34–35].

Примером метафорического переноса с расширением значения служат случаи передачи особых примет животного через обозначение луны или звезды: ш. *mēst-žūmč* ‘пятнистый, с пятнами на холке’ (о животном) (из *mēst* ‘луна’ + *žūmč* ‘задняя часть (туши и т. п.)’, вах. *s(ə)tor-sar* ‘белоголовый (о мелком скоте)’, букв. ‘звездно-головый’.

Тусклое лунное свечение понимается образно как «слепая луна»: ш. *kūr-mēst(ak)* ‘род тусклого лунного свечения при тумане’, букв. ‘слепая’ + ‘луна’ (+ суф. *-ak*), ср. т. *kūrmaħtoḅ* ‘тусклый свет луны’ [ТРС], букв. *kūr* ‘слепой, тусклый’ + *maħtoḅ* ‘луна, свет луны’. Здесь же можно привести описательные выражения в ваханском языке: *s(ə)tor-pud/δ* ‘кристалл кварца, кварц’, букв. ‘след звезды’ — согласно поверью, кристаллы кварца — это отколовшиеся куски упавших на землю звезд [ЭСВЯ].

Двойная метафоризация термина отмечена в случаях:

т. *моҳпарвин*, буквально означающем ‘луна’ + ‘Плеяды’, а в переносном значении — бот. ‘цитварный корень’ (который упоминается как лекарственное средство синонимичное т.-перс. *чадвор* в «Каноне врачебной науки» Ибн Сины) и мед. ‘лунатизм’. С особым моментом стечения луны/месяца и созвездия Плеяд связан и упомянутый выше счет по Плеядам [ЭСВЯ: 357–358; Андреев 1958: 174].

т.-перс. *axtar šumurdan* букв. ‘считать звезды’, в переносном значении применяется в поэзии в значении ‘бодрствовать всю ночь’, а в таджикских диалектах *ахтар шумурдан* ‘витать в облаках, бездельничать’.

В одном из примеров устойчивых выражений физические ощущения человека передаются через астроном «звезда»: ш. *sitōrā tūr kixt* ‘мурашки по телу бегают’ (*tūr* č. ‘пугаться, вздрагивать, испытывать неприятное чувство’) [Карамшоев 1991: 584; 1999: 118], букв. ‘звезды пугаться’.

Астрономы выступают как опорный термин в ряде устойчивых фразеологических выражений:

ш. *xīr as-kā pal čūd* букв. ‘солнце откуда воссияло’, перен. (иронич. о неожиданном госте) ‘каким ветром занесло’, ср. т. *офтоб аз кучо баромад?* букв. ‘солнце откуда вошло’, ‘как так!?’; ‘какими судьбами?’.

т. *моҳи бедоғ* ‘невинный, без греха (о человеке)’, букв. ‘луна без пятен’, пер. ‘без недостатков’, погов. *моҳи ҳам доғ дорад* ‘нет человека без недостатков, греха’, букв. ‘и на луне есть пятна’, ср. рус. *и на солнце есть пятна*,

т. Самарканд *моҳи беайбу ситораи бедум* ‘незапятнаный, невинный, без греха (о человеке)’, букв. ‘луна без греха, звезда без хвоста’,

т. *моҳи беайб* букв. ‘луна без греха’. Последний фразеологизм получил в таджикском языке и дальнейшее развитие – ‘беззаботный, не знающий горя, печали’ (о человеке).

ш. *as osmūn xitērz hambēntōw* ‘преуспевать: проявлять исключительные способности, хватать звезды с неба’, букв. ‘спускать звезды с неба’: б. *tū-nd tu čōr as osmūn xitērz*

xambēnt ‘твой муж преуспевает’ [Карамшоев 1999: 272], ср. т. *аз осмон ситораро бе нардобон канда гирифтан* ‘совершить невероятное, трудное дело’, ‘плутовать, жульничать’, букв. ‘хватать звезды с неба без лестницы’;

перс. *dar haft āsmān yek setāre nadāshtan* ‘На семи небесах не иметь ни одной звезды’, соотв. рус. *не иметь ни кола, ни двора*.

Луна выступает в качестве опорного слова и в одной из широко распространенных таджикских поговорок: т. *бо моҳ шинӣ, моҳ шавӣ, бо дег шинӣ, сиёҳ шавӣ* ‘у хороших (людей) уму учишься, у плохих злу’, букв. ‘с луной (рядом) сядешь, станешь луной, с котлом сядешь, станешь черным’, ср. рус. *с кем поведешься, от того и наберешься*.

Единицы природно-ландшафтного культурного кода отражают в иранской лингвокультуре региона положительные качества.

Так, солнце и его свет символизируют благополучие, блеск, физическую красоту, являются символами счастья и радости. Выглядеть, как солнце, означает выглядеть хорошо, сиять красотой. С луной и звездами сравнивается красота лица, внешности и недоступность прекрасных юношей и девушек, эпитеты красавиц (в памирских языках из таджикского, например, *моҳпайкар* ‘луноподобная, лунолика’, *пайкар* ‘наружность, вид’), *моҳрӯ(ӣ) (рӯ(ӣ))* ‘лицо, щека’), *моҳрух(сор) (рух(сора)* ‘ланиты’), *махчабин (чабин ‘чело’) ‘лунолика’*).

Небесные светила и явления были наделены в иранской культуре возвышенными поэтическими чертами и эпитетами и вошли в традиционные формулы фольклора и классической литературы, став олицетворением красоты, изящества и счастливой судьбы. Так, с небесными телами связан поэтический образ красоты в шугнанском фольклоре: *mēst wi-rd as pōdev-at, xīr as kāl* ‘луна у него в ногах, солнце над головой’ (о прекрасном юноше-герое), ср. применение сходных формул описания красоты героя (или героини) в таджикских сказках: «так красив, что правая сторона его лица была подобна солнцу, а левая луне».

В сказочном фольклоре широко принято также и описание красавицы/красавца через описание полной луны, представленное в классической персидской литературе: ш.-р. (из т.) *mōyi čōrdā* букв. 'луна 14-ой (ночи)', перен. 'полная луна' → 'красавица'.

В свадебном фольклоре народов Бадахшана представлены метафорические обозначения молодых — «невеста и жених»: (из т.-перс.) ш.-р. *mō(h)u šō(h)*, вах., ишк. *tohu šo(h)*, т.б. *моху шоҳ* букв. 'луна-и-шах'.

С солнцем связан эпитет красавицы, а также города Бухары: т.бух. книжн. *хуршеднора* букв. 'солнца-частица', перен. 'прекрасная, подобная солнцу'.

2. Заключение

Наименования небесных светил и периодов годового и суточного цикла их движения несут значительную информационную нагрузку.

Примеры показывают, что в разных языках региона (и даже в одном языке) одно и то же небесное тело на разных этапах развития языка могло обозначаться по-разному. Причем отдельные лексемы, расширяя значение (в ряде случаев за счет введения в свой состав новых компонентов), включают целый спектр дополнительных понятий от «сияния, света» до «временного периода» (календарный месяц, периоды суточного цикла движения небесных светил), «судьбы» и «состояния удивления».

В настоящее время представления о небесных светилах — солнце, луне и звездах — в картине мира ираноязычных народов Памиро-Гиндукушского региона и их языках в первую очередь связаны с сезонной сельскохозяйственной деятельностью и календарно-временной лексикой. Астронимы выступают в ряде устойчивых фразеологических выражений, народных примет и поговорок.

Эти единицы природного культурного кода несут в иранской лингвокультуре региона положительные качества. Небесные светила и их свет олицетворяют благо-

получие, красоту и удачу, они употребляются в качестве эпитетов прекрасных юношей и девушек.

Передача лингвокультурного наследия, включающего элементы древних народных представлений, новым поколениям способствует сохранению самосознания, этнокультурной идентичности, языка и его словаря, а также становлению письменной литературной традиции на языках малочисленных народов.

Литература

Абаев В. И. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. I: Москва–Ленинград, 1958; Т. III: Москва, 1979.

Андреев М. С. *Таджики долины Хуф*. Вып. I–II. Сталинабад, 1953; 1958.

Андреев М. С., Половцев А. А. *Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан*. Сборник Музея по антропологии и этнографии. Т. IX. Санкт-Петербург, 1911.

Бобринской А. А. *Горцы верховьев Пянджа*. Москва, 1908.

Бубнова М. А., Коновалова Н. А. Древние солнечные календари Памира // *Памирские экспедиции*. Москва, 2006, 170–209.

Грюнберг А. Л. *Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык (тексты, словарь, грамматический очерк)*. Москва, 1972.

Грюнберг А. Л., Стеблин-Каменский И. М. *Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык (тексты, словарь, грамматический очерк)*. Москва, 1976.

Карамшоев Д. *Шугнанско-русский словарь*. Т. I: 1988, II: 1991, III: 1999. Москва.

Кисляков Н. А. Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием, у таджиков бассейна реки Хингоу // *Советская этнография*, 1947, 1: 108–125.

Кузнецова А. И. Звезда // *Мифология селькупов*. Томск, 2004, 169–170.

Кузнецова А. И. Календарные названия в самодийских языках // *Языки и топонимия*. Томск, 1976, 45–49.

Кузнецова А. И. Луч солнца, букв. «Солнечный стебель» // *Мифология селькупов*. Томск, 2004, 306.

Кузнецова А. И. Традиционное мировоззрение, религиозно-мифологические представления селькупов. Северные селькупы // *Мифология селькупов*. Томск, 2004: 85–100.

Назарова З. О. Шогун — календарный праздник земледельцев Памира (этнолингвистическое исследование лексикой ишкашимского языка) // *Армянский гуманитарный вестник. Памяти Валентина Александровича Ефимова*. Специальный выпуск. Москва–Ереван, 2022, 8: 254–267.

Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Москва. Т. 1: 2000; Т. 2: 2003; Т. 3: 2007.

Рахимов М. Р. Некоторые результаты работы во время Гармской этнографической экспедиции 1954 // *ИООН АН Таджикской ССР*. Сталинабад, 1956, 61–72.

ТРС — *Таджикско-русский словарь. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ*. Под ред. Д. Саймиддинова, С. Д. Холматовой, С. Каримова. Изд. 2-е, доп. Душанбе, 2006.

ФГҶЗТ — *Фарҳанги ғуишҳои ҷанубии забони тоҷикӣ* (Словарь южных говоров таджикского языка). Сост. М. Махмудов, Г. Джураев, Б. Бердиев. 2-е изд. Душанбе, 2017. (На тадж. яз.)

ФЗТ — *Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асри XX)* (Словарь таджикского языка (X – начало XX века). Ред. М. Ш. Шукуров, В. А. Капранов, Р. Хашим, Н. А. Масуми. Т. I. Москва, 1969. (На тадж. яз.)

Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Москва, Т. 4: 2011; Т. 5: 2015; Т. 6: 2020.

ЭСВЯ — Стеблин-Каменский И. М. *Этимологический словарь ваханского языка*. Санкт-Петербург, 1999.

Steingass F. J. *A Comprehensive Persian-English Dictionary, Including the Arabic Words and Phrases to be Met with in Persian Literature*. London, 1892.

References

Abaev V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. T. I: Moskva-Leningrad, 1958; T. III: Moskva, 1979. (In Russ.)

Andreev M. S. *Tadzhiki doliny Khuf* [Tajiks of the Khuf valley]. I–II. Stalinabad. 1953; 1958. (In Russ.)

Andreev M. S., Polovtsev A. A. *Materialy po etnografii iranskikh plemen Sredney Azii. Ishkashim i Wakhan* [Materials on the ethnography of the Iranian tribes of Central Asia]. Sankt Peterburg, 1911. (In Russ.)

Bobrinskiy A. A. *Gortsy verkhov'ev Pyandzha (vakhantsy i ishkashimtsy). Ocherki byta po putevym zametkam grafa A. A. Bobrinskogo* [Highlanders of the upper reaches of the Panj river]. Moskva, 1908. (In Russ.)

Bubnova M. A., Konovalova N. A. *Drevnie solnechnye kalendari Pamira* [Ancient solar calendars of the Pamirs] // *Pamirskie ekspeditsii*. Moskva, 2006, 170–209. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Iranian Languages]. T. 4. Moskva, 2011. (In Russ.)

ESVYa – Steblin-Kamensky I. M. *Etimologicheskii slovar' vakhanskogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Wakhi Language]. Sankt-Peterburg, 1999. (In Russ.)

FGJZT – *Farhangi gūishoi janubii zaboni tojikī* [Dictionary of southern dialects of the Tajik Language]. Compiled by M. Mahmudov, Gh. Juraev, B. Berdiev. Dushanbe, 2017. (In Tajik)

FZT – *Farhangi zaboni tojikī* [Dictionary of the Tajik language]. 1–2. Ed. M. Shukurov et al. Moskva, 1969. (In Tajik)

Gryunberg A. L. *Yazyki Vostochnogo Gindukusha. Mundzhanskiy yazyk* [Languages of the Eastern Hindu Kush. The Munji language]. Moskva, 1972. (In Russ.)

Gryunberg A. L., Steblin-Kamensky I. M. *Yazyki Vostochnogo Gindukusha. Vakhanskiy yazyk (teksty, slovar', grammaticheskiy ocherk)* [Languages of the Eastern Hindu Kush. The Wakhi language: texts, dictionary, grammar overview]. Moskva, 1976. (In Russ.)

Karamshoev D. *Shugnansko-russkiy slovar'* [Shughnani-Russian Dictionary]. Moskva: Nauka, GRVL. Vol. T. I: 1988; II: 1991; III: 1999. (In Russ.)

Kislyakov N. A. Starinnye priemy zemledel'cheskoy tekhniki i obryady, svyazannye s zemledeliem, u tadjikov basseyna reki Khingou [Old techniques of agricultural machinery and rituals related to agriculture, among the Tajiks of the Hingou River basin] // *Sovetskaya etnografiya*, 1947, 1: 108–125. (In Russ.)

Kuznetsova A. I. Kalendarnye nazvaniya v samodiyskikh yazykakh [Calendar names in Samoedic languages] // *Yazyki i toponimiya*. Tomsk, 1976, 45–49. (In Russ.)

Kuznetsova A. I. Luch solntsa, bukv. «Solnechnyy stebel'» [Ray of the Sun, lit. “Sunny stem”] // *Mifologiya sel'kupov*. Tomsk, 2004, 306. (In Russ.)

Kuznetsova A. I. Traditsionnoe mirovozzrenie, religiozno-mifologicheskiye predstavleniya sel'kupov. Severnyye sel'kupy [A traditional worldview, religious and mythological representations of Selkups. Northern Selkups] // *Mifologiya sel'kupov*. Tomsk, 2004, 85–100. (In Russ.)

Kuznetsova A. I. Zvezda [Star] // *Mifologiya sel'kupov*. Tomsk, 2004, 169–170. (In Russ.)

Nazarova Z. O. Shogun — kalendarnyy prazdnik zemledel'tsev Pamira (etnolingvisticheskoe issledovanie leksiki ishka-shimskogo yazyka) [Shogun — Calendar Festival of Pamir farmers (ethnolinguistic study of the vocabulary of the Ishkashimi language)] // *Armyanskiy gumanitarnyy vestnik. Pamyati Valentina Aleksandrovicha Efimova*. Spetsial'nyy vypusk. Moskva–Yerevan, 2022, 8: 254–267. (In Russ.)

Rahimov M. R. Nekotorye rezul'taty raboty vo vremya Garm'skoy etnograficheskoy ekspeditsii 1954 // *IOON AN Tadjikskoy SSR*. Stalinabad, 1956: 61–72. (In Russ.)

Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Iranian languages]. Moskva. T. 1: 2000; T. 2: 2003; T. 3: 2007. (In Russ.)

Steingass F. J. *A Comprehensive Persian-English Dictionary, Including the Arabic Words and Phrases to be Met with in Persian Literature*. London, 1892.

Tadzhiksko-russkiy slovar'. Farhangi tojikī ba rusī. Pod red. D. Saimiddinova, S. D. Kholmatovoy, S. Karimova. 2nd ed. Dushanbe, 2006. (In Russ./Tajik)

Додыхудоева Лейли Рахимовна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Dodykhudoeva Leyli Rahimovna
Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
leiladod@yahoo.com

Назначение загадки

The function of riddles

М. Д. Люблинская

M. D. Lyublinskaya

Загадки относятся к идиоматическим выражениям. Сегодня определяют назначение загадки в культуре северных народов как средства отражения картины мира, метода воспитания, что используется до сих пор. Мы показываем, что помимо этого загадка в фольклоре народов Севера имела сакральное значение, была текстом-испытанием, подтверждающим право на получение награды, достижения более высокого статуса в социальной иерархии.

Ключевые слова: культура народов Севера, загадка как идиоматический оборот, отражение картины мира, иносказание, сакральность загадки

Riddles can be looked at as idiomatic expressions. The function of a riddle in the folklore of some Northern peoples of Russia is to pass on their worldview in teaching children, and riddles are used for such a purpose to the present day. We show that in the folklore of the Northern peoples, the riddle also has a sacral significance: the riddle's text is a trial, and passing this trial confirms the person's right to a reward and to achieve a higher status in the social hierarchy.

Keywords: Northern Uralic peoples, folklore, riddles, idiomatic expressions, worldview, allegory, sacrality
DOI: 10.37892/2313-5816-2022-2-220-234

Ковсу'кулмам тэхэланал намытыма не'шаң уйвна...

(загадка-DEL-ACC.SG знать-CONJ-OB.C.2SG.OBJ.SG
что настоящий быть-COND.ADV3SG)¹

Если ненец не вспомнил или не угадал ни одной
загадки, о какой гармонии может идти речь
[Вэлла 2004: 7]

Интерес Ариадны Ивановны обращался и на фразеологизмы уральских, особенно самодийских языков. В статье «Идиоматические единицы с зоо-компонентом в уральских языках: поиски новых путей анализа» она сказала: «Своеобразные выражения, представляющие собой в настоящее время неразложимые словосочетания, значения которых не являются простой суммой значений входящих в словосочетания слов, долгие десятилетия изучались по уровням: идиомы (иначе — фразеологизмы) анализировались с фонетической, морфологической, синтаксической, лексико-семантической точек зрения. На материале фразеологизмов рассматривались синонимы, антонимы; исследовались экспрессивно-стилистические возможности употребления идиом; определялась степень спаянности слов в идиомах (при этом обычно шла речь о фразеологических сращениях, единствах и сочетаниях, по терминологии В. В. Виноградова). Идиомы изучались методами синхронными и (реже) диахронными (этимологическими и собственно историческими). Исторический анализ идиоматической лексики мог быть как чисто лингвистическим, так и экстралингвистическим. При первом сравнивалась лексика разных исторических эпох, если в языке имелись древние памятники письма; при втором учитывались (помимо языковых) сведения культурологического и историко-этнографического характера... В последние десятилетия начались поиски новых путей анализа идиоматической лексики» [Сборник 2000].

¹ Глоссирование примеров статьи проводится предположительно из-за диалектной и индивидуальной многовариантности написания бесписьменного языка.

По такому определению загадка тоже является идиоматическим оборотом, в котором значение целого не является автоматическим сложением значения составляющих, которые могут быть соединены и без прямого семантического соответствия.

Жанр загадки присущ вербальному фольклору всех рассматриваемых нами уральских народов и вообще народов Севера. Существующие сегодня классификации фольклорных жанров для отдельных уральских народов Севера преимущественно исходят из названий, предложенных самой культурой (примеры такого деления показывают работы [Лехтисало 1998; Мифы, предания, сказки хантов и манси 1990; Фольклор; Куприянова 1960; Саамские сказки 1980; Хомич 1999] и др.). Определяющими условиями таких разделений служат сюжет и форма исполнения произведения. Поэтому получаются разнородные классификации, которые сложно сопоставить. И загадки определяются как жанр тематически. В этой статье предлагается функциональный анализ загадки в культуре народов Севера России.

Со второй половины XX века в исследовании фольклора утвердилось признание символичности произведений и «осознание символа как вместилища сакрального, которое соотносится не с видимой стороной предмета, а с воплощаемым им божественным началом» [Элиаде 2010: 6]. Универсальную функциональную классификацию фольклорных жанров народов Севера и Сибири разработали Е. М. Мелетинский [1976] и его последовательница в этом Е. С. Новик [2012]. Под **содержанием фольклора** чаще всего подразумевают именно символическое описание реальности. Е. С. Новик говорит о **ритуальности и сакральности** сюжета (содержания), как исходных свойствах фольклорного произведения [Новик 2015: 81]. Ритуальные, обрядовые произведения преобразуют высказывание, нарратив в действие. **Функциями фольклора считаются:**

- 1) Фиксация событий (символическое описание реальности).
- 2) Обряд (воздействие на реальность).

Задача исполнения фольклорного произведения может меняться под воздействием времени и обстоятельств, варьироваться в разных группах.

Загадка Севера в классификациях фольклорных произведений сегодня относится к малым, «детским» формам, способам описания, фиксации окружающей действительности. Сегодня ее основное назначение — развитие внимания, образного мышления подрастающего поколения. В загадке часто можно видеть описание окружающей действительности, картины мира, современных и исторических предметов и явлений:

— *Каждый год на одном и том же месте вырастает.* (Рога оленя) — хантыйская и ненецкая загадка.

— *На дне реки деревянный пузырь стоит.* (Морда²) — хантыйская загадка.

— *Летом худеет, зимой жиреет.* (Земля со снегом и без снега) — ненецкая загадка.

— *Когда ложится, надолго ложится, когда встает, надолго встает.* (Лед и вода) — ненецкая загадка.

— *Носит она саблю в шерстяных ножнах.* (Лисица) — ненецкая загадка.

— *Трое сошлись в одном стойбище.* (Хорей и его наконечники³) — саамская загадка.

— *Лес бежит, земля дрожит.* (Оленье стадо) — саамская загадка.

— *Белые, коричневые, пестрые мячики по тундре носят.* (Новорожденные оленята) — саамская загадка.

² Морда — рыболовная снасть-ловушка, имеющая вид двух вставленных один в другой конусов, сплетенных из прутьев. Известна с глубокой древности. Обычно имеет размеры: длина — до 1,5 метров, внутренняя корзина имеет 0,7 метра длины. Для плетения морд обычно используют прутья красной ивы, предварительно вымачивая их в горячей воде для придания гибкости [Википедия].

³ Хорей — это шест длиной до пяти метров, с костяным шариком на конце или железным наконечником для управления запряженными в нарты (сани) оленями.

— *Ходит пастух под водой, быков ловит.* (Рыболовная сеть) — саамская загадка.

В приведенных примерах предмет (явление) описывается через одно из своих свойств, наиболее характерных для носителей культуры. Подобное описание через название специфических особенностей возможно не только в загадках, но и в песнях/историях, где сразу приводится ответ, например в мансийских детских песенках «Птичка-синичка» или «Кошечка»:

— *Птичка-уук. Что за носик у тебя? — Ломик, которым долбят лед.*

— *Кошечка-кошечка, что за ушки у тебя? — Ушки мои — листочки.*

Жанр определяется содержанием и функцией произведения. Исходя из этого принципа Е. Т. Пушкарева строит классификацию ненецкого фольклора на анализе социально-бытовой функции произведения [Пушкарева 2003: 9]. Она же подчеркнула важный момент, что эта функция — категория историческая, а значит может появляться, развиваться и исчезать, от чего и зависит роль жанра, в том числе загадки. Загадка символична, и значение этого символа меняется с течением времени.

Само СЛОВО имеет в самодийском фольклоре сакральный статус как символ достоверности, засвидетельствованности происшедшего, как участник повествования *ВАДА* (нен) / *ЭТЫ* (сельк) 'слово, весть' / *ДЁРЕ* (энец.) 'весть' / *ДЮРЫМЫ* (нган.) 'слово, весть' [Терещенко 1965: 5; Мифология селькупов 2004: 14; Новик. Энецкий фольклор: 6; Костёркина, Момде, Жданова 2001: 51]. Это в свою очередь обозначает ценность «ведения», знания.

Во многих культурах разгадывание загадки было сакральным действием для перехода на новый уровень, для достижения цели. Известен миф про Сфинкса, который, не разгадав загадку Эдипа, был вынужден броситься в пропасть, пропустив его в Фивы [Сфинкс 1980: 954]. Роль загадки ритуального испытания в серьезных жизненных ситуациях — свадьба, похороны, даже собирание урожая

сохранилась в обрядах русского народа, о чем напоминает рекомендация жениху «Выбирай такого дружку, чтоб загадки разгадывал» [Даль 1989]. В ряде сюжетов русского и европейского фольклора герой получает руку принцессы, отгадав ее загадки или загадав свои; литературный известный вариант сюжета — сказка К. Гоцци «Принцесса Турандот».

Для народов Севера загадки исходно являлись сакральным словом-действием, меняющим реальность, наряду с другими испытаниями, упомянутыми в легендах и сказках, сохранившимися в свадебных, охотничьих, похоронных и других обрядах. По-ненецки загадка называется *хобцоко*, букв. 'то, что надо найти' [Терещенко 1965]. Ср. нган. *тумтэдя* 'вспомнить, догадаться, угадать' [Костёркина, Момде, Жданова 2001: 181]; сельк. *нянна томџа* 'загадать, букв. вперед, на будущее сказать' [Ириков 1988: 132], энец. *чудиа поничь* 'загадать, букв. загадку сделать' [Сорокина, Болина 2001: 152].

В ненецком фольклоре есть «зеркальное» отражение этой функции загадки в сюжете первого записанного произведения «Вада хасово», где сам герой Самоедин не отгадывает, но задает вопрос «Каким образом я на свет произошел?» [Вада хасово: 61]. Он проходит испытания — спускается под землю и поднимается на небеса. От верхнего бога он получает просвещение, наставления к праведной жизни, следуя которым, т. е. пройдя испытание, обретает новый, более высокий социальный статус: «вернулся домой, стал жить с матерью и разбогател в короткое время» [Там же: 67].

Интересно, что загадки как проверка «статуса» могли предлагаться и после испытывающего действия: «До недавнего времени у эвенков загадка была связана с обрядом посвящения юноши в самостоятельного мужчину с проверкой его зрелости. Так, после удачной охоты на крупного зверя в чуме молодого охотника собирались сородичи. Во время угощения старейший рода задавал юноше загадки. Если юноша давал правильные ответы и получал

одобрение у присутствующих, он говорил слово *давдым* (я победил, одолел, выиграл). Если же он затруднялся дать правильный ответ, то отец его говорил: *давдариан* (не осилил, сдался, проиграл)» [Уркачан 1960].

Будучи сакральными по происхождению загадки народов Севера, как и другие фольклорные произведения-символы, строятся по определенным словесным формулам-образцам, на что обратил внимание еще А. Н. Веселовский [1989]. Повторить эту звучность, передать ритм не всегда удается при переводе, где загадка «низведена» до обычного высказывания:

Сэр вёр, мёр вёр сáмт матум нэт кастэ́гит, ма́нь нэт ат кастэ́гит.

Глухой лес дремучий лес угол-LOC.SG пожилой женщина-PL платком_прикрыться-UNO3PL молодой женщина-PL NEG платком_прикрыться-UNOb3PL
В уголке глухого дремучего леса, пожилые женщины платками прикрываются, молодые женщины — нет (Пеньки под снегом в лесу) [Мансийские загадки 2017: 10].

Ненецкие загадки:

Еси” вáнзи паропи, яво” вáнзи паропи
река-GEN.PL бухта-GEN.PL пересекать-UNOB3SG
море-GEN.PL бухта-GEN.PL пересекать-UNOB3SG
Речные и морские бухты пересекает напрямик (Стрела).

Иде” ёрхана сидям’ няндота палы тамдабарңа
вода-ACC.PL глубина-LOC.SG два-ACC.SG
заточить-PART.PR сабля извиваться-UNOB3SG
В глубине вод извивается отточенная с обеих сторон сабля
(Хвост налима⁴).

⁴ **Налим**, или **обыкновенный налим (мень)** (лат. *Lota lota*) — единственная исключительно пресноводная рыба отряда трескообразных (*Gadiformes*). Имеет промысловую ценность. [Википедия]

Няби хэвда иленя ңамза, няби хэвда тацьда ня
другой половина-PX2SG жить-PART.PR мясо
другой половина-PX2SG целостный дерево
Одна половина — живое мясо, другая — дерево без примеси
(Ребенок в люльке).

Не' сея' пахаңгәйна ңәси" маньёрңа
женщина-GEN.SG часть_чума-GEN.SG залив-LOC.SG
нога-AB-PL валяться-UNOB3SG
Без ног валяется в углу женской половины чума т. е. около
дверного шеста (Женская сумка для пимов). [Терещенко
1965]

Есть удачные переводы хранителей языка, пример из Юрия Вэллы, который взят эпитафой.

Утрата признаков ритуальности и сакральности сегодня преобразовало загадку-действие в поучительно-развлекательное повествование. Так есть свидетельство о соревновании двух разновозрастных команд манси, которые «обычно состязаются в загадывании и отгадывании загадок следующим образом: распределяются на две группы, или все загадывают, а один отгадывает, или один загадывает, а все отгадывают (*в этом случае чаще всего дети всей группой отгадывают*). Все присутствующие в «игре загадок» волнуются, особенно дети. Загадка выговаривается в быстром темпе, ее следует и быстро отгадать — в этом суть игры. По числу заданных и отгаданных загадок считают количество выигранных очков участниками игры. Если сложную загадку никто не смог отгадать, то загадавший ее сам подсказывает отгадку. Этим он зарабатывает сразу два очка. Загадывание загадок начинается с самых простых, известных. Отгадывание их предоставляется обычно детям, взрослые преднамеренно воздерживаются, делая вид, что они их не знают. Дети с радостью их отгадывают и довольны» [Сборник фраз].

Исследование и сопоставление загадки как сакрального испытания в культурах народов Севера специально по-

ка не проводилось. Внимание на нее обращается преимущественно как на детский воспитательный фольклорный жанр [Смоляр 2007; Потпот 2021]. Справедливо полагают, что сегодня «основной коммуникативной целью жанра загадки является трансляция и проверка знаний» [Абрашитова 2012, 6]. Рассматривается преимущественно внешняя форма загадки [Титова 2011], есть исследования поэтики загадок в отдельных культурах [Низовцева 2017].

Грамматические обозначения:

AB — лишительный суффикс

DEL — ограничительный суффикс

ACC.SG — винительный падеж ед. числа

GEN — родительный падеж

LOC — местно-творительный падеж

CONJ — конъюнктив, сослагательное наклонение

COND.ADV — условное деепричастие

PART.PR — причастие настоящего времени

OB.C. — объектное спряжение

UNOB.C. — безобъектное спряжение

Литература

Абрашитова М. О. Загадка как часть современного фольклорного дискурса // *Молодой ученый*, 2012, 1 (36): 6–9.

Вада хасово // *Новые ежемесячные сочинения*, 1787, XII, июнь: 60–69.

Веселовский А. Н. *Историческая поэтика*. Вступ. ст. И. К. Горского; сост., коммент. В. В. Мочаловой. Москва, 1989.

Даль В. И. *Пословицы русского народа*. Москва, 1989. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dahl_proverbs/ (Дата обращения 20.07.2022).

Ириков С. И. *Словарь селькупско-русский и русско-селькупский*. Ленинград, 1988.

Костеркина Н. Т., Момде А. Ч., Жданова Т. Ю. *Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский*. Санкт-Петербург, 2001.

Кузнецова А. И. Идиоматические единицы с зоо-компонентом в уральских языках: поиски новых путей анализа // *Сборник 2000*. URL: <https://www.dialog-21.ru/en/digest/2000/articles/kuznetsova/> (Дата обращения 20.07.2022).

Куприянова З. Н. *Ненецкий фольклор*: Учеб. пособие для пед. училищ. Ленинград, 1960.

Лехтисало Т. *Мифология юрако-самоедов (ненцев)*. Пер. с нем. и публикация Н. В. Лукиной. Томск, 1998.

Мансийские загадки на мансийском, русском, английском языках. Сост. С. А. Герасимова. Тюмень, 2017. URL: <https://ouipir.ru/content/мансийские-загадки> (Дата обращения 20.07.2022).

Мелетинский Е. М. *Поэтика мифа*. Москва, 1976.

Мифология селькупов. *Энциклопедия Уральских мифологий*. Томск, 2004.

Мифы, предания, сказки хантов и манси. Москва, 1990.

Низовцева Н. Г. Поэтика загадок коми: к вопросу о фольклорных формулах // *Ежегодник финно-угорских исследований*, 2017: 36–50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-zagadok-komi-k-voprosu-o-folklornyh-formulah> (Дата обращения 20.07.2022).

Новик Е. С. Засвидетельствованность в фольклоре // *Повествование в архаическом фольклоре народов Сибири*. Russian Literature LXXI, 2012: 401–420. URL: <https://elsevier.com/locate/ruslit> (Дата обращения 19.05.2022).

Новик Е. С. К типологии жанров несказочной прозы Сибири и Дальнего Востока // *Ридер к курсу «Фольклор как форма культурной коммуникации»*. Санкт-Петербург, 2015, 79–85.

Новик Е. С. Энецкий фольклор. Введение // *Мифологическая проза малых народов Сибири и Дальнего Востока*. Сост. Е. С. Новик. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/novik/Vvedenie.htm> (Дата обращения 20.07.2022).

Потпот Р. М. Хантыйская загадка, отображающая метафорический облик человека // *Современное педагогическое образование*, 2021, 11: 290–294. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hantuyskaya-zagadka-otobrazhayuschaya-metaforicheskiy-oblik-cheloveka> (Дата обращения 20.07.2022).

Пушкарева Е. Т. *Историческая типология и этническая специфика ненецких мифов-сказок*. Москва, 2003.

Саамские сказки. Ред. Г. М. Керт. Мурманск, 1980

Сборник фраз // *Загадки ханты и манси*. URL: <https://sbornik-fraz.ru/zagadki/zagadki-hantu-i-mansi.html> (Дата обращения 20.07.2022).

Смоляр М. О. Миромоделирующая функция жанра загадки в фольклорном дискурсе // *Вестник Томского государственного университета*, 2007: 18–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/miromodeliruyuschaya-funktsiya-zhanra-zagadki-v-folklornom-diskurse> (Дата обращения 20.07.2022).

Сорокина И. П., Болина Д. С. *Энецко-русский русско-энецкий словарь*. Санкт-Петербург, 2001.

Сфинкс // *Мифы народов мира*. Москва, 1980, 954.

Терещенко Н. М. *Ненецко-русский словарь*. Москва, 1965.

Титова Н. Г. История и изучение народных загадок в отечественном и зарубежном языкознании // *Современная филология: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.)*. Уфа, 2011: 197–203. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/23/183/> (Дата обращения 20.07.2022).

Хомич Л. В. Ненецкие предания о сихиртя // *Фольклор и этнография*. Ленинград, 1970, 59–69. URL: <https://kronk.spb.ru/library/1970-l-fie.htm> (Дата обращения 20.07.2022).

Хомич Л. В. *Саамы*. Санкт-Петербург, 1999. URL: <https://saami.su/biblioteka/2-knigi/13-saamy.html> (Дата обращения 20.07.2022).

Уркачан Т. *Загадки эвенские и юкагирские*. Картотека. Записаны в п. Палана, 1960 г. URL: <https://imccenter.ru/zagadki-evenskiye-i-yukagirskiy-kartoteka-podgotovitel-naya-gruppa/> (Дата обращения 20.07.2022).

Фольклор. Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. URL: <https://ouipir.ru/node/22> (обращение 20.07.2022).

Элиаде М. *Аспекты мифа*. Москва, 2010.

References

Abrashitova M. O. Zagadka kak chast' sovremennogo fol'klornogo diskursa [Riddle is a part of modern folklore narrative] // *Molodoy uchenyy*, 2012, 1 (36): 6–9. (In Russ.)

Dal' V. I. *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. Moskva, 1989.

URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dahl_proverbs/ (Data obrashcheniya 20.07.2022)

Eliade M. *Aspekty mifa* [Myth Aspects]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Fol'klor [Folklore]. Obsko-ugorskiy institut prikladnykh issledovaniy i razrabotok. URL: <https://ouipir.ru/node/22> (obrashchenie 20.07.2022). (In Russ.)

Irikov S. I. *Slovar' sel'kupsko-russkiy i russko-sel'kupskiy* [Selqup–Russian and Russian–Selqup Dictionary]. Leningrad, 1988. (In Russ.)

Khomich L. V. Nenetskie predaniya o sikhirtya [Nenets tales about Sihirtja] // *Fol'klor i etnografiya*. Leningrad, 1970? 59–69. URL: <https://kronk.spb.ru/library/1970-l-fie.htm> (Data obrashcheniya 20.07.2022). (In Russ.)

Khomich L. V. *Saamy* [Saami]. Sankt-Peterburg, 1999. URL: <https://saami.su/biblioteka/2-knigi/13-saamy.html> (Data obrashcheniya 20.07.2022). (In Russ.)

Kosterkina N. T., Momde A. Ch., Zhdanova T. Yu. *Slovar' nganasansko-russkiy i russko-nganasanskiy* [Nganasan-Russian and Russian-Nganasan Dictionary]. Sankt-Peterburg, 2001. (In Russ.)

Kupriyanova Z. N. *Nenetskiy fol'klor* [Nenets Folklore]: Ucheb. posobie dlya ped. uchilishch. Leningrad, 1960. (In Russ.)

Kuznetsova A. I. Idiomaticheskie edinitsy s zoo-komponentom v ural'skikh yazykakh: poiski novykh putey analiza [Idio-

matic expressions with zoo-components in Uralic languages: new directions of research searching] // *Sbornik 2000*.

URL: <https://dialog-21.ru/en/digest/2000/articles/kuznetsova> (Data obrashcheniya 20.07.2022). (In Russ.)

Lekhtisalo T. *Mifologiya yurako-samoedov (nentsev)* [Jurak-Samoyedic (Nenets) Mythology]. Per. s nem. i publikatsiya N. V. Lukinoy. Tomsk, 1998. (In Russ.)

Mansiyskie zagadki na mansiyskom, russskom, angliyskom yazykakh [Mansi Riddles in Mansi, Russian, English]. Sost. S. A. Gerasimova. Tyumen', 2017.

URL: <https://ouipir.ru/content/mansiyskie-zagadki> (Data obrashcheniya 20.07.2022). (In Russ.)

Meletinskiy E. M. *Poetika mifa* [Poetics of myth]. Moskva, 1976. (In Russ.)

Mifologiya sel'kupov [Mythology of Selqup]. Entsiklopediya Ural'skikh mifologiy. Tomsk, 2004. (In Russ.)

Mify, predaniya, skazki khantov i mansi [Khanty and Mansi myths, legends, tales]. Moskva, 1990. (In Russ.)

Nizovtseva N. G. Poetika zagadok komi: k voprosu o fol'klornykh fomulakh [Poetics of Komi Riddles: about folklore expression] // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*, 2017: 36–50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-zagadok-komi-k-voprosu-o-folklornyh-formulah> (Data obrashcheniya 20.07.2022). (In Russ.)

Novik E. S. Enetskiy fol'klor. Vvedenie [Enets folklore. Introduction] // *Mifologicheskaya proza malykh narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Sost. E. S. Novik.

URL: <https://ruthenia.ru/folklore/novik/Vvedenie.htm> (Data obrashcheniya 20.07.2022). (In Russ.)

Novik E. S. K tipologii zhanrov nesказочной прозы Sibiri i Dal'nego Vostoka [About genres of not-fairy tales of Siberian and Far-Eastern prose] // *Rider k kursu «Fol'klor kak forma kul'turnoy kommunikatsii»*. Sankt-Peterburg, 2015, 79–85. (In Russ.)

Novik E. S. Zasvidetel'stvovannost' v fol'klore [Testifying in folklore] // *Povestvovanie v arkhaischeskom fol'klore narodov Sibiri. Russian Literature LXXI*, 2012: 401–420.

URL: <https://elsevier.com/locate/ruslit> (Data obrashcheniya 19.05.2022). (In Russ.)

Potpot R. M. Khantyyskaya zagadka, otobrazhayushchaya metaforicheskiy oblik cheloveka [Khanty riddles reflecting the metaphorical appearance of humans] // *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, 2021, 11: 290–294.

URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/hantyyskaya-zagadka-otobrazhayushchaya-metaforicheskiy-oblik-cheloveka> (Data obrashcheniya 20.07.2022). (In Russ.)

Pushkareva E. T. *Istoricheskaya tipologiya i etnicheskaya spetsifika nenetskiykh mifov-skazok* [Historical Typology and Ethnic Specificity of Nenets Myth-Tales]. Moskva, 2003. (In Russ.)

Saamskie skazki [Saami Tales]. Red. G. M. Kert. Murmansk, 1980. (In Russ.)

Sbornik fraz [Phrase collection] // *Zagadki khanty i mansi*. URL: <https://sbornik-fraz.ru/zagadki/zagadki-hanty-i-mansi.html> (Data obrashcheniya 20.07.2022). (In Russ.)

Sfinks [Sphinx] // *Mify narodov mira*. Moskva, 1980, 954. (In Russ.)

Smolyar M. O. Miromodeliruyushchaya funktsiya zhanra zagadki v fol'klornom diskurse [Universal modelling function of the riddle in folklore narrative] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007: 18–21.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/miromodeliruyushchaya-funktsiya-zhanra-zagadki-v-fol'klornom-diskurse> (Data obrashcheniya 20.07.2022). (In Russ.)

Sorokina I. P., Bolina D. S. *Enetsko-russkiy russko-enetskiy slovar'* [Enets-Russian and Russian-Enets Dictionary]. Sankt-Peterburg, 2001. (In Russ.)

Tereshchenko N. M. *Nenetsko-russkiy slovar'* [Nenets-Russian dictionary]. Moskva, 1965. (In Russ.)

Titova N. G. Istoriya i izuchenie narodnykh zagadok v otechestvennom i zarubezhnom yazykoznanii [History and studying of folk riddles in native and foreign linguistics] // *Sovremennaya filologiya: materialy I Mezhdunar. nauch. konf. (g. Ufa, aprel' 2011 g.)*. Ufa, 2011: 197–203.

URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/23/183/> (Data obrashcheniya 20.07.2022). (In Russ.)

Urkachan T. *Zagadki evenskie i yukagirskie* [Even and Jukagir Riddles]. Kartoteka. Zapisany v p. Palana, 1960 g. URL: <https://imccenter.ru/zagadki-evenskiye-i-yukagirskiye-kartoteka-podgotovitel-naya-gruppa/> (Data obrashcheniya 20.07.2022). (In Russ.)

Vada khasovo [Wada hasowo] // *Novye ezheimesyachnye sochineniya*, 1787, XII, iyun': 60–69. (In Russ.)

Veselovskiy A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Vstup. st. I. K. Gorskogo; sost., komment. V. V. Mochalovoy. Moskva, 1989. (In Russ.)

Люблинская Марина Дмитриевна
Институт лингвистических исследований РАН
Институт народов Севера РГПУ
Санкт-Петербург, Россия
Lublinskaya Marina Dmitrievna
Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences
Institute of the Peoples of the North,
Institute of the Peoples of the North
St. Peterburg, Russia
mashilda@gmail.com

РОДНОЙ ЯЗЫК
Лингвистический журнал

RODNOY YAZYK
Linguistic Journal

Институт перевода Библии
101000 Россия, Москва, Главпочтамт, а/я 360
www.ibt.org.ru; ibt_inform@ibt.org.ru

Подписано в печать 30.12.2022
Формат 84×108 ¹/₃₂. Усл.-печ. л. 12,6
Бумага офсетная. Гарнитура «Noto»
Тираж 80 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «ИПП «КУНА»